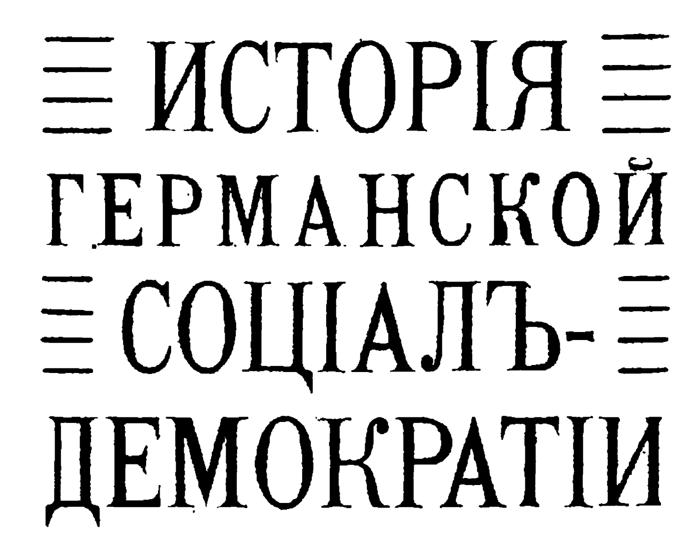
48

БИБЛІОТЕКА „ПРОСВѢЩЕНІЯ"

ИСТОРІЯ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

СОЧИНЕНІЕ ФР. МЕРИНГА

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДН. НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Цѣна 50 коп.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе"
С.-Петербургъ, 7-ая рота, собств. домъ, № 20

Библіотека „Просвѣщенія“.

Исторія германской соціалъ-демократіи.

Соч. Фр. Меринга.

Выпускъ четвертый.

Реакціонныя послѣдствія Мартовской революціи.

Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія

д-ра М. Е. Ліона.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“,
7 рота, собствен. д. 20.

Типографія Товарищества „Просвѣщніе“.
С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20.

Оглавленіе.

Реакціонныя послѣдствія Мартовской революціи.

Реакціонныя послѣдствія Мартовской революціи.

Глава пятая.

Кельнскій процессъ коммунистовъ.

Перенесеніе Центральнаго Комитета въ Кельнъ не спасло единства организаціи въ Союзѣ Коммунистовъ: существовавшій антагонизмъ перешелъ въ открытую войну. Еще въ рѣшительномъ засѣданіи Центральнаго Комитета отъ 15 сентября Виллихъ былъ вызванъ Шраммомъ на дуэль на пистолетахъ, состоявшуюся въ Антверпенѣ и кончившуюся легкимъ пораненіемъ Шрамма. Марксъ и Энгельсъ, конечно, строго осудили дуэль, но не могли помѣшать ей.

Въ самомъ предметѣ спора большинство Центральнаго Комитета было на ихъ сторонѣ, но это большинство отнюдь не соотвѣтствовало большинству въ союзѣ. Громадное число новыхъ членовъ, доставленныхъ ему революціонной волною, продолжало кружиться въ этомъ потокѣ и не обладало такой выдержкой, какъ рабочіе, подобные Бауеру, Эккаріусу, Пфендеру. Общество для самообразованія рабочихъ въ Лондонѣ, изъ котораго Марксъ, Энгельсъ, Бауеръ, Эккаріусъ. Пфендеръ, Зейлеръ, Шраммъ, Фердинандъ Вольфъ, Либкнехтъ и нѣкоторые другіе вышли 17 сентября, сочувствовало Виллиху и Шапперу такъ же, какъ и лондонскій районъ, который самовластно лишилъ полномочій прежнихъ членовъ Центральнаго Комитета, исключилъ изъ союза Маркса и его единомышленниковъ и избралъ новый Центральный Комитетъ, ядро котораго

составило меньшинство 15 сентября. Правда, Кельнскій районъ взялъ на себя миссію, которую возложило на него въ этотъ день большинство. Онъ избралъ новый Центральный Комитетъ, въ которомъ засѣдали Беккеръ, Бюргерсъ и сигарочникъ Рёзеръ, и поручилъ Эккаріусу, съ одной стороны, и Шапперу, съ другой, создать въ Лондонѣ по одному новому району. Въ отвѣтъ на это, однако, Виллихъ и Шапперъ отправили въ Кельнъ уполномоченнаго, который долженъ былъ сперва добромъ уговорить тамошній районъ капитулировать, въ случаѣ же несогласія—исключить его изъ союза. Кельнскій районъ не сдался и на заявленіе уполномоченнаго, что онъ исключенъ, отвѣчалъ, что старый лондонскій районъ и его Центральный Комитетъ этимъ поступкомъ сами исключаютъ себя изъ союза. Такъ распался Союзъ Коммунистовъ на двѣ фракціи.

Отдѣлившійся союзъ Виллихъ-Шаппера какъ-будто одержалъ побѣду. Но въ дѣйствительности онъ жилъ отнынѣ только для того, чтобы подтачивать корни собственнаго существованія. Игра въ революцію, ради которой онъ вызвалъ расколъ, обезсиливала его тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше она доставляла ему ненадежныхъ членовъ, отъ пустаго хвастуна до тонкаго шпіона. Такъ, онъ основалъ въ Парижѣ три новыхъ кружка, польза отъ которыхъ была, однако, болѣе чѣмъ сомнительна: господствовавшій въ нихъ напыщенно-кровожадный цыганскій паѳосъ, пожалуй, былъ еще объяснимъ у революціонеровъ 30-хъ годовъ, но являлся чистымъ ребячествомъ послѣ опыта дѣйствительной революціи. Не ушли также далеко отъ этого Виллихъ и Шапперъ въ своихъ обращеніяхъ къ созданному ими самостоятельному союзу. Иронизируя надъ „кликой Маркса-Энгельса", не признавая ее способной что-либо организовать или практически выполнить, они восхваляли себя, какъ „людей дѣла", въ противоположность членамъ-„литераторамъ", занимающимся „только писаніемъ". Въ январѣ 1851 г.

Виллихъ писалъ Беккеру въ Кельнъ, чтобы тотъ попытался революціонизировать кельнскій гарнизонъ; когда же кельнская революція будетъ готова, онъ не откажется, пожалуй, взять на себя руководительство дальнѣйшими операціями. Беккеръ въ письмѣ къ Марксу совершенно вѣрно охарактеризовалъ этотъ способъ устраиванія революцій такими словами: „Виллихъ своими глупостями собьетъ съ толку еще безчисленное множество людей. Одно такое письмо могло бы на три года обезпечить жалованье сотнѣ судей по революціоннымъ дѣламъ“. Виллихъ адресовалъ также напыщенное посланіе къ прусскимъ офицерамъ, которое, конечно, красовалось черезъ три дня на столбцахъ „Крестовой Газеты“.

Рядомъ съ этимъ сепаративный союзъ Виллихъ-Шаппера участвовалъ также во всевозможныхъ донкихотствахъ буржуазно-демократической эмиграціи. Вмѣстѣ съ Кинкелемъ Виллихъ принималъ участіе въ глупой затѣѣ основать нѣмецкую революцію на акціяхъ. Кинкель, который уже передъ раштаттскимъ судомъ проявилъ полнѣйшую несостоятельность, но былъ окруженъ ореоломъ мученика, благодаря мстительности прусскаго короля, послѣ бѣгства своего изъ шпандауской каторжной тюрьмы, игралъ въ Лондонѣ сомнительную роль интереснаго салоннаго демагога, которую Фрейлигратъ осмѣялъ въ своихъ остроумныхъ стихахъ. По примѣру Кошута, онъ предпринялъ путешествіе въ Соединенные Штаты въ цѣляхъ революціи. Но такъ какъ онъ все же не былъ Кошутомъ, то не привезъ даже такой суммы, какъ послѣдній, а лишь какихъ-нибудь 1,500 фунтовъ стерлинговъ, изъ коихъ около трети, послѣ всевозможныхъ дрязгъ, было отнесено на путевыя издержки и другіе расходы. Остатокъ былъ внесенъ въ англійскій банкъ, какъ оборотный капиталъ для перваго нѣмецкаго временного правительства. И во всей этой комедіи съ большимъ воодушевленіемъ участвовалъ Виллихъ!

Несравненно серьезнѣе отнесся къ своей задачѣ остатокъ прежняго союза. Въ воззваніи Кельнскаго Центральнаго Комитета отъ 1 декабря 1850 г. нѣтъ и тѣни самохвальства новаго союза. Оно, наоборотъ, нисколько не скрывало того, что внутренніе раздоры расшатали союзъ. Четыре эмиссара, отправленные, по одному, въ южную Германію, Рейнскую провинцію, королевство Саксонію и Силезію, привезли мало утѣшительнаго. Собственно, въ одной только Рейнской провинціи существовала болѣе сплочённая организація, но и она была не сильна. Кельнскій же и Франкфуртскій районы насчитывали всѣ вмѣстѣ только 11 общинъ.

Одинъ изъ упомянутыхъ эмиссаровъ, портняжный подмастерье Нотьюнгъ, былъ случайно арестованъ въ Лейпцигѣ 10 мая 1851 г. изъ-за отсутствія удостовѣренія о личности. Полиція нашла у него „Коммунистическій манифестъ“, статуты Союза Коммунистовъ, воззванія Центральнаго Комитета отъ марта и декабря 1850, письма Беккера и Бюргера и множество адресовъ. Эти слѣды и признаніе приказчика Гаупта, арестованнаго въ Гамбургѣ, привели къ открытію Кельнскаго Центральнаго Комитета. Одиннадцать членовъ союза были привлечены за попытку государственной измѣны и взяты подъ стражу: Нотьюнгъ, Беккеръ, Бюргеръ, Резеръ, приказчики Эргардъ и Рейфъ, портняжный подмастерье Лесснеръ, химикъ Отто и три врача, Даніельсъ, Якоби и Клейнъ. Фрейлигратъ, котораго тоже хотѣли привлечь, находился уже въ Лондонѣ, куда не достигала рука прусской юстиціи.

Прусское правительство усердно старалось создать изъ этого обвиненія громкое государственное дѣло. Оно прекрасно понимало, конечно, практическую безопасность союза въ тогдашнемъ его состояніи; но контръ-революціи былъ нуженъ пугающій призракъ грознаго заговора для того, чтобы сломить послѣдніе

остатки сопротивленія въ буржуазномъ классѣ. Притомъ суды присяжныхъ проявляли до сихъ поръ нѣкоторую независимость, съ которою слѣдовало покончить. Наконецъ, нужно было вывести полицію изъ состоянія домартовской безтолковости, которое сдѣлалось посмѣшищемъ цѣлаго свѣта въ процессѣ противъ Вальдека по обвиненію въ государственной измѣнѣ, и поднять ее на ту высоту утонченнаго государственнаго искусства, безъ котораго, какъ это хорошо понимали даже юнкера, нельзя было обойтись въ вѣкъ промышленности. Для всѣхъ этихъ благородныхъ цѣлей процессъ кельнскихъ коммунистовъ являлся превосходной пробой. На рабочихъ можно было испробовать остроту оружія, которымъ собирались крошить буржуазію. Съ большимъ звономъ было объявлено, что въ лицѣ кельнскихъ обвиняемыхъ захвачены главари противогосударственнаго заговора, охватившаго цивилизованный міръ на подобіе вампира.

Правда, въ самомъ началѣ этого блестящаго пути стояло, повидимому, непреодолимое препятствіе. Всѣ улики, собранныя полиціей и судебными властями, доказывали только, что Союзъ Коммунистовъ не былъ ни тайнымъ, ни опаснымъ заговоромъ; то было лишь тайное общество для пропаганды, а противъ такого общества въ кодексѣ не имѣлось наказаній. „Коммунистическій манифестъ“ каждой своей строчкой протестовалъ противъ обвиненія его въ стремленіи подстрекать къ заговорамъ; воззванія же Центральнаго Комитета, которыя были захвачены у Нотьюнга, занимались исключительно отношеніемъ коммунистовъ къ будущему правительству демократіи и не имѣли, стало быть, отношенія къ современному правительству романтическаго короля И, дѣйствительно, обвинительная камера апелляціоннаго суда нашла въ октябрѣ 1851 года, что фактическихъ д нныхъ для обвиненія въ дѣлѣ не имѣется, и поэтому нужно начать слѣдствіе сначала.

И чѣмъ большія препятствія воздвигались на пути, тѣмъ заманчивѣе становилась цѣль. Если не было доказательствъ, то политическая полиція должна была сумѣть создать ихъ, а если буржуазные присяжные не умѣли осуждать безъ уликъ или на основаніи ложныхъ уликъ, то тѣмъ паче слѣдовало развратить ихъ. Въ этомъ смыслѣ тотчасъ послѣ ареста Нотьюнга даны были соотвѣтственныя инструкціи полицейрату Штиберу, который еще весною 1851 года былъ командированъ на лондонскую промышленную выставку, чтобы слѣдить за нѣмецкими бѣглецами. Въ революціонные годы онъ стоялъ въ ряду восторженныхъ борцовъ за свободу и защищалъ высказавшихся за отказъ отъ уплаты налоговъ. Но затѣмъ, когда съ революціей нельзя было уже дѣлать никакихъ дѣлъ, онъ покаялся и вернулся въ лоно полиціи. Правда, даже президентъ берлинской полиціи ф. Гинкельдей былъ противъ вторичнаго приглашенія на службу этого отверженнаго и всюду опороченнаго человѣка, но королевскій орелъ милостиво простеръ надъ нимъ свои крылья. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, который самъ мнилъ себя художникомъ, съ утонченной злобой замѣнилъ поэту и историку искусства Кинкелю болѣе строгое наказаніе пряденіемъ шерсти въ каторжной тюрьмѣ. И когда Кинкель счастливо убѣжалъ отъ этой медленной смерти, то богобоязненный монархъ написалъ Мантейфелю: „Это навело меня на мысль, которую я не могу признать совсѣмъ чистою: не будетъ ли Штиберъ подходящею личностью для того, чтобы разоблачить нити освободительнаго заговора и раскрыть передъ прусской публикой давно и справедливо желанное зрѣлище доказаннаго, а главное — наказаннаго комплота? Поэтому поторопитесь съ назначеніемъ Штибера, и пусть онъ исполнитъ свой пробный урокъ. Думаю, что эта мысль дастъ хорошія послѣдствія и придаю большое значеніе скорѣйшему осуществленію ея“. Такимъ образомъ, Штиберъ получилъ отъ самого

короля благословеніе на провокаторскую дѣятельность и поторопился примѣнить свои таланты и въ этомъ направленіи.

Въ Лондонѣ онъ скоро напалъ на слѣды фракціи Виллихъ-Шаппера и поручилъ шпіону Рейтеру, который жилъ въ одномъ домѣ съ секретаремъ этой фракціи, украсть ея корреспонденцію. Имѣя въ рукахъ такой кладъ, Штиберъ ловко воспользовался имъ. Онъ отправилъ въ Парижъ шпіона Флери, который собственно назывался Краузе, былъ сыномъ разбойника и съ дѣтства поочередно то отсиживалъ въ каторжныхъ тюрьмахъ, то занимался воровствомъ или полицейскимъ шпіонствомъ. Здѣсь нужно было создать систематическій заговоръ въ общинахъ Виллихъ-Шапперовскаго тайнаго союза. Чутье полицейскаго сыщика подсказало Штиберу, на основаніи украденной корреспонденціи, что парижскія общины являются благопріятной почвой для провокаторовъ. Онъ понималъ также, что бонапартистская полиція наканунѣ государственнаго переворота, котораго ожидалъ весь міръ, отнесется благосклонно къ предлагаемому ей подарку въ видѣ готоваго заговора и сумѣетъ его использовать.

Такъ, дѣйствительно, и случилось. Задача Флери удалась тѣмъ легче, что въ самыхъ парижскихъ общинахъ онъ встрѣтилъ на ряду съ честными сумасбродами отъявленнаго негодяя, нѣкоего Шерваля, кокоторый уже раньше служилъ прусскому посланнику въ Парижѣ въ качествѣ шпіона. Собственно, этотъ Шерваль не былъ ирландцемъ, какъ онъ утверждалъ, а настоящимъ рейнскимъ пруссакомъ по фамиліи Кремеръ. Въ 1844 году онъ былъ осужденъ за подделку векселей и бѣжалъ изъ ахенской тюрьмы. Такой же типъ, нѣкій Гипперихъ, руководилъ страсбургской общиной Виллихъ-Шапперовской фракціи. Къ сентябрю 1851 года Флери настолько уже подготовилъ почву, что Штиберу вмѣстѣ съ полицейскимъ лейтенантомъ Грейфомъ оставалось только пріѣхать въ Па-

рижъ и открыть заговоръ, имѣющій цѣлью ниспроверженіе французскаго государственнаго строя, при бенгальскомъ свѣтѣ спасенія государства. И такъ какъ въ этомъ случаѣ съ юридической стороны существовалъ заговоръ, то въ результатѣ въ февралѣ 1852 г. нѣсколько несчастныхъ нѣмецкихъ рабочихъ были приговорены, на основаніи вердикта парижскихъ присяжныхъ, къ болѣе или менѣе продолжительному лишенію свободы. Шерваль и Гипперихъ были, какъ будто, наказаны несравненно строже, именно, были приговорены къ восьми годамъ тюремнаго заключенія. Но то была, конечно, чистая комедія, такъ какъ тотчасъ послѣ осужденія имъ дали возможность бѣжать изъ тюрьмы. Какъ бонапартистскіе, такъ и прусскіе спасители государства согласны были въ томъ, что такіе полезные люди не должны сидѣть праздно за шведскими гардинами.

Хотя этотъ полицейскій походъ можно признать въ своемъ родѣ успѣшнымъ, но главная цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, все же имъ не была достигнута: онъ не доставилъ матерьяла противъ кельнскихъ обвиняемыхъ. Нельзя было взвалить на нихъ отвѣтственность за заговоръ, который былъ устроенъ полиціей лишь послѣ ареста ихъ. Изъ всего, что было обнаружено въ отношеніи парижскихъ общинъ, нельзя было почерпнуть ни единаго указанія на Кельнскій Центральный Комитетъ или на фракцію Маркса-Энгельса. Правда, въ бумагахъ, украденныхъ Рейтеромъ, найдена была одна, подписанная Марксомъ и его друзьями, но то было совершенно невинное заявленіе въ полторы строчки отъ 17 сентября 1850 г., гдѣ они заявляли о своемъ выступленіи изъ лондонскаго общества самообразованія рабочихъ. Тѣ, дѣйствительно, цѣнные документы, которые добылъ Штиберъ, которые могли привести въ ужасъ буржуазныхъ присяжныхъ, вродѣ переписки, напр., между Шервалемъ и Гиппернхомъ, не находились ни въ ка-

кой, хотя бы самой отдаленной связи, съ кельнскими обвиняемыми.

Въ виду этого прусская полиція перенесла поле своей дѣятельности обратно въ Лондонъ. Къ фракціи Виллихъ-Шаппера присосался лейтенантъ Генце, сдѣлавшій здѣсь первые шаги въ сферѣ провокаторства. Вскорѣ онъ прославился въ этомъ направленіи, какъ показали процессы противъ Ладендорфа и Виггерса. Однако, фракція Виллихъ-Шапера не давала особеннаго матеріала и, во всякомъ случаѣ, не дала того, что требовалось противъ кельнскихъ обвиняемыхъ. Грейфъ, который въ это время былъ прикомандированъ къ прусскому посольству въ Лондонѣ, объяснилъ сыщику Вильгельму Гиршу, что необходимо, во что бы то ни стало, добыть отчеты о тайныхъ засѣданіяхъ союза партіи Маркса, но только, чтобы они не переходили за предѣлы вѣроятности. Флери же, который поселился въ англійской столицѣ, какъ простой купецъ, такъ объяснилъ тому же сыщику желаніе прусской полиціи: „Главное дѣло документы; если нельзя заполучить ихъ, то нужно устроить какъ-нибудь иначе“. Гиршъ, приказчикъ изъ Гамбурга, сумѣлъ втереться въ декабрѣ 1850 года подъ маской коммуниста-эмигранта въ частное общество, гдѣ Марксъ разъ въ недѣлю сходился сô своими друзьями. Но уже въ январѣ 1851 года онъ былъ изобличенъ и немедленно изгнанъ. Партія Маркса была настолько коварна, что не доставила ни одного атома, которымъ можно было бы воспользоваться противъ кельнскихъ обвиняемыхъ. Флери и Гиршу пришлось дѣйствовать на собственный страхъ. Въ домѣ Флери, въ верхнемъ этажѣ котораго жилъ молодецъ Грейфъ, они еженедѣльно составляли отчеты о тайныхъ засѣданіяхъ партіи Маркса и за большія деньги продавали ихъ прусскому правительству, а послѣднее наивно вѣрило, что безсмысленная болтовня двухъ необразованныхъ негодяевъ и есть самая сокровенная мудрость Маркса и Энгельса.

Тѣмъ не менѣе, обладая возраставшей грудой объективныхъ фактовъ, правительство, повидимому, все же чувствовало себя не особенно хорошо. Гласное разбирательство дѣла кельнскихъ обвиняемыхъ откладывалось отъ одной сессіи присяжныхъ до другой. Директоръ полиціи въ Кельнѣ, президентъ полиціи въ Берлинѣ, министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ безпрерывно вмѣшивались въ ходъ слѣдствія, но всегда конецъ пѣсенки былъ одинъ и тотъ же: изъ ничего ничего и не будетъ. Мало того, главный свидѣтель, Гауптъ, еще до начала процесса былъ отправленъ родными въ Бразилію, такъ какъ они стыдились его измѣны, а публика становилась все нетерпѣливѣе. Наконецъ, черезъ 1½ года нужно было рѣшиться поднять завѣсу надъ сенсаціонной комедіей, о которой было такъ громко возвѣщено. При этомъ были приняты самыя утонченныя мѣры предосторожности. Присяжные, тщательно профильтрованные, представляли отборную коллекцію трусовъ изъ господствующихъ классовъ. Защитникамъ, вопреки прямому закону, воспрещенно было имѣть сношенія съ обвиняемыми даже послѣ врученія обвинительнаго акта. Черный кабинетъ почтоваго вѣдомства, который въ прусскомъ государствѣ издавна умѣлъ неподражаемо организовать кражу писемъ, получилъ на этотъ разъ предписаніе превзойти самого себя и отрѣзать защитѣ всякую помощь извнѣ. Штиберъ уже энергично приготовился, какъ свидѣтель, давать одно показаніе за другимъ.

Судъ продолжался шесть недѣль, отъ 7 октября до 12 ноября 1852 года. Дѣло не обошлось безъ маленькихъ полицейскихъ инцидентовъ, какъ, напримѣръ, предъявленіе безсмысленной рукописи, которая, будто бы, была написана Марксомъ, но подложность которой была немедленно обнаружена. Кромѣ того, Штиберъ старался запутать обвиняемыхъ въ заговоръ Шерваля, перемѣшивая имена и числа и не брезгая самой отъявленной ложью, если только не было опас-

ности, что она тотчасъ обнаружится. Разбойничье письмо Шерваля къ Гиппериху было прочитано три раза для того, чтобы убѣдить присяжныхъ въ преступномъ злодѣйствѣ коммунизма. И, однако, всѣ ложныя показанія Штибера ни къ чему не привели. Невзирая на ограниченный вѣрноподданническій умъ буржуазныхъ присяжныхъ, несмотря на весь страхъ ихъ за священную собственность, простая логика говорила, что обвиняемые никоимъ образомъ не могутъ быть отвѣтственны за заговоръ, который былъ устроенъ во время ихъ ареста полицейскими провокаторами въ организаціи, находившейся въ явной враждѣ съ подсудимыми.

Штиберу было ясно, что ему необходимо прибѣгнуть къ самому сильному изъ своихъ средствъ. 23-го октября онъ признался, что въ заговорѣ Шерваля участвовала лишь фракція Виллихъ-Шаппера. Но теперь онъ представилъ книгу подлинныхъ протоколовъ партіи Маркса-Энгельса, только что доставленную ему чрезвычайнымъ курьеромъ изъ Лондона. Эта книга разоблачитъ самыя ужасныя дѣла, которыя творились въ Рейнской провинціи, въ Кёльнѣ и даже въ самомъ судебномъ залѣ. Чрезвычайный курьеръ былъ не кто иной, какъ пріятель Грейфъ, протоколы же состояли изъ лжеотчетовъ, измышленныхъ Флери и Гиршемъ, съ тою лишь разницей, что въ этой книгѣ они были собственноручно написаны и подписаны Г. Либкнехтомъ и Рингсомъ, въ качествѣ секретарей партіи Маркса-Энгельса. Штиберъ подъ присягой призналъ подлинность этой книги, исходя изъ того безспорнаго факта, что содержаніе ея совпадало съ донесеніями его агентовъ о тайныхъ засѣданіяхъ названной партіи. Такое разоблаченіе полиціи застигло, конечно, врасплохъ подсудимыхъ и ихъ защитниковъ; въ то же время полицейскія власти въ единеніи съ почтовымъ вѣдомствомъ приняли всѣ зависящія мѣры, чтобы не допустить изъ Лондона, какія бы то ни было, разъясненія отъ страшнаго Маркса.

Но вся сила прусскаго государства оказалась недостаточной для того, чтобы провести эту преступную фальсификацію. Въ самомъ Кельнѣ удалось достать подлинныя рукописи Рингса и Либкнехта, даже имя котораго было неправильно указано поддѣлывателями; Марксу же удалось, несмотря на всѣ кражи писемъ со стороны почтоваго вѣдомства, окольными путями снабдить защиту необходимыми свѣдѣніями Наконецъ, Штиберъ сдѣлалъ еще одну отчаянную попытку: онъ послалъ въ Лондонъ полицейскаго лейтенанта Гольдгейма, чтобы заманить въ Кельнъ сыщика Гирша, обѣщая ему настоящую государственную пенсію. Здѣсь Гиршъ долженъ былъ предстать передъ судомъ въ качествѣ г. Либкнехта и подъ присягою удостовѣрить подлинность книги протоколовъ. Гиршу, однако, совершенно правильно подсказывало чутье, что это — дѣло рискованное, которое скорѣе пахнетъ каторгой за лжесвидѣтельство, чѣмъ государственной пенсіей, и что онъ явится лишь козломъ отпущенія полиціи. Онъ отклонилъ соблазнъ, а вмѣсто этого раскрылъ тайники своей прекрасной души передъ Виллихомъ, который побудилъ его 6 ноября подъ присягою заявить англійскимъ властямъ, что книга протоколовъ была поддѣлана имъ подъ руководствомъ Грейфа и Флери. И самой кельнской прокуратурѣ пришлось признать это прекрасное вещественное доказательство „ложнымъ" и „злополучной книгой".

Оправданіе кельнскихъ обвиняемыхъ казалось неизбѣжнымъ. Нѣмецкая и англійская буржуазная пресса подготовляли общественное мнѣніе къ неблагопріятному исходу процесса, однако 12 ноября присяжные признали семь изъ одиннадцати подсудимыхъ виновными. Рёзеръ, Бюргерсъ и Нотьюнгъ были приговорены къ шести, Рейфъ, Отто и Беккеръ — къ пяти, Лесснеръ — къ тремъ годамъ заключенія въ крѣпости. Со времени мартовскихъ дней это было первое грѣхопаденіе присяжныхъ Будучи поставлены передъ выборомъ: со-

вершить юридическое убійство надъ нѣсколькими коммунистами или передъ лицомъ всего свѣта запечатлѣть на лбу прусскаго правительства клеймо позора, — они предпочли юридическое убійство.

Послѣ этого распались послѣдніе остатки Союза Коммунистовъ, находившіеся еще въ Лондонѣ. Какъ основаніе къ распущенію, было заявлено, что со времени заключенія кельнскихъ осужденныхъ порвались всякія сношенія съ континентомъ, и что вообще подобнаго рода общество пропаганды не соотвѣтствуетъ болѣе требованіямъ времени. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ угасла также фракція Виллихъ-Шаппера. Шапперъ призналъ промахи эмигрантовъ, а Виллихъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ снискалъ себѣ заслуженную славу, въ качествѣ генерала, въ междоусобную войну шестидесятыхъ годовъ.

Съ распаденіемъ самой могущественной организаціи заканчивается первый періодъ нѣмецкаго рабочаго движенія. Вейтлингъ, который послѣ ноябрьскаго государственнаго переворота былъ высланъ изъ Берлина, продолжалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Гамбургѣ и Альтонѣ не совсѣмъ безуспѣшную коммунистическую пропаганду. Онъ основалъ освободительный союзъ, который сдѣлалъ ткача Якова Аудорфа убѣжденнымъ коммунистомъ. Но уже въ августѣ 1849 г. полиція напала на слѣдъ агитаціи Вейтлинга. Аудорфъ, по порученію своихъ единомышленниковъ, отправился тогда въ Лондонъ, чтобы вмѣстѣ съ тамошними эмигрантами обсудить вопросъ о вооруженномъ возстаніи въ сѣверной Германіи, но, главнымъ образомъ, Марксъ убѣдилъ его въ полнѣйшей безнадежности подобнаго предпріятія. Вейтлингъ бѣжалъ въ Америку, откуда онъ больше не возвращался въ Германію. Среди нѣмецкихъ рабочихъ въ Соединенныхъ Штатахъ онъ сумѣлъ создать сильное движеніе, но не удержался во главѣ послѣдняго, благодаря своему упрямству и утопическимъ планамъ. Маленькая должность въ Кестль-

Гарденѣ, эмиграціонномъ депо нью-іоркской гавани, скудно прокармливала его и его многочисленную семью, до самой смерти его въ 1871 году. Послѣднія написанныя имъ страницы свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ окончательно запутался въ нелѣпыхъ идеяхъ, мечталъ и составилъ планъ полнаго переворота въ астрономіи, при чемъ земля снова сдѣлается центромъ вселенной. Онъ умеръ на порогѣ эпохи, которая должна была справедливо оцѣнить то, что онъ сдѣлалъ, и то, въ чемъ онъ ошибался.

Дольше Союза Коммунистовъ сохранились, повидимому, лишь отдѣльные отпрыски Братства Рабочихъ. Изъ всѣхъ практическихъ начинаній послѣдняго пустили корни только союзы для охраненія здоровья: каждый членъ ихъ за небольшое мѣсячное вознагражденіе пользовался, на случай болѣзни, безплатно врачебною помощью и лѣкарствами. Но и эти кружки были задушены въ 1853 г., когда политическая полиція въ процессѣ Ладендорфа пустила въ ходъ противъ мелкобуржуазной демократіи тѣ же средства, съ какими оно, полугодомъ раньше въ кельнскомъ процессѣ коммунистовъ, набросилось на революціонный пролетаріатъ. Штиберъ проявилъ извѣстную логику въ томъ, что втянулъ общества охраненія здоровья не въ пролетарскую, а въ буржуазную катастрофу. Эти общества, конечно, уже нельзя было признавать пролетарскими организаціями: они совершенно обуржуазились, и буржуазія видѣла въ нихъ средство для уменьшенія городскихъ расходовъ на бѣдныхъ. Либеральные друзья человѣчества были противъ распущенія ихъ, ссылаясь на то, что собранія этихъ об-въ были всегда открыты для полицейскаго контроля.

Въ судьбѣ этихъ ферейновъ до нѣкоторой степени отразилась судьба самаго Братства Рабочихъ. Принципіальныя недоразумѣнія въ ея спорахъ сглаживались революціоннымъ инстинктомъ пролетаріата, пока продолжалась революція. Но они рѣзко обозначились, когда революція была подавлена въ борьбѣ за импер-

скую конституцію, и въ то же время начался мощный расцвѣтъ промышленности. Къ тому же Борнъ жилъ въ изгнаніи, а преемники его въ руководительствѣ союзомъ и его органомъ, геометръ Швеннингеръ и наборщикъ Ганглофъ, никоимъ образомъ не могли замѣнить его. Общее собраніе Братства Рабочихъ' происходившее въ Лейпцигѣ съ 20 по 26 февраля 1850 г. въ числѣ 25 депутатовъ, — между ними были также немногіе члены Союза Коммунистовъ, какъ Биски и Стеханъ, — выказало рѣшительное намѣреніе отказаться отъ крутыхъ политическихъ реформъ и ограничиться обреченной на безсиліе самопомощью въ дѣлѣ исправленія капиталистическаго строя. Французскій пролетаріатъ, послѣ страшнаго кровопусканія въ іюньскихъ битвахъ, послѣ смерти или изгнанія наиболѣе даровитыхъ вожаковъ его, послѣ крушенія буржуазной революціи, послѣ пышнаго расцвѣта буржуазныхъ продуктивныхъ силъ, по классическому выраженію Маркса,—ринулся въ движеніе, „въ которомъ онъ отказывался пересоздать старый міръ при помощи совокупныхъ великихъ собственныхъ средствъ послѣдняго и пытался добиться своего освобожденія за спиною общества, частнымъ образомъ, въ предѣлахъ своихъ ограниченныхъ средствъ существованія". Точно также, послѣ крушенія чартизма, англійскій пролетаріатъ обнаружилъ сходную тенденцію. Въ нѣмецкомъ рабочемъ классѣ одинаковыя причины вызвали аналогичныя дѣйствія. Правда, онъ не имѣлъ за собою ни іюньскихъ битвъ, ни чартистскаго движенія; но если принять во вниманіе зачаточное развитіе нѣмецкаго рабочаго класса, то онъ проявилъ въ революціонной борьбѣ столько же энергіи и столько же выстрадалъ, какъ англійскій и французскій пролетаріатъ. Ему необходимо было извѣстное время, чтобы отдохнуть, собраться съ силами и отдать себѣ отчетъ въ горькомъ урокѣ, преподанномъ революціей и сладкими иллюзіями промышленнаго расцвѣта.

Трудно сказать, щадила ли реакція такъ долго Братство Рабочихъ потому, что не придавала ему особеннаго значенія, какъ это думаетъ Энгельсъ, или же — на что есть нѣкоторыя указанія — контръ-революція хотѣла раньше окончательно сломить сопротивленіе буржуазіи и потомъ уже проникнуть въ осиное гнѣздо рабочихъ союзовъ, соединившихся въ братства. Такъ или иначе, союзъ былъ одновременно уничтоженъ, въ 1850 году, въ Пруссіи, Баваріи и Саксоніи. Поводомъ послужилъ прежде всего новый реакціонный законъ въ названныхъ государствахъ, воспрещавшій политическимъ ферейнамъ ихъ соединяться между собою. Вмѣстѣ съ союзомъ погибъ и органъ его. Швеннингеръ, какъ пруссакъ по рожденію, былъ высланъ изъ Саксоніи послѣ того, какъ его долгое время продержали въ предварительномъ заключеніи за мнимое участіе въ дрезденскомъ майскомъ возстаніи. Ганглофъ продолжалъ еще издавать вмѣсто „Братство" еженедѣльный органъ „Прометей", очень слабый, съ направленіемъ довольно неопредѣленнаго соціализма. Онъ въ такой же мѣрѣ восхвалялъ Прудона, въ какой „Братство" рѣзко критиковало его; печаталъ бездарную беллетристику Карла Грюна, прибавивъ отъ себя геніальное примѣчаніе, что коммунизмъ относится къ соціализму, какъ астрологія къ астрономіи и алхимія къ химіи. Когда „Прометей" былъ воспрещенъ въ Пруссіи, онъ жаловался по поводу жестокихъ преслѣдованій „невиннаго рабочаго листка, цѣль котораго распространять ясныя идеи и доказать невозможность коммунизма или, по крайней мѣрѣ, неосуществимость его въ ближайшія 500 лѣтъ". Несмотря на такое низкое поддѣлываніе подъ духъ времени, дни его были сочтены: Ганглофъ былъ арестованъ и въ январѣ 1852 приговоренъ къ 4-лѣтнему заключенію въ работномъ домѣ за „подготовленіе преступленія государственной измѣны и за подозрѣніе въ участіи въ Союзѣ Коммунистовъ". Въ назиданіе другимъ саксон-

ское министерство печатно распространило этотъ позорящій приговоръ.

Дольше всего Братство Рабочихъ удержалось въ въ сѣверо западной Германіи, гдѣ Стефанъ сгруппировалъ уцѣлѣвшіе остатки его вокругъ издаваемой имъ „Deutsche Arbeiterhalle". Хотя и этотъ органъ приспособлялся къ реакціонной эпохѣ, но отъ преслѣдованій главной цѣли, тѣмъ не менѣе, не отказался. Послѣ обнаруженія Союза Коммунистовъ Стефанъ былъ арестованъ, и листокъ его погибъ. Ему самому удалось бѣжать изъ предварительнаго заключенія въ Англію.

У могилы Братства Рабочихъ германскій союзный сеймъ салютовалъ, издавъ 13 іюля 1854 постановленіе, которое обязывало „въ интересахъ общей безопасности совокупныхъ союзныхъ правительствъ" всѣ рабочіе ферейны и братства, еще сохранившіеся на ихъ территоріяхъ и преслѣдовавшіе политическія, соціалистическія или коммунистическія цѣли, прекратить свою дѣятельность въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; образованіе новыхъ обществъ въ этомъ духѣ воспрещалось подъ страхомъ наказанія. Главнымъ воспріемникомъ этого исключительнаго закона былъ прусскій посланникъ при союзномъ сеймѣ ф. Бисмаркъ.

Глава шестая.

Пятидесятые годы.

---

1. Политическій упадокъ.

Въ ходячихъ историческихъ сочиненіяхъ реакціонная эпоха пятидесятыхъ годовъ изображается, какъ мрачное переходное время, жалкое, однообразное, когда злой духъ, Ариманъ, позволялъ себѣ скверныя шутки, а добрый духъ, Ормуздъ, съ благороднымъ смиреніемъ влачилъ безотрадное существованіе. Но

среди суровой дѣйствительности дѣла происходятъ совсѣмъ иначе и притомъ всегда именно такъ, какъ они должны происходить на основаніи логики фактовъ.

Прусскія стремленія къ объединенію потерпѣли по заслугамъ крушеніе. Не успѣлъ гогенцоллернскій орелъ спасти отъ революціи среднія и мелкія государства, какъ они поспѣшили спрятаться въ объятія Австріи отъ его загребущихъ когтей. Царь пригласилъ Пруссію и Австрію, какъ своихъ вассаловъ, явиться на его судъ въ Варшаву и приказалъ имъ вести себя спокойно и возстановить старый союзъ. Но онъ относился къ нимъ неодинаково. Пруссія должна была понести наказаніе за то, что кокетничала съ революціей, и преклонить главу предъ Австріей, какъ низшій вассалъ. Прусскій патріотизмъ былъ тяжело уязвленъ тѣмъ, что ему дважды пришлось проходить подъ кавдинскимъ ярмомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ проявилъ неистощимое терпѣніе, продолжая ткать все ту же всеподданнѣйшую легенду. Графъ Бранденбургъ, „благородный Гогенцоллернъ", при возвращеніи изъ Варшавы въ Берлинъ былъ будто бы, подавленъ посрамленіемъ своего отечества и, умирая съ разбитымъ сердцемъ, въ предсмертномъ бреду призывалъ къ оружію. На самомъ же дѣлѣ, этотъ грубый волкъ умеръ отъ самой обыкновенной простуды, какъ разъ въ то самое время, какъ онъ собирался унизиться передъ австрійскимъ монархомъ съ такимъ же раболѣпіемъ, съ какимъ только передъ тѣмъ унижался передъ русскимъ. Прусскіе историки, которымъ не нравилось, чтобы „благородный Гогенцоллернъ" могъ когда-либо сочувствовать хоть бы самому слабому народному движенію, установили этотъ фактъ на основаніи историческихъ документовъ.

Мантейфель сдѣлалъ уступку этому народному движенію: онъ созвалъ палаты и мобилизовалъ войско. Но онъ и не воображалъ о настоящей войнѣ, а отправился лишь въ Ольмюцъ, гдѣ самымъ спокойнымъ

образомъ подписалъ прусскій позоръ. Онъ посыпалъ главу пепломъ и, покаявшись, молилъ лишь о томъ, чтобы ему позволено было, въ качествѣ вассала второго ранга, принять участіе въ экзекуціяхъ, намѣченныхъ Австріей и средними нѣмецкими государствами, съ одной стороны, съ цѣлью сломить законное сопротивленіе курґессенскаго населенія династическому государственному перевороту, а съ другой — національное сопротивленіе шлезвигъ-голштинскаго населенія датскому господству. И Мантейфель дерзалъ еще хвастать подобными уничиженіями, а Бисмаркъ привѣтствовалъ ольмюцкій договоръ въ открытомъ засѣданіи палаты. Наоборотъ, старый прусскій дипломатъ, Пурталн, справедливо чувствуя, что Ольмюцъ еще превосходитъ Іену, писалъ такъ: „Наша исторія не представляетъ ничего такого, что можно было бы сравнить съ пораженіемъ при Ольмюцѣ.

Торжественно созвать наши палаты и собрать войско для того, чтобы получить публичную пощечину, говорить объ уступкахъ Австріи только потому, что мы выговорили себѣ право поставить помощника палачу Рехбергу въ Гессенѣ, плестись въ Голштинію на правахъ сводника и укрывателя и, затѣмъ, документально подтвердить собственный позоръ въ протоколахъ и документахъ при барабанномъ боѣ и трубныхъ звукахъ, — все это настолько сильно подавляетъ, что нѣтъ словъ для выраженія.“ Правда, истые юнкера чувствовали себя въ этомъ ольмюцкомъ позорѣ, какъ кошки въ валерьянѣ, но были и болѣе стыдливые представители реакціи, которые чувствовали и говорили, что только, благодаря дипломатическому пораженію, и удалось избѣгнуть военнаго разгрома. И дѣйствительно, мобилизація раскрыла полнѣйшую несостоятельность прусской арміи, которую можно было подозрѣвать уже раньше, судя по печальному ходу военныхъ дѣлъ въ Познани, Шлезвигъ-Голштиніи и Баденѣ.

Съ подчиненіемъ Пруссіи былъ возстановленъ союзный сеймъ, укрѣпленъ при помощи военной силы кургессенскій государственный переворотъ, и Шлезвигъ-Голштинія предана чужеземному государству датчанъ. Насильственнымъ актомъ великія державы, въ томъ числѣ и Австрія и Пруссія, уничтожили исконное право герцогствъ, согласно которому ими могла управлять лишь мужская линія датскаго королевскаго дома. Не будь этого, герцогства могли бы, наконецъ, освободиться отъ Даніи, такъ какъ въ близкомъ будущемъ ожидалось прекращеніе этой линіи. Согласно лондонскому протоколу отъ 8 мая 1852 года, было установлено, что во всей датской монархіи, со включеніемъ Шлезвигъ-Голштиніи, правомъ престолонаслѣдія пользуется лишь Глюксбургскій домъ, Аугустенбургскій же домъ, имѣвшій права на Шлезвигъ-Голштинію, отказался отъ своихъ правъ „Божьею милостью" за нѣсколько милліончиковъ. Послѣ этого возстановленный союзный сеймъ далъ сигналъ среднимъ и маленькимъ государствамъ къ устраненію мартовскихъ завоеваній. Въ большинствѣ этихъ государствъ, въ Саксоніи, Ганноверѣ, Вюртембергѣ, Нассау, въ обоихъ Гессенскихъ княжествахъ, государи не постѣснились для этой цѣли открыто нарушить присягу и слово. Только Баварія и нѣкоторыя мелкія государства, какъ Брауншвейгъ, Кобургъ, Мейнингенъ, Ольденбургъ и Веймаръ, миновали этотъ подводный камень, хотя и они большею частью поплыли по теченію реакціи.

Князь Шварценбергъ, министръ-президентъ совокупнаго австрійскаго государства, издалъ пароль, что Пруссію нужно сначала унизить, а потомъ уничтожить: il faut avilir la Prusse et puis la démolir. Онъ какъ будто достигъ теперь своей цѣли: Пруссія была, дѣйствительно, выключена изъ числа великихъ державъ, и въ Германіи ни одна собака не повѣрила бы больше „національной миссіи" ея. Даже многотерпѣливый

отецъ Арндъ пропѣлъ прусской гегемоніи прощальный стишокъ.

Тѣмъ не менѣе, та же гегемонія, именно, въ эти дни пустила болѣе глубокіе корни, чѣмъ когда-либо, такъ какъ политикѣ Австріи и среднихъ государствъ не удался главный рѣшительный ударъ: уничтоженіе таможеннаго союза. Настойчивыя стремленія ихъ помѣшать возобновленію таможенныхъ договоровъ, срокъ которымъ истекалъ 1 января 1854 года, встрѣтили непреодолимое veto со стороны экономическаго развитія; таможенный союзъ не только не былъ разрушенъ, но, наоборотъ, расширился, вслѣдствіе вступленія въ него Ганновера, Ольденбурга и мелкихъ сѣверо западныхъ государствъ, которыя до сихъ поръ образовывали отдѣльный „податной союзъ“. Теперь таможенный союзъ обнималъ территорію въ 9,046 кв. миль съ 35.000,000 жителей. Точно также въ предѣлахъ самого прусскаго государства контръ-революція имѣла возможность убѣдиться въ томъ, что политическому всемогуществу ея ставятъ опредѣленныя рамки экономическія условія. Казалось, что послѣ того, какъ рабочіе классы были смяты, а мелкая и отчасти даже крупная буржуазія отказалась отъ своихъ политическихъ стремленій, ей былъ открытъ свободный путь. Оппозиція готцевъ, опиравшихся на самые слабые элементы буржуазіи, тоже была не особенно страшна. Горячіе юнкера взялись за дѣло и десятокъ лѣтъ работали надъ тѣмъ, чтобы вернуться къ домартовскому состоянію, но безуспѣшно. Готцы проявили въ этомъ отношеніи совершенно правильный буржуазный инстинктъ, полагая, что вылупившуюся свободу можно, пожалуй, задушить, но посадить ее обратно въ разбитое яйцо не мыслимо.

Нужно сознаться, что въ этомъ утѣшеніи они дѣйствительно нуждались, потому что бюрократически-юнкерскій ястребъ придушилъ цыпленка-свободу почти до смерти. Движенія совѣсти и понятія о правѣ

чужды бюрократіи, и нужно отдать справедливость буржуазному мученику, что въ 50-е годы онъ съ лихвой искупилъ то, въ чемъ нагрѣшилъ въ дни революціи. Власть, которую онъ обратно вручилъ королю и юнкерству, была ими широко использована для того, чтобы его измучить, истерзать. Но такъ какъ онъ добровольно позволилъ окунуть себя въ это море мученій и даже не выплылъ собственными силами, то предоставимъ плакальщицамъ сочинять по этому поводу жалобныя пѣсни. Наша задача иная: установить факты изъ исторіи 50-хъ годовъ, которые такъ или иначе повліяли на судьбы нѣмецкаго пролетаріата.

Выборы, происходившіе лѣтомъ 1849 года на основаніи октроированной трехклассной системы, пришлись, наконецъ, по сердцу министерству Бранденбургъ-Мантейфеля. Въ новыхъ палатахъ на крайнихъ лѣвыхъ скамьяхъ сидѣли тѣ, которые въ Берлинскомъ парламентѣ 1848 года занимали крайнія правыя мѣста. Въ 1852 и 1855 годахъ этотъ реакціонный духъ выборовъ выступилъ еще рельефнѣе. Такимъ образомъ, октроированная конституція 5 декабря 1848 года была сразу очищена отъ всѣхъ мартовскихъ завоеваній. Изъ листа бумаги, который все же самъ по себѣ чистъ, она пала до положенія разорваннаго лоскута, о который каждый бюрократъ вытиралъ свое перо и каждый юнкеръ свои сапоги. Камеры почти всегда съ полнымъ удовольствіемъ соглашались коверкать конституцію, а низкій верховный трибуналъ помогалъ толковать непріятные параграфы, несмотря на совершенно ясный смыслъ ихъ, въ противоположномъ смыслѣ. Впрочемъ, правительство не всегда считало нужнымъ насиловать конституцію. Иной разъ оно просто обходило ее, какъ будто ея и не было. На всякую ссылку на конституцію, какъ жаловался одинъ патріотическій историкъ, правительство съ античной откровенностью хладнокровно отвѣчало, что вѣдь все

дѣло въ томъ, измѣнить ли данный параграфъ формально или просто обойти его административнымъ путемъ.

Среди такого безпощаднаго разгрома завоеванiй мартовской революцiи весьма характерно исключенiе, которое было сдѣлано для закона о гражданскомъ ополченiи. Онъ былъ временно прiостановленъ, но не отмѣненъ. Его бережно поставили въ уголъ, какъ домашнее средство, которое можетъ въ будущемъ понадобиться. Конечно, нужно было щадить институтъ, въ которомъ такъ быстро и такъ остро вылился контрастъ между буржуазiей и пролетарiатомъ. Наоборотъ, законъ объ охранѣ личной безопасности былъ устраненъ. Собственно, этотъ законъ былъ фактически уничтоженъ уже 8 апрѣля 1848 года, благодаря октроированной трехклассной избирательной системѣ. Бюрократически-юнкерская реакцiя охотно поступила бы точно также съ закономъ 6 апрѣля 1848 года, но здѣсь она встрѣтила предѣлъ своему могуществу. Она его попирала, сколько могла. Вмѣсто свободы печати безъ залоговъ появился законъ о прессѣ съ залогами, съ штемпельными налогами, съ предварительнымъ полицейскимъ налогомъ, близкимъ къ пензурѣ, и со всякими другими притѣсненiями. Политическiя дѣла и преступленiя печати были изъяты изъ вѣдѣнiя суда присяжныхъ и поручены коронному суду, а въ особенно важныхъ случаяхъ назначался исключительный государственный судъ. Пользованiе гражданскими правами, независимо отъ вѣроисповѣданiя, выразилось въ господствѣ ортодоксiи, которая жадно стремилась къ преслѣдованiямъ и наложила также тяжелую руку на школу. Независимость судей была сокрушена новыми дисциплинарными законами, а уголовный законъ 1850 года открылъ неограниченное поприще для честолюбивыхъ судебныхъ карьеристовъ. Новый уголовный законъ каралъ за возбужденiе къ неповиновенiю законамъ или распоряженiямъ властей, каралъ сопро-

тивленіе чиновникамъ, независимо отъ того, дѣйствовали ли послѣдніе на законномъ основаніи или нѣтъ, каралъ, наконецъ, публичное одобреніе запрещенныхъ дѣйствій, нарушеніе общественнаго спокойствія, возстановленіе однихъ классовъ населенія противъ другихъ, словомъ, — все то, что раньше не было извѣстно прусскому земскому праву. Этотъ законъ не только тщательно оберегалъ чиновниковъ отъ оскорбленій и клеветы, но также государственныя учрежденія и распоряженія властей отъ искаженій, издѣвательства, отъ возбужденія противъ нихъ ненависти и презрѣнія. Такимъ образомъ, фактически стала невозможной критика правительственныхъ дѣйствій или доказываніе противозаконности такихъ дѣйствій. Свобода союзовъ и собраній, разрѣшенная закономъ, была задушена указомъ 1850 года. Представленіе въ полицію уставовъ союзовъ и списковъ членовъ носило уже печать прямо сыска. Правительству давалась возможность контролировать и преслѣдовать людей, принадлежащихъ къ недозволеннымъ союзамъ. Воспрещеніе политическимъ союзамъ соединяться между собою парализовало развитіе современной жизни партій. Благодаря требованію, чтобы полиціи было заявляемо о всякомъ предстоящемъ собраніи, на которомъ имѣлъ право присутствовать полицейскій, всякій мелкій полицейскій чиновникъ имѣлъ возможность закрыть въ любой моментъ какое угодно собраніе. Въ худшемъ, и притомъ очень рѣдкомъ случаѣ онъ рисковалъ развѣ получить одобрительный выговоръ отъ своего начальника. Впрочемъ, даже правительство внесло этотъ прелестный законъ съ нѣкоторой краской стыда. Оно его не мотивировало, а его друзья въ палатѣ робко объяснили, что это совсѣмъ временная мѣра, въ виду очень тяжелыхъ временъ, и что съ наступленіемъ лучшаго времени она будетъ немедленно отмѣнена. Какъ извѣстно, однако, громадное большинство постановленій этого закона осталось въ силѣ и понынѣ.

Все это удалось бюрократически-юнкерской реакціи Но что ей не удалось или не совсѣмъ удалось, это — сломить вѣнецъ закона отъ 6 апрѣля 1848 года, именно, право утвержденія бюджета и налоговъ. Правда, право утвержденія налоговъ было сужено до размѣровъ, въ которыхъ оно было уже предоставлено раньше соединенному ландтагу: къ утвержденію лишь новыхъ налоговъ и займовъ. Точно также подорвано было значеніе права утверждать бюджетъ, такъ какъ поднятъ былъ вопросъ: какъ поступать, если правительство не приготовитъ государственной росписи? Говоря серьезно, тутъ и вопроса никакого не могло быть, такъ какъ и съ исторической и съ фактической точки зрѣнія бюджетное право заключалось въ томъ, что правительство не въ правѣ дѣлать никакого расхода, который не разрѣшенъ парламентомъ. Такъ думало и собраніе 1848 г., но для того, чтобы возможно лучше укрѣпить бюджетное право, оно сохранило въ проектѣ конституціи министерства Кампгаузена 99 статью, согласно которой всѣ доходы и расходы государства должны быть ежегодно заранѣе исчисляемы и вносимы въ смѣту, которая ежегодно утверждается закономъ. Собраніе вообразило, что бюджетъ, облеченный въ торжественную форму закона народными представителями, будетъ неприкосновененъ. Однако, вѣроятно, уже министерство Кампгаузенъ-Ганземана и, навѣрное, министерство Бранденбургъ-Мантейфеля помнило статью 60 конституціи, согласно которой для утвержденія всякаго закона требуется согласіе короля и обѣихъ палатъ. Изъ статей 99 и 60 бюрократически-феодальная реакція сдѣлала выводъ, что народное представительство въ правѣ дѣлать въ смѣтѣ, набросанной правительствомъ, лишь такія измѣненія, на которые правительство охотно или неохотно согласится. Вторая палата 1849 года, пересматривая конституцію въ реакціонномъ духѣ, категорически отклонила предложеніе готпевъ, имѣвшее цѣлью возстановить истин-

ный смыслъ 99 статьи, но она не дала отвѣта на поставленный ею же вопросъ, — что дѣлать, если между королемъ и палатою не состоится соглашеніе относительно бюджетнаго закона? Она оставила „пробѣлъ“, предоставивъ себѣ право въ данномъ случаѣ заполнить его по своему вкусу. До поры до времени въ этомъ еще не представлялось надобности. Наоборотъ, хотя реакція и подорвала право утвержденія бюджета и налоговъ настолько, что могла въ случаѣ надобности окончательно свалить его однимъ ударомъ топора, но у нея были вѣскія основанія не обнаруживать преждевременно его внутренней пустоты.

Каковы были эти основанія, это видно изъ слѣдующихъ ясныхъ немногихъ словъ въ „Обозрѣніи Новой Рейнской Газеты“: „Какой контрастъ: съ одной стороны финансовыя затрудненія отъ 1842 до 1848 г., неудачныя попытки сдѣлать займы у морской компаніи и у банка, отказы Ротшильда, отказъ въ займѣ со стороны соединеннаго ландтага; истощеніе государственной казны и кассъ, и съ другой—избытокъ финансовъ въ 1850 году, покрывшій три бюджета съ дефицитомъ въ 70 милліоновъ рублей, массовый выпускъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ и бумагъ государственнаго казначейства, прекрасныя отношенія между государствомъ и банкомъ, лучшія, чѣмъ въ какихъ оно когда-либо находилось съ морской компаніей, и въ довершеніе одобренный заемъ въ 34 милліона въ резервѣ!“ Истощеніе финансовъ дѣлало немыслимымъ открытое возвращеніе къ домартовскимъ временамъ. Прусское государство не могло больше существовать безъ конституціонализма, и честолюбію юнкеровъ оставалось удовлетвориться тѣмъ, что отъ прусскаго конституціонализма остался одинъ лишь призракъ.

Однако, не только финансовая нужда ставила непреодолимую преграду бюрократически-феодальной реакціи. Въ соціальной сферѣ возникали такія же затрудненія, какъ и въ политической. Возстановлены

были не только вотчинная полиція, но также феодальныя, окружныя и провинціальныя сословія. И чтобы увѣнчать эту средневѣковую организацію, первая палата была замѣнена палатою господъ, въ которой юнкерству восточной Эльбы обезпечивалось большинство по праву рожденія. Это изуродованіе, совершенно противорѣчившее конституціи, могло парализовать весь ходъ законодательства, если бы трехклассная систета выборовъ обманула. Исчезли обѣ палаты, съ ихъ „революціонными названіями", а вмѣсто нихъ выступили палата господъ и палата депутатовъ, образовавшая ландтагъ, отъ котораго вѣяло средними вѣками. Тѣмъ не менѣе, и при такихъ условіяхъ не удалось сохранить прежнихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами,—эта основа всего феодальнаго строя не устояла. Сами юнкера настаивали на этомъ, такъ какъ страхъ передъ крестьянами былъ еще слишкомъ силенъ въ ихъ памяти. Какъ прекрасно выразилось одно изъ послѣдующихъ министерствъ, они ясно поняли, что „удовлетворительное разрѣшеніе вопроса должно послѣдовать немедленно, иначе онъ будетъ разрѣшенъ менѣе выгодно для нихъ". Лассаль перевелъ эту благозвучную фразу въ видѣ слѣдующаго сильнаго и мѣткаго тезиса: „Феодальный духъ чуетъ, что у него осталось мало времени и снова стремится быстро запустить обѣ руки въ карманы народа, дабы успѣть раньше, чѣмъ запоетъ пѣтухъ, новымъ насиліемъ преобразовать свою феодальную собственность въ буржуазную". Законъ 2 марта 1850 г. о выкупѣ и регулированіи отношеній межну помѣщиками и крестьянами глубоко затронулъ народный карманъ. 20 съ чѣмъ-то маловажныхъ повинностей были безвозмездно отмѣнены, именно—такія, которыя, какъ выражалось министерство, „заключаются лишь въ тягостномъ ограниченіи свободнаго пользованія крестьянина землею, помѣщику же не даютъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ, или же такія, которыя трудно

реализировать и которыя зависятъ отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ, а, слѣдовательно, вообще не поддаются денежной оцѣнкѣ". Точно также были уничтожены нѣкоторые виды лаудемій. Но большинство лаудемій подлежали выкупу, какъ и вообще всѣ, сколько-нибудь доходныя, феодальныя повинности. Сюда же нужно отнести всякую другую не поддающуюся точному опредѣленію барщину. Чисто феодальный характеръ всѣхъ этихъ службъ былъ признанъ прусскимъ законодательствомъ еще въ 1820 году. Поэтому Лассаль былъ правъ, назвавъ выкупъ ихъ незаконнымъ грабежомъ, который совершенъ былъ вопреки собственному правосознанію богатой поземельной аристократіей надъ бѣднымъ людомъ. Регулированіе и выкупъ распространились теперь на все крестьянство, включая и мелкихъ безлошадныхъ крестьянъ. Юнкера хотѣли разъ навсегда покончить съ этимъ и выудить въ морѣ до дна рыбу.

Но регулированіе коснулось лишь 12,706 крестьянъ, тогда какъ одна Силезія могла поставить ихъ 25,000, судя по статистикѣ 1816 г. Вотъ какова была чистка, которую произвели юнкера въ десятилѣтія предшествовавшія мартовской революціи, среди крестьянъ съ непрочнымъ правомъ владѣнія. Гораздо шире произведенъ былъ выкупъ. При этомъ юнкера нѣсколько уступили, именно — денежную или хлѣбную ренту, на которую переведены были феодальныя повинности, они капитализировали только въ 18 разъ, а не въ 25 разъ, какъ это они дѣлали раньше. Посредниками въ уплачиваніи капитала явились рентные банки, которые устраивались на средства государства и съ гарантіей государства. Помѣщику они выплачивали 20-кратную сумму, а крестьяне посредствомъ выкупныхъ платежей погашали всѣ свои обязательства въ теченіе 56 лѣтъ. До 1865 года выкупилось такимъ образомъ свыше милліона крестьянъ.

Выкупившіеся и регулированные крестьяне упла-

тили 19.697,483 талера въ видѣ капитала, 3.890,136 талеровъ и 55.522 шеффеля ржи въ видѣ ренты и, кромѣ того, они уступили еще 213.071 моргенъ земли. По вычисленію одного оффиціальнаго статистика, все „освобожденіе крестьянъ съ 1816 до 1865 года стоило восточно-эльбскимъ крестьянамъ 213.861,035 талеровъ. Однако, эта цифра гораздо ниже дѣйствительности, потому что статистикъ оцѣнивалъ шеффель ржи только въ 1 талеръ, моргенъ земли въ 20, а моргенъ лѣса только въ 10 талеровъ. Мы будемъ, пожалуй, гораздо ближе къ истинѣ, сказавъ, что восточно-эльбскіе крестьяне въ теченіе 50 лѣтъ выплатили юнкерамъ милліардъ марокъ для того, чтобы получить обратно свободную отъ повинностей часть земли, на которой предки ихъ сидѣли, какъ свободные люди. Мы уже не считаемъ многихъ тысячъ крестьянъ, которые, подъ сѣнью этой прогремѣвшей на весь міръ „соціальной реформы", брошены были силою и хитростью въ бездну пролетаріата. Однако, и это еще не насытило юнкеровъ, и Бисмаркъ горько сѣтовалъ, что прусское законодательство обошлось съ владѣльцами дворянскихъ имѣній какъ съ „паріями XIX вѣка".

Отмѣна крѣпостного права сопровождалась въ свое время закономъ о батракахъ. Точно также уничтоженіе зависимости крестьянскаго труда отъ помѣщиковъ выдвинуло законъ отъ 24 апрѣля 1854 года, который говоритъ „о нарушеніи условій найма". Онъ безжалостно бросаетъ сельскихъ рабочихъ въ руки юнкеровъ, которые въ то же время вновь захватываютъ вотчинную полицію. Помимо цѣлаго ряда другихъ стѣсняющихъ положеній, этотъ законъ караетъ всякую попытку сельскаго пролетаріата устроить стачку тюремнымъ заключеніемъ до 1 года. Какъ юнкера примѣняли на практикѣ вотчинную полицію, объ этомъ шутливо разболталъ въ палатѣ господъ графъ Пфейль. Онъ хозяйничалъ въ ткацкихъ округахъ Силезіи и хвалился, что онъ продержалъ въ цѣпяхъ въ тюрьмѣ

въ теченіе 5 дней человѣка, въ юридической невинности котораго онъ былъ убѣжденъ, только для того, чтобы задушить опасное возстаніе. А еще хвасталъ онъ, что избилъ человѣка, который во время сильнаго голода отрѣзалъ и съѣлъ кусокъ конины, которая была приготовлена для приманки лисицы. Правительство едва дерзнуло выразить слабый протестъ противъ такихъ откровеній прекрасной юнкерской души.

Урегулированіе, между тѣмъ, того, что было еще возможно для бюрократически-феодальной реакціи, и того, чего она уже не могла сохранить, вызвало, однако, сильныя разногласія въ ея собственной средѣ. Истый сельскій юнкеръ издавна жилъ въ непрерывной партизанской войнѣ съ органами государственной власти, такъ какъ эти органы изъ военныхъ и политико-экономическихъ соображеній вынуждены были нарушать покойное житье „маленькихъ господъ" или, по выраженію Бисмарка, „естественный политическій порядокъ" помѣщичьихъ крестьянскихъ отношеній. Бисмаркъ вполнѣ выразилъ душу этихъ юнкеровъ, когда писалъ Вагенеру: „Голова и члены бюрократіи покрыты язвами, и только желудокъ ея здоровъ, а законы,—экскременты, издаваемые ею,—составляютъ самый естественный навозъ въ мірѣ". Феодальные юнкеры упорствовали все же въ своемъ желаніи вернуться къ домартовскимъ состояніямъ. Урокъ 1848 года былъ слишкомъ силенъ для того, чтобы заставить ихъ трепетать за свою жизнь и кошелекъ, но все же еще недостаточенъ для того, чтобы исцѣлить ихъ отъ тоски по среднимъ вѣкамъ. Они шли дальше своихъ собственныхъ вожаковъ, Шталя, Вагенера, Герлаховъ, которые отлично сознавали, что крупное землевладѣніе не можетъ больше держаться на основѣ, разъ навсегда разрушенной революціей.

Да и между самими вожаками существовали разногласія во многихъ пунктахъ. Герлахи были еще сильно проникнуты романтикой, Шталь, наоборотъ, нѣжно за-

игрывалъ съ современной философіей,—чтобы воспріять отъ нея частицу якобинскаго духа, какъ подсмѣивался Лассаль. А Вагенеръ былъ слишкомъ хорошо освѣдомленъ въ буржуазной средѣ и поэтому предпочиталъ „борьбу съ современными рыцарями, грабящими за высокими фабричными трубами“ всякой лицемѣрной защитѣ юнкерскихъ интересовъ подъ маскою религіи и философіи. Но они были солидарны въ томъ, чтобы не слишкомъ откровенничать. Въ душѣ они посмѣивались надъ тупоумными юнкерами, очутившимися лицомъ къ навозу и спиною къ государству, а открыто фигурировали, какъ вожди, водимые за носъ. Честнѣе ихъ поступилъ Губеръ, который отрекся отъ феодальной партіи, выразившись, что она—камень на шеѣ всякой власти, на которой повиснетъ, будь то король или цехъ.

Конечно, лишь только придушили буржуазію, пѣсенка о „соціальномъ королевствѣ“ умолкла. Одинъ лишь Лоренцъ Штейнъ продолжалъ пророчествовать изъ своего кабинета, что всякое-де королевство превращается въ пустой звукъ или въ деспотію или же становится республикой, какъ скоро у него нѣтъ мужества сдѣлаться соціальнымъ. Но то былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Единственный законъ 50-хъ годовъ, который стремился облегчить нужду промышленнаго пролетаріата, исходилъ отъ единственнаго консервативнаго буржуа, сидѣвшаго у кормила буржуазно-феодальной реакціи, министра торговли ф. д. Гейдта. Онъ состоялъ пайщикомъ банкирскаго дома Керстенъ и сыновья въ Эльберфельдѣ и представлялъ изъ себя истаго буржуа въ набожной долинѣ Вупперо. О немъ разсказывали, что каждое утро онъ велитъ играть себѣ хоралъ и не иначе, какъ со слезами на глазахъ, вспоминаетъ о своей покойной матери. Но это нисколько не мѣшало ему проникнуться всецѣло эксплоататорскимъ духомъ капиталиста. Точно также онъ грустно вздыхалъ по поводу хорошо извѣстной ему нужды

рейнскаго пролетаріата и говорилъ: пусть лучше погибнетъ вся промышленность, чѣмъ эта нужда продолжается. И вотъ онъ провелъ фабричный законъ 16 мая 1853 г., не давъ себѣ, однако, ни малѣйшаго труда практически осуществить его.

Этотъ законъ воспрещалъ фабричный трудъ дѣтей, моложе 12 лѣтъ и разрѣшалъ до 14 лѣтъ шестичасовой, до 16 лѣтъ — только десятичасовой трудъ. Въ округи Ахенъ, Арнсбергъ и Дюссельдорфъ назначены были даже фабричные инспектора для надзора за исполненіемъ закона. Но чиновники выбирались совершенно неподходящіе, которые не въ силахъ были, да и не старались, сломить сопротивленіе фабрикантовъ. И если имъ случалось привлечь какого-нибудь промышленника и оштрафовать его, то провинившійся не особенно горевалъ: пятьдесятъ талеровъ штрафа не трудно будетъ выжать изъ дѣтей въ какую-нибудь недѣлю. Ахенскій фабричный инспекторъ, прослуживъ три года, обнаружилъ полное незнаніе фабричнаго дѣла и возбудилъ даже негодованіе окружной администраціи своими прикрашенными отчетами. Иначе отнесся къ дѣлу полицейскій совѣтникъ Питеръ, замѣстившій его въ 1857 году. Добросовѣстный, дѣльный и смѣлый, онъ по собственному почину затѣялъ борьбу съ могущественными фабрикантами Онъ преслѣдовалъ выдачу товара вмѣсто заработной платы, производилъ неожиданныя ревизіи промышленныхъ заведеній, обходилъ всѣ уловки, при помощи которыхъ пытались скрыть отъ его контроля дѣтскій трудъ. Часто онъ по цѣлымъ часамъ проводилъ передъ разбросанными по Эйфелю фабриками, въ глубокомъ снѣгу и при сильной стужѣ, поджидая возвращавшихся дѣтей. Онъ заботился въ городской школьной коллегіи о томъ, чтобы дѣти регулярно посѣщали школу. Онъ такъ всей душой отдался ѳтому дѣлу, что, наконецъ, не выдержалъ. Непрерывныя и необычайныя напряженія ввергли его въ длительную болѣзнь, — и онъ

больше не всталъ съ постели. „Соціальное королевство“ смягчило страданія и медленное умираніе этого честнаго дѣятеля ежегодной подачкой въ сто прусскихъ талеровъ. Негодованіе патріотовъ по поводу такой расточительности мы можемъ успокоить тѣмъ, что вѣдь это происходило въ 60-хъ годахъ, а раньше, въ 50-е годы, то же „соціальное королевство“ обезпечило себя, удержавъ у Центральнаго Союза для блага рабочихъ классовъ семь тысячъ талеровъ, которыя оставались отъ знаменитаго пожертвованія 40-хъ годовъ въ революціонное время.

Въ правительствѣ министръ ф. Вестфаленъ, шуринъ Карла Маркса, принадлежалъ къ феодальному направленію. Благодаря этому, онъ попалъ въ министры внутреннихъ дѣлъ, когда Мантейфель, послѣ смерти Бранденбурга, выдвинулся въ министры-президенты и министры иностранныхъ дѣлъ. Но не такой былъ человѣкъ Вестфаленъ, чтобы сломить оппозицію бюрократіи противъ чрезмѣрныхъ юнкерскихъ притязаній. Его собственный подчиненный, президентъ берлинской полиціи ф. Гинкельдей, забралъ больше власти, чѣмъ имѣлъ онъ самъ. Тотъ фактъ, что этотъ творецъ процесса Вальдекъ, Кёльнскаго процесса коммунистовъ, процесса Ладендорфъ былъ самый дѣльный и способный представитель бюрократіи, доказываетъ, что въ миломъ расколѣ въ средѣ самой бюрократически-феодальной реакціи шла рѣчь о чемъ угодно, только не о высшихъ благахъ человѣчества. Гинкельдей хозяйничалъ въ Берлинѣ приблизительно такъ же, какъ графъ Пфейль въ горахъ Силезіи. Когда при новыхъ вѣяніяхъ Штиберъ сталъ козломъ отпущенія за некрасивыя дѣла полиціи пятидесятыхъ годовъ, то онъ доказалъ документально, что Гинкельдей рука объ руку съ государственной прокуратурой и судомъ принципіально игнорировали самыя ясныя предписанія законовъ, почти ежедневно производя обыски и аресты.

Съ властью пришелъ и разумъ. Бюрократія воочію убѣдилась, при какихъ реальныхъ условіяхъ можетъ вообще уцѣлѣть прусское государство среди девятнадцатаго вѣка. Даже лѣнивый по натурѣ Мантейфель, который только разыгрывалъ сильнаго, на самомъ же дѣлѣ храбро отступалъ передъ всякимъ серьезнымъ противникомъ, долженъ былъ рѣшиться на попытку, хоть до нѣкоторой степени, поставить прусское феодальное законодательство о налогахъ на буржуазную ногу. Но все это онъ дѣлалъ скрѣпя сердце и примирился легко съ тѣмъ, что его законопроектъ объ уничтоженіи изъятій отъ поземельнаго налога былъ отложенъ въ дальній ящикъ. Другой законопроектъ его объ отмѣнѣ налога на мясо и помолъ, а также о введеніи подоходнаго налога былъ принятъ въ весьма уродливой формѣ. Изъ всего современнаго Мантейфель отдавался всею душой одной лишь пошлой биржевой игрѣ. Наоборотъ, Гинкельдей болѣе прямолинейно извлекъ всѣ выгоды изъ положенія, въ которомъ находилась бюрократія. Будучи истиннымъ пашою, онъ не только разрушалъ, но и строилъ. И чѣмъ сильнѣе онъ ненавидѣлъ политическія притязанія буржуазіи, тѣмъ лучше онъ сознавалъ, что самое вѣрное средство парализовать ихъ — удовлетвореніе матеріальныхъ интересовъ буржуазіи. Гинкельдей сумѣлъ превратить Берлинъ въ дѣйствительно большой городъ, создавъ множество учрежденій, составляющихъ аттрибутъ такого города: пожарную команду, водопроводъ, очистку улицъ, общественныя бани и прачечныя, столбы для объявленій, телеграфную сѣть и мн. др. Большею частью онъ встрѣчалъ при этомъ сильное сопротивленіе городскихъ властей, которыя, въ силу врожденнаго тупоумія берлинской буржуазіи, видѣли свое историческое призваніе въ томъ, что возвели Мантейфеля и Врангеля въ почетные граждане. Впрочемъ, послѣ смерти Гинкельдея выяснилось, что, несмотря на всѣ эти большія предпріятія, онъ остался бѣденъ, какъ

церковная мышь, чего никакъ нельзя сказать ни объ одномъ „благороднѣйшемъ и лучшемъ", которые пріобрѣли шумные лавры въ знаменитомъ „самоуправленіи нѣмецкаго бюргерства".

Распри между бюрократическимъ и феодальнымъ управленіемъ разгорѣлись съ наибольшей силою въ эпоху крымской войны. Хотя эта война держалась въ предѣлахъ кабинетной, но все же это былъ первый отвѣтъ на европейскую диктатуру, который позволилъ себѣ царь послѣ побѣды контръ-революціи. Пруссія была низведена въ то время до роли прусскаго пашалыка, и прусскіе юнкера знали, что каждый ударъ, нанесенный батюшкѣ-царю, котораго они провозглашали отцомъ отечества, расшатываетъ также и ихъ власть. Черезъ посредство генералъ-адъютанта ф. Герлаха и кабинетнаго совѣтника Нибура они старались повліять на короля и настаивали на томъ, чтобы поддержать Россію. Наоборотъ, Мантейфель и Гинкельдей, а вмѣстѣ съ ними и наслѣдникъ престола — тяготѣли къ западнымъ державамъ, побѣда которыхъ должна была умѣрить надменность феодаловъ, не вызывая, однако, революціонной пропаганды. Бонапартизмъ соприкасался во многихъ пунктахъ съ идеалами Гинкельдея. Изъ-за этого началась борьба, которая привела къ полнѣйшей анархіи внутри правительства. Феодалы натравили бывшаго каторжника Линденберга, какъ шпіона, который долженъ былъ слѣдовать по пятамъ принца прусскаго, а Мантейфель поручилъ тоже бывшему каторжнику Техену взломать потайные ящики генерала ф. Герлаха и выкрасть тайную переписку его съ русскимъ дворомъ. Но такъ какъ Мантейфель, по старому прусскому обычаю, очень мало заплатилъ своему вору, то Техенъ въ то же время продалъ свою добычу и французскому посланнику. Изъ-за этого разгорѣлся международный скандалъ, который сдѣлался извѣстенъ подъ названіемъ — кражи денегъ и лишилъ прусское государство того

ничтожнаго остатка уваженія, которымъ оно еще пользовалось въ Европѣ.

Отъ всего этого мало выиграли какъ бюрократія, такъ и юнкерство. Если Гинкельдею и удалось выкурить Вагенера изъ „Крестовой Газеты", то, когда онъ вздумалъ прикрыть одинъ феодальный игорный притонъ, онъ былъ вызванъ на дуэль однимъ членомъ палаты господъ и застрѣленъ. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, душевная болѣзнь короля возстановила трогательное согласіе въ средѣ бюрократически феодальной реакціи, такъ какъ это событіе грозило подорвать общіе корни ея власти.

Король, по старой привычкѣ, становился на сторону то того, то другого изъ споривших братьевъ. Больше всего сердце его лежало, конечно, къ старымъ романтическимъ друзьямъ, тѣмъ болѣе, что онъ ненавидѣлъ сухого плута Мантейфеля и всю его трезвую дѣловитую реакціонную политику. Но, съ другой стороны, онъ очень благоволилъ къ президенту столичной полиціи, который измышлялъ такіе прекрасные заговоры и освѣжалъ ослабѣвающую фантазію своего королевскаго покровителя страшными разсказами о революціи. Несмотря на всѣ успѣхи контръ-революціи, настоящая жизнерадостность не возвращалась больше къ королю. Старыя романтическія грезы не укладывались больше въ головѣ съ тѣхъ поръ, какъ ураганъ революціи пронесся надъ европейской почвой. И подлое государство не давало, какъ раньше, лѣпить изъ себя все, что вздумается, высочайшимъ пальцемъ. Надъ всѣми нерѣшительными дѣйствіями и противорѣчивыми ощущеніями короля взяло, наконецъ, верхъ смутное чувство, что иллюзіи его жизни навсегда разбиты. И король погрузился въ темную ночь безумія.

Наслѣдникъ же совершенно расходился во взглядахъ съ бюрократически-феодальной реакціей, расходился съ бюрократическимъ и еще больше съ феодальнымъ крыломъ ея. Принцъ прусскій не обладалъ ни

дарованіями, ни образованіемъ своего брата. Какъ младшій сынъ, онъ былъ воспитанъ въ военномъ духѣ, который былъ тѣмъ болѣе по немъ, что онъ унаслѣдовалъ безсильный умъ своего отца, неспособный къ полетамъ мысли. Романтическая восторженность была чужда ему, и поползновенія стараго пруссака къ расширенію территоріи мало смущались сантиментальными бреднями насчетъ того, будто бы преобладанія австрійскаго дома угодны Самому Богу. Онъ не намѣренъ былъ такъ легко уступить вознагражденіе, за которое прусское правительство согласилось быть палачомъ нѣмецкой революціи, и онъ разошелся съ Мантейфелемъ, когда послѣдній отправился въ Ольмюцъ. Съ этого времени бюрократически-феодальная реакція презрительно объявила его „либераломъ" и стала вторгаться и безпокоить его даже въ частной жизни. Крымская война на время сблизила его съ фракціей Мантейфеля, но лишь для того, чтобы онъ еще болѣе удалился отъ фракціи Герлаха. Еще болѣе вся бюрократически-феодальная реакція разстроила его тѣмъ, что долго скрывала отъ него безуміе короля, а когда нельзя было уже этого скрыть, сумѣла его еще на цѣлый годъ отстранить отъ регентства, какъ требовала конституція. Только осенью 1858 г. онъ могъ, наконецъ, взять въ свои руки бразды правленія. Онъ тотчасъ прогналъ Вестфалена, а Мантейфеля и прочихъ министровъ смѣстилъ черезъ нѣсколько недѣль и образовалъ новое министерство изъ слабѣйшихъ готцевъ, изъ обуржуазившихся аристократовъ Ауэрсвальда, Патова, Шверина. Это все были люди, десять лѣтъ назадъ занимавшіе мѣста въ министерствѣ Кампгаузена.

Итакъ, буржуазія, не имѣя за собою никакихъ заслугъ и достоинства, снова занесла ногу въ стремя.

2. Экономическій подъемъ.

Буржуазія не особенно сильно пострадала подъ господствомъ реакціи въ пятидесятыхъ годахъ. Пра-

вое крыло ея пользовалось въ парламентской публицистической жизни степенью свободы, какъ разъ соотвѣтствовавшей ея слабымъ силенкамъ; лѣвое же крыло залечивало раны, временно нанесенныя ея политическому честолюбію процвѣтаніемъ промышленности.

Къ тому же буржуазія сумѣла извлечь обильный капиталъ изъ политическаго позора реакціонныхъ годовъ. Если прусское государство сдѣлалось насмѣшкою Европы въ Крымскую войну, вслѣдствіе своего безпомощнаго шатанія между воюющими державами, то, съ другой стороны, какъ нейтральное государство, оно могло поставлять для Россіи и, дѣйствительно, поставляло все необходимое, получая, конечно, прекраснѣйшіе проценты на свой капиталъ. Жестокія преслѣдованія со стороны контръ-революціи увеличили эмиграцію въ пятидесятые годы почти до милліона человѣкъ; но въ той же мѣрѣ возрасло и океанское пароходство. Капиталъ сумѣлъ даже отомстить реакціи за мелкія обиды и притѣсненія. Въ 1851 году добрая половина прусскаго офицерства находилась въ ростовщическихъ рукахъ. Когда померанскій ландратъ ф. Дистъ-Даберъ, навязанный въ наказаніе Эльберфельдскому округу, раскрылъ широко развѣтвленную систему подкупа, при помощи котораго рейнская буржуазія освобождала своихъ сыновей отъ воинской повинности, то онъ встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія въ кабинетѣ самого короля и при первомъ удобномъ случаѣ получилъ отставку.

Въ концѣ концовъ буржуазія мирилась со всѣми политическими неудачами, только бы дѣла шли хорошо, и пролетаріатъ не могъ подняться. И того, и другого достигла или какъ-будто достигла уже реакція. А дѣла шли даже очень хорошо. Въ южной Германіи хлопчатобумажная промышленность необычайно расцвѣтала. Въ Саксоніи развились почти всѣ отрасли металлургической и текстильной промышленности въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ раньше. Въ Пруссіи ге-

рячо набросились на горное и горнозаводское дѣло. Уголь и желѣзо стали лозунгомъ времени. Въ десять лѣтъ добываніе угля возрасло въ Саксонскомъ королевствѣ вдвое, на Рейнѣ и въ Вестфаліи—втрое; Силезія занимала среднее мѣсто. Цѣнность добываемаго чугуна возрасла въ Силезіи вдвое, въ прирейнскихъ странахъ—въ пять разъ. Цѣнность совокупнаго горнозаводскаго производства увеличилась больше, чѣмъ втрое. Сообразно съ производствомъ, развивались также пути сообщенія. Процвѣтало судоходство, и желѣзнодорожная сѣть достигла, благодаря массовому товарному движенію, небывалой до этого времени густоты.

Хотя во всемъ этомъ Германія еще отставала отъ Англіи и Франціи, но и въ странѣ дуба и липы крупный капиталъ вступилъ въ періодъ расцвѣта спекуляціи. Берлинское Торговое Общество и основанное Ганземаномъ Учетное Общество были первыми представителями великихъ денежныхъ державъ, которыя, на подобіе піявокъ, служатъ для высасыванія соковъ изъ народныхъ массъ въ крупнокапиталистическихъ размѣрахъ. Берлинъ пережилъ даже въ миніатюрѣ грюндерскую спекуляцію, за которой послѣ торговаго кризиса 1857 г. послѣдовалъ такой же прелестный маленькій крахъ. Прокурору, который еще не былъ оріентированъ въ этомъ вопросѣ и хотѣлъ накинуться на подозрительный капитализмъ, помѣшали могущественныя таинственныя силы, а торговый міръ поднялъ страшный шумъ по поводу затронутыхъ „купеческихъ интересовъ“ и, вообще, проявилъ при этомъ такое воодушевленіе, какое ему совершенно не свойственно было, когда страдали политическіе идеалы.

И въ этомъ не было ничего удивительнаго. Одинъ либеральный историкъ, горько бичуя самого себя, такъ отзывается объ этомъ времени: „Зарабатывалось много денегъ и жилось съ каждымъ днемъ лучше. Быстро разбогатѣвшіе купцы находили удовлетвореніе въ томъ, что перещеголяли дворянство и бюрократію не-только

въ финансовомъ отношеніи, но въ отдѣльныхъ случахъ и въ соціальномъ. Они шиковали въ изящнѣйшихъ экипажахъ, имѣли, какъ бароны, ливрейныхъ лакеевъ, давали обѣды, на которые охотно жаловали дипломаты и министры. Они получали ордена и титулы, а при хорошемъ оборотѣ дѣлъ становились даже сами баронами. Что за дѣло было этимъ милліонерамъ до затрудненій, переживаемыхъ націей, которая займовъ не дѣлала, прибыльныхъ концессій не давала и вообще жила при плохихъ условіяхъ?" И дѣйствительно, зачѣмъ имъ было обо всемъ этомъ думать?

Существуетъ одна область, въ которой и буржуазія оставалась недовольною и становилась все болѣе недовольною, чѣмъ больше у нея было повода поглаживать свое жирное брюхо. Раздробленность Германіи страшно тормозила безграничное развитіе капитализма. Мелкія отдѣльныя государства были раздѣлены различными системами мѣръ, монетъ и вѣсовъ, ограниченіями относительно вступленія въ бракъ и пріобрѣтенія правъ жительства. Все это препятствовало капиталу свободно владычествовать надъ пролетаріатомъ. Точно также нѣмецкая конкурренція чувствительно страдала на всемірномъ рынкѣ отъ недостатка дипломатической защиты за границей. Всѣ эти и другія послѣдствія раздробленности становились тѣмъ чувствительнѣе для германской буржуазіи, чѣмъ больше она переростала свои прежнія рамки. Она открыто отказывалась отъ всякихъ мечтаній о свободѣ, лишь бы увеличивались доходы. Но, именно, эти возраставшіе доходы сильно нуждались въ объединенной Германіи. Правда, для мечтательныхъ душъ тяжело было сознавать, что эта „великая мысль" упала изъ возвышенныхъ сферъ средневѣковой романтики на землю самаго современнаго торгашества. Но онѣ утѣшали себя тѣмъ, что теперь есть, по крайней мѣрѣ, твердая почва подъ ногами. Вѣдь это было благопріятное предзнаменованіе, что нѣмецкій вексельный уставъ,

выработанный на бумагѣ незадолго до мартовской революціи среди бурь революціи и контръ-революціи, сразу замѣнилъ 56 частныхъ вексельныхъ уставовъ. Это было единственное удачное дѣло среди стольких развалинъ.

Безъ сомнѣнія, конгрессъ нѣмецкихъ экономистовъ, который резюмировалъ стремленія нѣмецкой буржуазіи къ объединенію, имѣлъ уже черезчуръ мало сходства съ клопштоковскими собраніями германскихъ бардовъ или торжественными пирушками романтическихъ буршей. Попавшіе сюда крайніе фритредеры были не болѣе, какъ литературные слуги буржуазіи, по порученію которой они должны были агитировать въ пользу германскаго единства, какъ экономической необходимости, въ пользу свободы передвиженія и промысловъ, быстраго уничтоженія всякихъ феодально-цеховыхъ преградъ и вообще за всѣ интересы капитализма. То, что было на нихъ возложено, они сдѣлали не безъ успѣха, хотя большею частью съ невѣроятно-легкимъ багажемъ. Прошли тѣ времена, когда нѣмецкіе фритредеры должны были сперва броситься къ ногамъ какого-нибудь голодающаго философа для того, чтобы поднести нѣмецкимъ бюргерамъ свою мудрость въ болѣе заманчивомъ видѣ. Этотъ классъ пріобрѣлъ очень чуткій слухъ къ звонкой монетѣ. Да и нѣмецкіе фритредеры не имѣли больше охоты возиться съ голодными людьми. Они сидѣли на зеленой вѣткѣ. Вожди ихъ Фоше и Принсъ-Смитъ, люди безъ всякихъ средствъ, женились на двухъ дѣвицахъ. Фоше, какъ галантный французъ—на молодой племянницѣ, а Принсъ-Смитъ, какъ практическій англичанинъ—на старой теткѣ, которыя владѣла Подъ Липами жалкимъ домишкомъ на большомъ участкѣ земли. Благодаря росту движенія въ прусской столицѣ, этотъ клочекъ пріобрѣлъ колоссальную цѣнность и вотъ, женившись на такой золотоносной глыбѣ, Фоше сталъ убѣдительно развивать мысль, что прибыль капиталисти-

ческая есть награда за лишенія, которые претерпѣлъ обладатель капитала, чтобы собрать его. Въ свою очередь, Принсъ-Смитъ не менѣе краснорѣчиво доказывалъ, что семьи, которыя сумѣли сберечь наибольшій капиталъ, оказали этимъ наибольшее благодѣяніе народному хозяйству. Поэтому онѣ могутъ и должны претендовать на главную долю участія въ національномъ продуктѣ.

Старая судьба нѣмецкой буржуазіи отразилась и на конгрессѣ нѣмецкихъ экономистовъ. При каждомъ ударѣ, направленномъ противъ его историческихъ пріемниковъ, онъ робко косился назадъ на своихъ историческихъ предшественниковъ. Сила, съ которою онъ боролся противъ отжившихъ средневѣковыхъ формъ производства, уступала, во всякомъ случаѣ, смущенію, съ которымъ онъ старался обмануть мелкую буржуазію и рабочій классъ относительно результатовъ капиталистическаго производства. Для этой цѣли даже англійское манчестерство было для него слишкомъ честно, и онъ теперь горячо отстаивалъ „экономическія гармоніи“, которыми болтунъ французъ Бастіа пытался замаскировать на бумагѣ бѣдствія промышленнаго пролетаріата. Правда, Родбертусъ, въ своихъ соціальныхъ письмахъ, давно разорвалъ паутину грубыхъ софизмовъ, сотканныхъ Бастіа. Но для конгресса нѣмецкихъ экономистовъ ничего не стоило абсолютно игнорировать Родбертуса. И ему, дѣйствительно, удалось обмануть если не пролетаріатъ собственно, то хоть мелкую буржуазію.

Нѣмецкіе ремесленники кое-что получили въ 50-е годы отъ плодотворнаго ливня экономическаго подъема, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, быстрый ростъ крупной промышленности еще болѣе расшаталъ корни ихъ существованія, чѣмъ они были расшатаны до этого. До настоящаго расцвѣта, какъ въ 30-е годы, дѣло болѣе не дошло. Еще менѣе можно было ожидать этого отъ реакціоннаго пересмотра промышленнаго устава въ цеховомъ духѣ,

затѣяннаго правительствомъ. Эта реакціонная глупость убаюкала лишь старыхъ цеховыхъ мастеровъ въ мнимой безопасности ихъ, но зато еще болѣе парализовала живые и дѣятельные члены ремесла.

Этимъ элементамъ оказали дѣятельное содѣйствіе кредитныя и сберегательныя товарищества, а также общества для закупки сырья, въ пользу которыхъ началъ энергичную агитацію Шульце-Деличъ съ тѣхъ поръ, какъ правительство лишило его должности судьи. Шульце какъ бы случайно вступилъ на путь агитаціи въ пользу товариществъ. Два небольшихъ ферейна, которые онъ первоначально устроилъ въ своемъ родномъ городѣ Деличѣ и его окрестностяхъ, быстро расцвѣли и распространились, благодаря тому, что среди мелкихъ ремесленниковъ чувствовалась потребность въ правильномъ кредитѣ, которую угнетало вѣроломное законодательство. Обладая практическимъ тактомъ, Шульце сумѣлъ въ своемъ уставѣ удачно обойти подводный камень, поставленный прусскимъ земскимъ правомъ для того, чтобы тормозить развитіе народныхъ банковъ. Заслуга его нисколько не умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ первый моментъ онъ самъ былъ пораженъ и смущенъ своими быстрыми успѣхами. Пропаганда его не имѣла никакихъ побочныхъ умысловъ. Какъ доброжелательный мелкій буржуа, онъ желалъ лишь помочь своему классу и, дѣйствительно, помогъ ему, насколько это еще было возможно. Безъ сомнѣнія, это была утопія—бороться при помощи мелкобуржуазныхъ товариществъ съ „маммонизмомъ и пауперизмомъ“—этими „несчастными наростами нашей промышленности“, въ которыхъ Шульце видѣлъ двѣ силы, „одинаково враждебныя истинной культурѣ“. Но эта утопія дала мощный толчокъ къ развитію ассоціацій и, оказавъ непосредственную помощь мелкимъ буржуа, принесла также косвенную пользу пролетарскимъ слоямъ населенія. Родбертусъ мѣтко сказалъ, что Шульце не найдетъ сокровища, которое

онъ ищетъ въ виноградникѣ, но все же его копаніе сдѣлаетъ виноградникъ плодороднѣе.

Буржуазія сперва косо поглядывала на усилія Шульце, которыя грозили помѣшать ей проглотить мелкую промышленность. Еще болѣе пугалась она того, чтобы эта агитація не увеличила сопротивленія пролетаріата. Вскорѣ, однако, она убѣдилась, что съ Шульце можно поладить. Онъ счелъ цѣлесообразнымъ изложить свои мысли на международномъ благотворительномъ конгрессѣ, который соссоялся въ 1857 г. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Здѣсь нѣкоторые піонеры крупнаго капитализма имѣли возможность присмотрѣться къ нему и сдѣлали пріятное для себя открытіе, что онъ неособенно зубастъ. То былъ годъ большого торговаго кризиса, заставившаго буржуазію трепетать за свое величіе. Болѣе дальновидные представители ея поняли, что Шульце можетъ быть удобнымъ и полезнымъ слугою, и имъ не стоило даже большого труда отвлечь этого человѣка, честолюбиваго и самодовольнаго, какъ всѣ мелкобуржуазные корифеи, отъ лучшихъ идеаловъ его. Союзъ былъ заключенъ уже въ слѣдующемъ году, на экономическомъ конгрессѣ въ Готѣ. Шульце восторженно развернулъ знамя Бастіа, за что друзья изъ крупныхъ капиталистовъ провозгласили его новымъ спасителемъ рабочихъ.

И снова мелкая буржуазія потянулась на буксирѣ за крупной. Печальный опытъ 1848 года прошелъ для нея не совсѣмъ безслѣдно. Съ весны 1849 г. болѣе сильные элементы ея сгруппировались вокругъ маленькой газеты „Urwähler“, которую талантливо и смѣло редактировалъ Аронъ Бернштейнъ. Запутавшись въ катастрофу процесса Ладендорфа, она погибла, но вскорѣ возродилась подъ видомъ „Народной Газеты“ и возобновила энергичную борьбу съ бюрократически-феодальной реакціей. „Народная Газета“ завоевала себѣ широкія симпатіи въ самыхъ глубокихъ слояхъ пролетаріата. Однако, и ей пришлось вмѣстѣ съ Шульце по-

вернуть фронтъ въ экономической области. Вина въ этомъ падала не столько на издателя газеты, Франца Дункера, который все время былъ противъ манчестерства, сколько на самого Бернштейна. Бернштейнъ обладалъ рѣдкимъ даромъ распространять въ массахъ естественнонаучныя знанія и много успѣлъ въ этой области, но въ экономіи и политикѣ онъ бралъ больше своимъ честнымъ направленіемъ, нежели дѣйствительными знаніями. Его умъ, воспитанный естественнонаучно, но не экономически, прельщалъ софизмъ Бастіа: жизненныя средства должны становиться все дешевле и доступнѣе для рабочихъ классовъ, такъ какъ успѣхи естествознанія все болѣе переносятъ центръ тяжести труда на силы природы. Свободная же конкурренція не допуститъ, чтобы кто-либо бралъ плату за то, что создается не трудомъ, а силами природы. Въ итогѣ, стало быть, самый убѣжденный органъ тогдашней мелкой буржуазіи энергичнѣе всякой другой истинно-буржуазной газеты отстаивалъ проповѣди сикофанта крупнаго капитализма.

3. Буржуазная литература и философія.

Параллельно съ экономическимъ и политическимъ переворотами пятидесятыхъ годовъ шло литературное и философское развитіе. „Въ Амарантѣ“ Редвица мы видимъ вѣрное отраженіе феодальной романтики фанатической и въ то же время прогнившей до мозга. Слащавый, изнѣженный тонъ эпическихъ и лирическихъ произведеній и самый красивый внѣшній форматъ ихъ съ золотыми обрѣзами доказывали, что настоящій духъ нѣмецкой поэзіи исчезъ. Скудоуміе Боденштедта въ его „Мирза Шаффе“, „Rhein, Wein und Wandermärchen“ Рокотта, застольныя пѣсни Шеффеля старались разогнать политическую тоску нѣмецкаго филистера,—какъ краснокожій топитъ въ огненной водѣ свое историческое крушеніе. Честно протестовалъ противъ зла своего времени Гуцковъ въ двухъ большихъ романахъ.

Но послѣ труднаго путешествія черезъ девять толстыхъ томовъ онъ признался, что ничего подѣлать не можетъ, даже при содѣйствіи воображаемаго тайнаго союза всѣхъ рыцарей духа или римскаго волшебника, перешедшаго на сторону свободной общины.

Величайшій драматургъ своего времени и, въ нѣкоторомъ отношеніи, самый выдающійся драматургъ нѣмецкой литературы вообще самодовольно парилъ въ круговоротѣ контръ-революціи и подсмѣивался надъ ультра-демократами: они-де не уважаютъ собственности и семьи, не признаютъ, стало быть, общества и логически не должны бы признавать ни человѣка, ни животнаго, ни дерева, такъ какъ, это, вѣдь, тоже темницы свободныхъ, стихійныхъ силъ. Въ 40 годахъ Фридрихъ Гебель создалъ единственную мѣщанскую трагедію, которая могла соперничать съ пьессою Шиллера „Коварство и любовь". Теперь-же онъ возводитъ въ герои и эпическаго произведенія идеальнаго рабочаго, защитника капитализма, который грозитъ убить товарища-соціалиста, чтобы защитить ростовщиковъ. Теперь тотъ же Гебель восхваляетъ отвратительное убійство, возводя его на трагическую высоту, — убійство Агнесы Бернауеръ, совершенное средневѣковымъ герцогомъ, съ цѣлью выставить въ прикрашенномъ освѣщеніи насильническое хозяйничаніе реакціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ; тотъ же Гебель поочередно воспѣваетъ императора австрійскаго и короля прусскаго, какъ творцовъ германскаго величія и силы. Наконецъ, Отто Людвигъ въ своемъ „Наслѣдственномъ лѣсничемъ", драматическомъ произведеніи предостерегаетъ революцію. Въ лицѣ лѣсничаго онъ желалъ нарисовать инстинктивное правосознаніе массъ въ отрицательномъ свѣтѣ. Лѣсничій никакъ не можетъ понять, почему ему, „участнику въ трудѣ", во всякое время можетъ быть отказано „работодателемъ". Вслѣдствіе этого ему приходится переживать всѣ ужасы трагедіи судьбы.

Не прошло еще года со времени майскаго возстанія 1849 года, и вотъ эта пьеса, вкладывающая въ уста грязныхъ негодяевъ нелѣпую революціонную философію, была съ шумнымъ успѣхомъ впервые поставлена на дрезденской придворной сценѣ на глазахъ того самаго министра Бейста, который мучилъ арестованныхъ во время майскаго возстанія въ каторжной тюрьмѣ Вальдгейма, возбуждая негодованіе цивилизованнаго міра. Постановка этой пьесы была со стороны Отто Людвига въ высшей степени не эстетична и политически безтактна, и едва ли мы найдемъ другой такой примѣръ во всей революціонной литературѣ 40 годовъ. Знаменательно также для этой эпохи возрожденіе поэзіи на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, противъ котораго энергически боролся Лудольфъ Винбаркъ, эстетическій вожакъ молодой Германіи, Фрицъ Рейтеръ, въ самомъ лучшемъ своемъ произведеніи заставляетъ слугу, который убилъ производившаго надъ нимъ насиліе юнкера въ порывѣ справедливой самообороны, гибнуть отъ угрызеній совѣсти. Онъ же юмористически изобразилъ травлю демагоговъ, которая разбила его собственную жизнь и вызвалъ этимъ грустное замѣчаніе Циглера: „Только такой настоящій нѣмецъ, какъ Рейтеръ, можетъ еще шутить по поводу столь гнуснаго издѣвательства надъ закономъ“.

Въ области философіи въ эти дни достигъ славы Шопенгауэръ, который въ письмахъ къ своимъ апостоламъ повторялъ на всѣ лады, что дважды два — четыре. Философія узко мѣщанскаго рантье взяла верхъ надъ заоблачными стремленіями молодыхъ гегельянцевъ. Въ теченіе цѣлаго человѣческаго поколѣнія, пока въ нѣдрахъ нѣмецкаго бюргерства таилось еще пока немного силы и мужества, творенія Шопенгауэра, какъ свинецъ, лежали въ складѣ издателя. И только, когда онъ состарился, пошли въ ходъ его „Парерги и Паралипомены“. Какое счастье даже

для нѣмецкаго буржуа, что остроумная въ своемъ родѣ философія избавляла его отъ всякой необходимости въ чувствѣ стыда и раскаянія. Она вѣдь доказывала ему, что всѣ проявленія эгоизма и зависти въ насъ составляютъ ядро человѣческой мудрости. Неудивительно поэтому, что „Фоссова Газета“ шла впереди въ роли барабанщика во время тріуфальнаго шествія Шопенгауэра по нѣмецкимъ странамъ.

Идеологи, молодые гегельянцы, были всѣ выброшены на берегъ бурнымъ потокомъ революціи. Руге въ своихъ попыткахъ „руководить разумомъ событій“ попадалъ изъ одного трагикомическаго положенія въ другое. Штраусъ, избранный въ Вюртембергскую палату патріотами своего родного города Людвигсбурга, возбудилъ противъ себя недовѣріе даже этихъ преданныхъ ему земляковъ, когда выразилъ недовѣріе императорско-королевскимъ убійцамъ Роберта Блюма. Бруно Бауэръ добивался въ 1848—49 годахъ въ Берлинѣ парламентскаго полномочія. Однако, избиратели не довѣряли ему, какъ онъ ни старался убѣдить ихъ, что внесетъ свѣжій воздухъ критики въ залъ, гдѣ борьба интересовъ и фразы дѣлали воздухъ душнымъ и спертымъ. Тогда онъ съ воодушевленіемъ заговорилъ о первобытной русской силѣ. Самъ онъ жилъ, какъ крестьянинъ, въ Риксдорфѣ и работалъ днемъ на полѣ съ топоромъ и лопатою, а вечеромъ перомъ и чернилами въ бывшемъ хлѣву. Каждую субботу онъ пугалъ лощеныхъ господчиковъ „Крестовой Газеты“, появляясь въ ихъ редакціи въ своихъ грязныхъ сапогахъ, въ плащѣ съ семью воротниками и зеленомъ шерстяномъ пледѣ. Онъ сдавалъ рукопись для вагнеровскаго словаря общественныхъ и государственныхъ наукъ, въ которой онъ попеременно обрабатывалъ древнихъ философовъ и современныхъ евреевъ. Максъ Штирнеръ окончательно смирился, повернулся спиною къ революціи, которая, по его мнѣнію, не могла быть „собственностью“ от-

дѣльнаго человѣка, но, съ другой стороны, и практика капиталистической борьбы за существованіе была не по силамъ защищавшему ее философу. И вотъ Штирнеръ, какъ тѣнь среди живыхъ, шелъ навстрѣчу медленной голодной смерти.

Безсмертная душа домартовскаго идеализма давно переселилась въ историческій матеріализмъ; на надгробномъ холмѣ ея смертныхъ останковъ сидѣлъ призракъ послѣмартовскаго матеріализма. Проповѣдывавшіе его словомъ и дѣломъ, Яковъ Молешотъ, Карлъ Фохтъ и Людвигъ Бюхнеръ опирались на естественныя науки, которыя въ пятидесятыхъ годахъ быстро развивались, какъ это было во всѣ времена расцвѣта промышленности. Ихъ матеріализмъ настолько же походилъ на французскій матеріализмъ восемнадцатаго столѣтія, насколько мантейфельская буржуазія 50-хъ годовъ имѣла сходство съ буржуазнымъ классомъ, продѣлавшимъ Великую Французскую Революцію. Онъ не только палъ въ сравненіи съ нѣмецкимъ идеализмомъ, но стоялъ гораздо ниже французскаго матеріализма. Онъ пріятно щекоталъ послѣ ѣды поднимавшуюся буржуазію, которая отказалась отъ своихъ политическихъ идеаловъ, но радовалась отъ души успѣхамъ промышленности и естествознанія; такими же пріятными фразами услаждалъ за десертомъ Ламетри своего стараго друга Фрица. Какъ прекрасно долженъ былъ чувствовать себя сытый, разжирѣвшій буржуа, когда Карлъ Фохтъ увѣрялъ его, что мысли находятся въ такомъ же отношеніи къ головному мозгу, какъ моча къ почкамъ!

Однако, даже тамъ, гдѣ этотъ матеріализмъ пытался что-нибудь создать, онъ всегда опаздывалъ на одинъ или два почтовыхъ дня. Если онъ ходилъ вокругъ политическихъ и соціальныхъ проблемъ, какъ „кошка вокругъ горячей каши“, то ему хотѣлось, по крайней мѣрѣ, разъ навсегда покончить съ религіозными „суевѣріями“ и съ „двойной бухгалтеріей“

между вѣрой и знаніемъ. Но вѣдь еще раньше нѣмецкій идеализмъ покончилъ съ религіей въ ея грубыхъ или болѣе утонченныхъ формахъ, и съ фейербаховой сущностью христіанства буржуазные матеріалисты 50-хъ годовъ, во всякомъ случаѣ, не могли сравниться. Они не умѣли даже правильно разграничивать философскія понятія и обходили это затрудненіе такимъ образомъ, что выбрасывали за бортъ всякую вообще философію, какъ только она сразу не давалась уму всякаго образованнаго человѣка, — сирѣчь, всякаго буржуа. Но такъ какъ они къ тому же не понимали идеализма вообще, то не могли поразить религію въ самое больное мѣсто. Они не справились съ мышленіемъ, какъ идеализмъ — съ бытіемъ. Фохтъ могъ хвастнуть трескучей, но нелѣпой фразой объ отношеніи между мыслью и мозгомъ и найти въ ней удовлетвореніе. Бюхнеръ же, который нѣсколько серьезнѣе относился къ вещамъ и нѣсколько вкусилъ отъ искрометнаго вина своего старшаго брата Георга, былъ отброшенъ своей ограниченной теоріей о матеріи и силѣ далеко назадъ, въ объятія самыхъ первыхъ отцовъ церкви.

Отрицая трескучія фразы Фохта, онъ самъ утверждалъ, что сила и матерія нераздѣльны, но въ понятіи очень сильно расходятся, а „въ извѣстномъ смыслѣ даже исключаютъ другъ друга“. И дальше: „по крайней мѣрѣ, трудно представить себѣ духъ, силу иначе, какъ нѣчто нематеріальное, само по себѣ исключающее матерію или даже противуположное ей“. Но этимъ Бюхнеръ всецѣло сталъ на сторону дуализма христіанства, на что указалъ уже Альбертъ Ланге. Что сила и матерія нераздѣльно связаны, это достаточно доказано въ отношеніи видимой и осязаемой природы. Но коль скоро сила, по сущности своей, представляетъ нѣчто сверхчувственное, то почему-же ей не существовать самостоятельно или въ сочетаніи съ нематеріальными субстанціями, въ мірѣ, недоступномъ нашимъ

чувствамъ? Вопросъ о томъ, какъ возникаютъ или исчезаютъ религіи, еще могъ подлежать разрѣшенію историческаго матеріализма. Но онъ внѣ компетенціи отвлеченнаго естественно-научнаго матеріализма, который исключалъ историческій процессъ и тотчасъ начиналъ блуждать въ густой темнотѣ, какъ только позволялъ себѣ выйти за предѣлы своей спеціальности, будь то въ политической и соціальной области или въ религіозной.

Несостоятельность этого матеріализма призналъ также Фейербахъ. Онъ извлекъ изъ него все лучшее, осмѣивая глупость реакціи, которая стѣсняла философскіе и политическіе споры, но давала полный просторъ естественно научному изслѣдованію; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ присовокуплялъ, что матеріализмъ Молешотта является для него только фундаментомъ для зданія человѣческаго существа и знанія, но не самымъ зданіемъ, какъ для Молешотта. Фейербахъ съ нѣкоторымъ предвидѣніемъ отыскивалъ входъ въ это зданіе. Такъ, онъ выразился, что „человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ". Надъ этой „пресловутой безсмыслицей" тупоумные эклектики нѣмецкой университетской философіи до сихъ поръ еще ломаютъ свою патріотическую голову, а между тѣмъ Фейербахъ хотѣлъ лишь сказать этимъ, что достаточное человѣческое существованіе массъ есть основаніе всякаго образованія и нравственной культуры массъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ благородный мыслитель не могъ понять историческаго матеріализма, такъ какъ онъ никогда не былъ знакомъ съ внутреннимъ механизмомъ современнаго буржуазнаго общества. Онъ медленно угасъ въ меланхолическомъ одиночествѣ.

Послѣмартовскій матеріализмъ былъ модной игрушкой буржуазіи, которую можно было сломать когда-угодно и которую она дѣйствительно сломала, какъ только выяснилось, что съ ханжествомъ можно дѣлать лучшія дѣла, чѣмъ съ свободомысліемъ. Еще

ярче, чѣмъ въ немъ, отразились современные идеалы буржуазіи и надежды ея на будущее въ двухъ журналахъ: „Preussische Jahrbücher“, которыя издавались въ Берлинѣ, и „Grenzboten“—въ Лейпцигѣ. Эти органы были истинными сводниками союза нѣмецкой буржуазіи съ прусскимъ государствомъ и знали хорошо, откуда дуетъ вѣтеръ.

Между ними въ свою очередь произошло раздѣленіе труда. Вокругъ „Preussische Jahrbücher“ сгруппировались историки малогерманскіе; прусское государство они изображали мученикомъ, который всегда истекалъ кровью за единство и свободу Германіи и раздѣлялъ общую участь всѣхъ мучениковъ — не быть признаваемымъ неблагодарнымъ свѣтомъ. Такъ, Дрёйзенъ возводитъ въ національные герои старопрусскаго генерала Іорка, типичнѣйшаго юнкера, какого только знаетъ прусская исторія. И эта біографія сдѣлалась любимою книгою нѣмецкой буржуазіи, надъ которой удивленно покачивалъ головою при всемъ своемъ прусскомъ патріотизмѣ старый 80-лѣтній Шёнъ, которому козни Іорка причинили не мало хлопотъ.

Рука объ руку съ этимъ обуржуазеніемъ Пруссіи работалъ органъ „Grenzboten“ въ смыслѣ опруссенія буржуазіи. Матодоры ея были Густавъ Фрейтагъ и Юліанъ Шмидтъ. „Soll und Haben“ Фрейтага идеализировалъ въ литературѣ нѣмецкую буржуазію 50-хъ годовъ. Этотъ новый міръ еще полонъ наслѣдственныхъ предразсудковъ и пропитанъ уродливыми чертами мѣщанства. Изображаемый въ романѣ торговый домъ Т. О. Шретеръ ведетъ не міровую, а только лишь посредническую торговлю. Герой романа по филистерской скукѣ, которую онъ наводитъ, не имѣетъ себѣ равнаго въ литературѣ романовъ всѣхъ странъ. И все же сытая добродѣтель и кредитоспособная мораль этого примѣрнаго мальчика стоитъ выше по сравненію съ обанкротившимся юн-

керствомъ. Фрейтагъ прекрасно сумѣлъ изготовить нравственный соусъ, подъ которымъ нѣмецкій буржуа желаетъ видѣть сервированную свою прибыль. Фрейтагъ обладалъ скромнымъ талантомъ, а фантазія почти отсутствовала у него, но самый восторженный религіозный поэтъ никогда не населялъ небо такимъ несмѣтнымъ числомъ ангеловъ, какъ Фрейтагъ обставилъ каждый глотокъ прибыли торговаго дома „Т. О. Шретеръ" безчисленными гномами. Его „журналисты" рисуютъ рабскую буржуазную прессу геніальной, бодрой, привлекательной. Въ своихъ картинахъ „изъ нѣмецкаго прошлаго" онъ доказывалъ, что нѣмцы въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ въ своихъ добродѣтеляхъ и слабостяхъ по своей природѣ и характеру были приблизительно все тѣ же, какъ и мѣщане его времени. Все замѣчательно приспособлялось къ этому замѣчательному человѣку, а если что-нибудь сидѣло у него какъ бѣльмо на глазу, какъ, напр., еврейская конкурренція,—то оно подверглось основательному бичеванію въ лицѣ ростовщика Итцига и репортера Шмока.

Нѣжно привелъ Фрейтагъ на веревочкѣ буржуазный классъ въ лоно своего любимаго пруссофильства. Выросши въ польско-силезскихъ пограничныхъ областяхъ, онъ, по крайней мѣрѣ, былъ честнымъ и убѣжденнымъ пруссакомъ. Это обстоятельство въ такой же мѣрѣ способствовало его успѣхамъ, какъ частица реальнаго образованія, которую онъ сохранилъ отъ добраго стараго времени нѣмецкой учености. Легкой, умѣлой и, собственно говоря, не нечестной рукой онъ помогалъ буржуазіи преобразовать свой идеалистическій духъ въ мамоновскій и перемѣнить черно-красно-золотую кожу на чернобѣлую. Гораздо хуже повелъ дѣло его товарищъ Юліанъ Шмидтъ. Единственная мысль, которую онъ когда-либо создалъ, заключалась въ требованіи, чтобы романъ изображалъ нѣмецкій народъ въ той обстановкѣ, при которой онъ представ-

ляется съ наилучшей стороны, именно, за работою, другими словами — за наживою. Юліанъ Шмидтъ наполнялъ зеленыя тотрадки „Grenzboten“ столько же бездарными, сколько грубыми критическими статьями о всѣхъ заоблачныхъ мечтателяхъ,—отъ Лейбница до Гуцкова. Всѣ эти статьи онъ собралъ потомъ въ видѣ трехъ томовъ исторіи нѣмецкой литературы и преподнесъ это нищенское блюдо буржуазной публикѣ, которая не безъ удовольствія ѣла его.

Противъ романтики Юліанъ Шмидтъ питалъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ искренній гнѣвъ, хотя трезвость его была слишкомъ плоская для того, чтобы наносить дѣйствительные удары. Но его грубость въ отношеніи классической литературы и философіи была прямо возмутительна. Если бы онъ ограничивался только причисленіемъ ихъ къ старью, то съ этимъ можно было бы помириться—почему не быть и такимъ чудакамъ? Но онъ поступилъ съ ними несравненно хуже: съ надменностью покровителя, съ заносчивостью невѣжества, позади которыхъ скрывалась его собственная неспособность понять ихъ духовно, онъ притуплялъ ихъ мужественную энергію и внушалъ добродушнымъ бюргерамъ блаженное чувство, что Лессинги, Гёте, Шиллеры, Канты, Фихте и Гегели — собственно плоть отъ его плоти, а дальше этого были не болѣе, какъ безнадежные глупцы. О Фейербахѣ Юліанъ Шмидтъ писалъ, что ему могутъ сочувствовать только полуобразованные люди. По этому поводу Фейербахъ замѣтилъ съ хладнокровнымъ презрѣніемъ: „Это сужденіе мальчика о взросломъ мужчинѣ“. Не менѣе рѣзко высказывались Руге и Шопенгауэръ, что отношеніе Шмидта, въ самомъ лучшемъ случаѣ, можно считать мальчишескимъ кощунствомъ. Но и они показывали кулакъ только въ карманѣ, и не нашлось пока суровой руки, которая по заслугамъ наказала бы художественнаго критика „Grenzboten“.

Глава седьмая.

Успѣхи научнаго коммунизма.

Германія 50-хъ годовъ не давала никакого простора для коммунистической пропаганды. Въ рабочемъ классѣ она не встрѣчала никакого отклика, а руководители ея были разсѣяны во всѣхъ частяхъ земного шара и почти всѣ вынуждены были вести самую отчаянную борьбу за существованіе. Даже нѣмецкій книжный рынокъ былъ закрытъ для такихъ людей, какъ Марксъ и Энгельсъ. Самые радикальные издатели и тѣ приходили въ ужасъ отъ „несвоевременнаго притязанія“ печатать ихъ работы. Только въ концѣ десятилѣтія Францъ Дункеръ имѣлъ мужество прорвать этотъ заколдованный кругъ.

Тѣмъ не менѣе, 50-е годы не пропали для научнаго коммунизма. Это былъ періодъ собиранія силъ и анализа. Онъ сточилъ съ своего меча зазубрины, полученныя въ жаркихъ битвахъ революціонныхъ годовъ, и построилъ изъ мощныхъ камней стѣны для защиты, о которыя противники его постоянно разбивали себѣ головы. Тамъ, гдѣ возможна еще была практическая пропаганда, какъ въ американской и англійской прессѣ,—тамъ ею отнюдь не пренебрегали. Въ своихъ разоблаченіяхъ по поводу кельнскаго процесса коммунистовъ, появившихся одновременно въ Базелѣ и Бостонѣ, Марксъ приковалъ прусское правительство къ позорному столбу, гдѣ и было его мѣсто. Затѣмъ онъ написалъ для нѣмецко-американскаго журнала, который издавалъ его другъ Вейдемейеръ, исторію французскаго государственнаго переворота „18 брюмера Луи Бонапарта“. Онъ объяснилъ тамъ, какимъ образомъ классовая борьба во Франціи сдѣлала возможнымъ для посредственной и грубой личности разыграть роль героя. Эта ѣдкая критика, блиставшая умомъ и остроуміемъ — образецъ матеріа-

листическаго писанія исторіи, открыла для бонапартизма, который вызывалъ изумленіе всѣхъ европейскихъ спасителей общества, перспективу его равно позорныхъ успѣховъ и пораженій. Въ „New York Tribune“, европейскимъ редакторомъ которой Марксъ состоялъ вплоть до американской гражданской войны, онъ въ яркихъ чертахъ набросалъ исторію нѣмецкой революціи и контръ-революціи. Съ такимъ же безкорыстнымъ воодушевленіемъ онъ работалъ въ чартистскихъ газетахъ, которыя даже послѣ крупнаго пораженія чартизма въ 1848 году продолжали агитировать въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Во многихъ летучихъ листкахъ онъ бичевалъ дружескія услуги, которыя оказывалъ лордъ Пальмерстонъ царизму. Работа эта была велика даже для выдающагося человѣка, но она составляла лишь ничтожнѣйшую часть того, что вообще сдѣлалъ Марксъ въ 50-е годы.

Подобно тому, какъ Марксъ черпалъ матеріальныя средства своего существованія, сотрудничая въ „New York Tribune“, такъ Энгельсъ находилъ ихъ въ дѣлѣ своего отца въ Манчестерѣ, въ которое онъ снова вступилъ. Дальность разстоянія не мѣшала имъ работать совмѣстно. Они раздѣлили между собою трудъ такимъ образомъ, что Энгельсъ взялъ на себя защиту общей точки зрѣнія противъ нападковъ противниковъ, для чего, впрочемъ, не представлялось случая въ теченіе многихъ лѣтъ. Марксъ же въ обширныхъ изслѣдованіяхъ воздвигалъ научную основу современнаго коммунизма и находилъ твердые устои для цѣлей его, связывая ихъ съ общимъ историческимъ процессомъ. Сокровища Британскаго музея давали ему неисчерпаемый источникъ для поученія. Въ это десятилѣтіе Марксъ и Энгельсъ изслѣдовали и учились въ различнѣйшихъ областяхъ науки. Они использовали вынужденную паузу въ борьбѣ для своего великаго дѣла съ такою же основательностью, какъ и са-

мые благопріятные шансы для борьбы. Они ни минуты не заблуждались въ томъ, что въ ихъ отечествѣ поминаютъ ихъ одною лишь бранью, въ которой открыто и безнаказанно могла проявляться ненависть ихъ противниковъ.

Во всякомъ случаѣ, то были тяжелыя времена, и отголосокъ ихъ дрожитъ еще въ словахъ, которыя Энгельсъ произнесъ, спустя цѣлое поколѣніе у могилы жены Маркса: „На этотъ разъ для Женни Марксъ наступило изгнаніе со всѣми его ужасами. И все же она перенесла бы матеріальный гнетъ, отъ котораго погибли оба ея мальчика и маленькая дочка, но что правительство и буржуазная оппозиція, отъ вульгарныхъ либераловъ до демократовъ, соединились въ одинъ большой заговоръ противъ ея мужа, что они осыпали его самыми жалкими и низкими клеветами, что вся печать закрылась для него и отрѣзала у него возможность защищаться и что онъ стоялъ въ данный моментъ беззащитный подъ ударами противниковъ, которыхъ и онъ, и она презирали, — все это сильно поразило ее“. И въ эти мрачные годы Марксъ совершалъ главную работу для своего крупнѣйшаго научнаго труда.

Въ самой Германіи коммунистическая пропаганда жила въ нѣмой оппозиціи единичныхъ рабочихъ и пылкихъ надеждахъ Фердинанда Лассаля. Въ письмахъ, которыя онъ въ это время писалъ Марксу, ярче всего отражается его революціонный пылъ. Среди дикихъ пѣнящихся волнъ контръ-революціи онъ стоялъ точно непоколебимый утесъ, и въ дни бѣлаго ужаса домъ Лассаля въ Дюссельдорфѣ являлся надежнымъ убѣжищемъ для всѣхъ преслѣдуемыхъ. Несмотря на шпіонство полицейскихъ онъ поддерживалъ оживленныя сношенія съ рейнскими рабочими, читалъ имъ поучительныя рѣчи, снабжалъ ихъ книгами, не останавливался передъ денежными жертвами, гдѣ онъ только въ состояніи былъ помочь. Но тяжелѣе всего была для

него разлука со старыми друзьями революціонныхъ годовъ. „Ахъ, не вы въ изгнаніи! — писалъ онъ Марксу 24 апрѣля 1857,— а я. Вѣдь васъ собралось много старыхъ сотоварищей по борьбѣ и образу мыслей въ одномъ городѣ, я же всѣ эти годы живу совсѣмъ одинъ, такъ одинешенекъ, совершенно отрѣзанный отъ прежнихъ братьевъ по оружію. Послѣдній изъ могиканъ!—какъ я назвалъ себя въ припадкѣ сантиментальности. Это, дѣйствительно, очень жестоко. Если не говорить о рабочемъ классѣ, который сохранилъ здоровыми и свѣжими свои сердце и умъ и даже съ тѣхъ поръ очень подвинулся въ развитіи, то въ средѣ, т. наз., образованныхъ людей все еще и болѣе, чѣмъ когда-либо, господствуетъ прежняя робость, тотъ же страхъ, та же привычка прятаться. Исключеній почти нѣтъ. Правда, Дюссельдорфъ маленькій городъ, и въ немъ вообще нѣтъ выдающихся умственныхъ силъ.“ Въ 1854 году Лассаль успѣшно окончилъ дѣло графини Гатцфельдтъ и затѣмъ въ „безумной двухлѣтней работѣ“ окончилъ свое сочиненіе о Гераклитѣ. Ссылаясь на необходимость наблюдать за печатаніемъ этого сочиненія, а также на болѣзнь глазъ, которая заставляетъ его посовѣтоваться съ знаменитымъ врачомъ Грефе, онъ добился отъ берлинской полиціи разрѣшенія пожить нѣсколько мѣсяцевъ въ столицѣ и написалъ въ упомянутомъ письмѣ къ Марксу, что въ ближайшіе дни переѣзжаетъ туда.

Лассаль не скрывалъ ни отъ Маркса, ни отъ кого-либо другого своего стремленія жить въ большомъ городѣ, да и не имѣлъ ни малѣйшаго повода къ этому. Несправедливо поэтому упрекать его въ томъ и объяснять побужденіями тщеславія или жаждою славы то, что являлось законною потребностью существованія какъ въ духовномъ, такъ и политическомъ отношеніяхъ. Точно также давно распространенная легенда, будто бы Лассаль, чрезъ посредство Александра ф. Гумбольдта, добивался у Фридриха Виль-

гельма IV разрѣшенія на временное проживаніе въ Берлинѣ, окончательно опровергнута. Но, съ другой стороны, опубликованные новѣйшіе документы показываютъ, что Лассаль для того, чтобы сломить необыкновенно злобное и упорное сопротивленіе, которое оказывали его поселенію въ Берлинѣ берлинскія власти, неоднократно прибѣгалъ къ средствамъ, которыя были ему не къ лицу. Такъ, нельзя признать достойнымъ его письмо, съ которымъ онъ обратился въ маѣ 1855 къ президенту полиціи ф. Гинкельдею; или прошеніе его на имя принца прусскаго, замѣстителя душевно-больного короля. Въ этихъ заявленіяхъ онъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приказа о высылкѣ его, изданнаго въ 1858 году. Несомнѣнно, что основанія для такого приказа были самыя нелѣпыя. Лассаль только что успѣлъ устроиться въ Берлинѣ, и вотъ его изгоняютъ за то, что какой-то военный наглецъ съ товарищемъ безъ всякаго повода напалъ на него на улицѣ и по заслугамъ былъ избитъ Лассалемъ. Но все же революціонеру 1848—49 г. не слѣдовало подавать просьбы „картечному принцу". Отъ этого его должно было удержать то, что Марксъ какъ-то назвалъ простымъ нравственнымъ тактомъ, который побуждаетъ держаться далеко даже отъ кажущагося компромисса съ власть имущими.

Въ этихъ промахахъ Лассаля можно было видѣть какъ бы отголосокъ гатцфельдтовской исторіи! Еще въ домартовское время заступничество Лассаля за оскорбленную и беззащитную женщину дало первый поводъ христіанскому государству изгнать его изъ Берлина. Точно также и дальнѣйшія его отношенія къ графинѣ Гатцфельдтъ играли извѣстную роль для справедливыхъ и доброжелательныхъ представителей берлинской полиціи при разрѣшеніи вопроса: терпѣть ли его въ Берлинѣ или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, какъ ни смотрѣть на всѣ эти дрязги, но именно онѣ приковывали „послѣдняго изъ могиканъ" къ Германіи и

давали ему возможность неусыпно слѣдить за развитіемъ нѣмецкаго дѣла. Самъ онъ убѣдился въ Берлинѣ, какъ легко даже сравнительно небольшое разстояніе способно вызывать оптическіе обманы. Если среди рейнскаго рабочаго населенія все еще были живы традиціи революціонныхъ годовъ, то въ Берлинѣ, къ великому его огорченію, ему стало ясно, какъ глубоко еще сидѣлъ монархизмъ въ восточно-эльбскомъ населеніи. Лассаль, какъ реальный политикъ, и притомъ въ совершенно иномъ и болѣе глубокомъ смыслѣ, чѣмъ безцвѣтные либералы, любящіе называть себя таковыми, сумѣлъ использовать этотъ фактъ. Его переписка съ Марксомъ и Энгельсомъ, именно, изъ этой эпохи доказываетъ на каждой страницѣ, что дѣйствія его вытекали изъ яснаго обсужденія, а не зависѣли отъ того, что берлинская жизнь наложила на него извѣстную печать непріятнаго свойства.

Тѣмъ не менѣе, такое неблагопріятное вліяніе все же существовало. Благодаря рентѣ въ нѣсколько тысячъ талеровъ—что для того времени составляло весьма внушительный доходъ—Лассаль былъ избавленъ отъ всякихъ житейскихъ заботъ и, какъ онъ выражается въ своихъ юношескихъ запискахъ, „блисталъ“ въ берлинскомъ обществѣ. Въ домѣ Франца Дункера, гдѣ собиралась литературная и политическая оппозиція, онъ былъ центромъ удивленія и нападокъ со стороны многихъ. Но его общественныя отношенія захватывали болѣе широкіе круги. Онъ не только соприкасался съ Бэкомъ и Гумбольдтомъ, но вращался, рядомъ съ этимъ, въ такихъ общественныхъ слояхъ, гдѣ едва ли можетъ быть даже рѣчь объ общности духовныхъ интересовъ и начинается уже простое разыгрываніе моднаго льва.

Не ко благу Лассаля послужило и то, что графиня Гацфельдтъ послѣдовала за нимъ въ Берлинъ. Было-бы, конечно, несправедливо отрицать высокое

чувство, которое лежало въ основаніи преданности Лассаля графинѣ и ея вѣрности ему. Но постоянная близость съ умной и свѣтски-опытной 50-лѣтней женщиной подчасъ отвлекала отъ правильнаго пути гораздо болѣе юнаго и потому несравненно болѣе наивнаго, при всемъ его геніальномъ самосознаніи, человѣка. Безспорно, что тамъ, гдѣ графиня Гацфельдтъ вообще могла вліять на Лассаля, она всегда склоняла его къ тому, что считала по своему искреннему убѣжденію наилучшимъ. Но, судя по ея прошломъ, она едва-ли могла имѣть ясное представленіе о томъ, что для него, дѣйствительно, было наилучшимъ. Благодарное благоговѣніе, которымъ она окружала его на каждомъ шагу, скорѣе поощряло его слабыя, нежели сильныя стороны.

Несмотря на это, онъ никогда не упускалъ изъ виду своихъ великихъ цѣлей. Всегда готовый вмѣшаться въ дѣло развитія революціи, лишь только она снова вспыхнетъ, онъ въ эти дни ожиданій и надеждъ написалъ свой главный научный трудъ, о которомъ онъ въ правѣ былъ сказать, что это „гигантское созданіе человѣческаго прилежанія“. Въ этой работѣ онъ преслѣдовалъ ту же революціонную цѣль, что и Марксъ, но пути были иные: въ нихъ ясно сказалось какъ то, что раздѣляло этихъ мужей, такъ и то, что соединяло ихъ.

I. Марксъ и Лассаль.

Альбертъ Ланге провелъ какъ-то слѣдующую параллель между „Капиталомъ“ Маркса и „Системою пріобрѣтенныхъ правъ“ Лассаля: „Оба сочиненія сходны въ томъ, что болѣе, чѣмъ какой-либо другой трудъ, олицетворяютъ гармоническое сліяніе умозрительнаго элемента съ положительнымъ знаніемъ. Различіе же между ними въ томъ, что Лассаль, въ отношеніи умозрительныхъ основъ, болѣе независимъ отъ своего учителя (Гегеля), какъ философъ по преимуществу, тогда какъ юридическій матеріалъ его сочиненія, правда,

обработанный съ необычайной умственной энергіей, все же какъ будто подогнанъ, именно, къ этой цѣли... У Маркса же экономическій матеріалъ эмпирическихъ знаній, сгруппированный и освѣщенный съ изумительной и рѣдкой свободою, какъ бы самъ собою льется. Наоборотъ, умозрительная форма тѣсно цѣпляется за его философскій прототипъ (Гегеля) и мѣстами насильственно врывается въ фактическій матеріалъ, роняя достоинство труда". Въ одномъ отношеніи эта оцѣнка извращаетъ истинное положеніе вещей: не Лассаль держался свободнѣе и независимѣе въ отношеніи философіи Гегеля, а Марксъ; Марксъ совершенно эмансипировался отъ ошибки Гегеля, Лассалю же это удалось сдѣлать только наполовину. Заблужденіе Ланге объясняется тѣмъ, что онъ самъ не понималъ историческаго матеріализма. Но въ другомъ отношеніи онъ затрагиваетъ самую глубокую причину различія, существовавшую между Лассалемъ и Марксомъ: оба они были революціонеры, но Лассаль одолѣлъ колоссальный научный матеріалъ, видя въ этомъ самое могущественное средство революціонизировать общество; Марксъ же, при помощи спеціальныхъ эмпирическихъ знаній, стремился проникнуть въ сущность вещей для того, чтобы служить движущимъ силамъ революціи которыя дѣлаютъ переворотъ въ буржуазномъ обществѣ.

Это различіе обозначится, такъ сказать, пластически, если сравнить литературныхъ любимцевъ этихъ двухъ людей. Марксъ любилъ Гомера, Данте, Шекспира, Сервантеса, изъ новѣйшихъ писателей Бальзака; Лассаль—Гуттена, Лессинга, Фихте, изъ новѣйшихъ--Платена. Это двѣ серіи литературныхъ типовъ, въ основаніи различныхъ. Тамъ—умы, которые настолько объективно восприняли въ себя картину цѣлой эпохи, что всякій субъективный остатокъ болѣе или менѣе теряется, порою даже совершенно растворяется, и творцы исчезаютъ за своими твореніями въ миен-

ческомъ туманѣ. Здѣсь — люди, которые, какъ воспѣваетъ одинъ изъ нихъ, отражаютъ лишь „образъ мірового образа“. Въ ихъ твореніяхъ мы узнаемъ не столько, какъ выглядѣлъ міръ, имъ современный, сколько—то, какъ поняли они или старались понять этотъ міръ. Кто теперь читаетъ памфлеты Гуттена ради ихъ самихъ, ради ихъ содержанія или хотя бы ради ихъ формы? Ихъ читаютъ ради Гуттена. Изъ всѣхъ историческихъ фигуръ Гуттенъ былъ ближе всего сердцу Лассаля. Онъ какъ-то говорилъ, что судьба Гуттена и его совершенно сходны, поразительно аналогичны. На это можно возразить справедливо, что въ то время, когда Лассаль высказывалъ такое мнѣніе, дѣйствительность давала для этого меньше всего фактическихъ основаній. И все же оно проистекало изъ очень вѣрнаго чувства. Мы сейчасъ же увидимъ въ высшей степени поразительное сходство въ основной формѣ ихъ темпераментовъ, если сопоставимъ самыя раннія ихъ произведенія: дневникъ Лассаля и „Querelae“ Гуттена. Сходство простирается вплоть до дѣтскаго самообмана, будто бы они—безвинно преслѣдуемые агнцы. А между тѣмъ — достаточно прочесть какую-нибудь сотню строчекъ и у Гуттена и у Лассаля, чтобы понять, что они съ самаго ранняго возраста должны были причинять много непріятностей окружающей рутинѣ. Выражаясь словами своего любимаго поэта Платена, Лассаль находилъ разрѣшеніе „узла запутанной загадки своей жизни“ въ словахъ Гуттена: „Вѣрно, что на мою долю выпало не больше, можетъ быть, даже меньше заботъ, чѣмъ у другихъ; но боюсь, что Богъ обременилъ меня темпераментомъ, который сильнѣе и глубже страдаетъ отъ обыкновенныхъ невзгодъ, чѣмъ другія сердца!“

Всякое сравненіе бываетъ неполно, и было-бы нелѣпо продолжать параллель между Лассалемъ и Марксомъ, на основаніи ихъ литературныхъ симпатій, дальше того пункта, въ которомъ она освѣщаетъ раз-

личіе основныхъ чертъ ихъ духовной дѣятельности. Это сильно повредило бы и Лассалю и Марксу. Но съ упомянутой оговоркой это сравненіе имѣетъ свою хорошую сторону. Если на минуту представить себѣ, что Марксъ можетъ быть забытъ, что прямо невозможно, то все же главный трудъ его сохранилъ бы значеніе на цѣлые вѣка впередъ, какъ въ высокой степени вѣрная картина вѣка крупной промышленности. Наоборотъ, произведенія Лассаля отчасти уже теперь, а тѣмъ болѣе черезъ какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ лѣтъ сохранятъ значеніе лишь постольку, поскольку они иллюстрируютъ мысли и дѣянія геніальнаго человѣка въ эпоху всемірно-историческаго движенія, какъ безсмертныя свидѣтельства человѣческаго духа, но не болѣе. Это не монументальныя творенія, въ которыхъ нашелъ себѣ классическое выраженіе великій міровой переворотъ. Это соотношеніе сказывается даже чисто внѣшнимъ образомъ: Лассcль даже въ своихъ научныхъ работахъ охотно выдвигаетъ личное міросозерцаніе, тогда какъ Марксъ даже въ политической пропагандѣ настолько отодвигаетъ свою личность на задній планъ, что въ теченіе десятковъ лѣтъ могли распространять о немъ невѣроятно лживыя вещи, которыя находили вѣру.

Но изъ этого вытекаетъ еще другое: Марксъ охватывалъ своимъ умомъ несравненно большую область, чѣмъ Лассаль. Онъ неутомимо переходилъ отъ одной отрасли науки къ другой, какъ скоро его изслѣдованія открывали передъ нимъ новые горизонты. Скажемъ для примѣра, какъ много работалъ Марксъ, а также Энгельсъ, въ области естественныхъ наукъ, которыхъ Лассаль коснулся развѣ мимолетно. Быть можетъ, этому способствовало то обстоятельство, что Марксъ, живя въ изгнаніи въ Англіи, вращался, такъ сказать, на высшей наблюдательной станціи европейскаго общества, тогда какъ Лассаль затерялся въ самомъ захолустномъ уголкѣ ея, въ мантейфельской

Пруссіи. Впрочемъ, живя здѣсь, онъ чувствовалъ скорѣе душевное, чѣмъ умственное одиночество и даже удовлетворялся болѣе узкимъ горизонтомъ, именно, потому, что въ этомъ горизонтѣ вмѣщался міръ, который онъ замыслилъ пересоздать. Онъ въ правѣ былъ сказать, что, въ своемъ фаустовскомъ стремленіи, онъ при помощи самаго упорнаго и серьезнаго труда прошелъ весь путь отъ греческой философіи и римскаго права чрезъ различнѣйшія отрасли историческаго знанія до современной политической экономіи и статистики. И если ограничиться науками о духѣ, то его слова, вызвавшія много насмѣшекъ, что онъ владѣетъ совокупнымъ образованіемъ вѣка, далеко не праздное хвастовство. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что для Лассаля научное изслѣдованіе стояло лишь на второмъ планѣ.

Такъ, однажды, въ письмѣ къ Гервегу, онъ рисуетъ это изслѣдованіе, какъ муку. Правда, эта мука ведетъ къ освобожденію, но все же это мука. Быть можетъ, онъ нѣсколько преувеличилъ для того, чтобы пробудить Гервега изъ тупой летаргіи, но вотъ, несомнѣнно, его настоящее мнѣніе: въ 1859 году онъ писалъ Энгельсу, что онъ охотно и дальше занимался бы политическою экономіею и философіею, но онъ сильно надѣется, что скоро начнется практическое движеніе, которое затормозитъ всякую серьезную теоретическую дѣятельность. „Я охотно оставилъ бы ненаписаннымъ то, что з н а ю, если бы взамѣнъ этого мнѣ удалось сдѣлать кое-что изъ того, что мы м о ж е м ъ". Энгельсъ писалъ о Марксѣ: „Какъ ни искренно радовался онъ по поводу новаго открытія въ какой-либо теоретической наукѣ, практическое примѣненіе котораго принадлежало, быть можетъ, отдаленной будущности, но совершенно иного свойства восторгъ охватывалъ его, когда шла рѣчь объ открытіи, которое имѣло непосредственное воздѣйствіе на промышленность и на историческое развитіе вообще". Что же касается Лассаля, то

наука вообще интересовала его, какъ средство для революціоннаго вмѣшательства въ историческое развитіе. За исключеніемъ развѣ его сочиненія о Гераклитѣ, которое было намѣчено и въ большей части своей выполнено въ сороковыхъ годахъ, научная дѣятельность Лассаля въ 50-хъ годахъ сводится къ политико-соціальной ликвидаціи мартовской революціи.

Съ этимъ находится въ связи еще третье обстоятельство:—идеалистическое міросозерцаніе Лассаля. Строго говоря, онъ даже не былъ молодымъ гегельянцемъ, а всегда старымъ гегельянцемъ, который глубоко вѣрилъ въ спекулятивное мышленіе, какъ направляющую силу міровой исторіи. Духовная жизнь его сформировалась подъ созвѣздіемъ классической философіи и ея первоисточника:—античнаго образованія. Когда Лассаль впервые погрузился въ изученіе классической философіи, въ ней уже наступило полнѣйшее разложеніе; но при всей своей воинственности, онъ никогда не вмѣшивался въ эту философскую борьбу. Въ сочиненіяхъ его едва ли когда упоминаются имена Штрауса, Бруно Бауэра, Фейербаха, да и то не въ связи съ тенденціями ихъ, направленными къ разрушенію классической философіи. Лассаль былъ запоздалымъ послѣдователемъ этой философіи, и къ нему можно примѣнить то, что говоритъ Гёте для характеристики историческаго значенія Вольтера, что старымъ народамъ иногда удается олицетворить въ одномъ индивидуумѣ всѣ свои добродѣтели и пороки. Такъ и въ Лассалѣ еще разъ воплотились всѣ хорошія и оборотныя стороны идеализма, который въ дни самаго глубокаго упадка Германіи одинъ удерживалъ ее на высотѣ западно-европейскихъ культурныхъ народовъ.

Идеализмъ нашей классической философіи неимѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что носитъ названіе идеализма въ наше время и противоставляется историческому матеріализму Лассаля для того, чтобы пустыми фразами затуманить рѣшительную классовую

борьбу. Лассаль отвергнулъ бы такую ссылку съ презрительной насмѣшкой. Что приковывало его къ классической философіи, это—революціонное ядро ея. Ему лично былъ ближе другихъ изъ представителей ея Фихте, который съ наибольшею страстностью проникся духомъ великой французской революціи и дальше другихъ зашелъ въ требованіяхъ буржуазнаго разума въ смыслѣ правъ рабочаго класса. Однако, смѣлый идеализмъ Фихте нисколько не смутилъ положительнаго ума Лассаля, по поводу котораго Кантъ говоритъ: „Въ одномъ лишь опытѣ истина, всякое же познаваніе вещей на основаніи одного чистаго разума,—призрачно". И Лассаль писалъ: „Матерія безъ мысли все еще имѣетъ относительное значеніе, но мысль безъ матеріи — химера". Съ рѣдкимъ умѣніемъ пользуясь діалектическимъ методомъ Гегеля, какъ оружіемъ для революціоннаго переворота, онъ въ то же время подчеркивалъ требованіе, неустанно выставляемое Гегелемъ на всѣхъ страницахъ его сочиненій, что философія болѣе всего нуждается въ фундаментѣ изъ эмпирическихъ наукъ.

Противъ безмозглыхъ, скудоумныхъ подражателей, которые изъ философіи Гегеля создали новый родъ литературнаго творчества, новый беллетристическій соусъ, которымъ они поливали непонятныя и неизвѣстныя имъ вещи, Лассаль направилъ самую безпощадную критику. Насколько они были ему противны, доказываетъ еще больше, чѣмъ эта полемика, слишкомъ снисходительное разсужденіе Лассаля о послѣмартовскомъ матеріализмѣ, которому онъ даже дѣлаетъ комплиментъ: „Уже Гераклитъ положилъ въ основу своего философствованія положеніе, что мысль есть движеніе матеріи, и Бюхнеръ справедливо ссылается на древнѣйшихъ іоническихъ философовъ". Но между ними есть та немалая разница, что Гераклитъ высказываетъ это воззрѣніе до появленія истинной философіи духа, до того, какъ обозначилось различіе между мыслью

бытіемъ, тогда какъ современная физіологія дѣлаетъ это по окончаніи развитія духовной философіи: „Этотъ возвратъ, какъ и всякій другой, совершающійся послѣ пройденнаго пути и устраненія различій, не можетъ уже считаться простымъ возвращеніемъ къ первоначальной непосредственности, но долженъ поглотить въ себѣ устраненное различіе“. Лассаль дѣлаетъ, правда, примѣчаніе къ этому, что юная философія въ періодѣ броженія и первыхъ восторговъ самосознанія грѣшитъ подчасъ противъ этого требованія. Но и при такой оговоркѣ онъ значительно преувеличиваетъ значеніе Бюхнера и его единомышленниковъ, доказывая этимъ, что его идеализмъ не имѣетъ ничего общаго съ безкровнымъ и безплотнымъ призракомъ, который нынѣ бродитъ подъ этимъ именемъ въ нѣмецкихъ университетахъ.

Отъ историческаго матеріализма идеализмъ Лассаля отличался тѣмъ, что Лассаль понималъ условія и необходимость пролетарской классовой борьбы не въ ихъ экономической наготѣ, но сперва переводилъ ихъ въ идеалистическія формы мышленія, и притомъ въ тѣ именно формы, которыя были прежде всего свойственны буржуазному вѣку, т. е. въ философію и науку о правѣ. Но отъ этого Лассаль не былъ еще буржуазнымъ революціонеромъ, такъ же, какъ не были феодальными революціонерами желѣзнобокіе Кромвели, несмотря на ихъ ветхозавѣтный языкъ. Подобно тому, какъ буржуазная революція совершалась вѣками еще въ религіозныхъ формахъ мышленія феодальной эпохи, такъ шла, по крайней мѣрѣ, десятилѣтіями пролетарская революція въ юридическихъ и философскихъ формахъ мышленія буржуазнаго вѣка. Только историческій матеріализмъ разбилъ ихъ сознательно и вполнѣ. Чего не могли никогда понять буржуазные революціонеры и соціалистическіе доктринеры, именно—всемірно историческаго значенія пролетарской классовой борьбы, то понялъ Лассаль. Его отдѣляла отъ историческаго матеріализма лишь та несравненно болѣе тонкая грань,

что его пониманіе выливалось въ буржуазныя формы мышленія.

Лассаль былъ убѣжденнымъ коммунистомъ въ смыслѣ, Коммунистическаго манифеста". Нѣкоторые ошибки и промахи его объясняются только тѣмъ, что онъ экономическія воззрѣнія манифеста переводилъ себѣ сперва на юридическій и философскій языкъ. Такъ какъ Лассаль понималъ пролетарскую классовую борьбу, то проповѣдываемый классическій культъ государства никогда не могъ выродиться у него въ такую застывшую форму, какъ у Родбертуса. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не могъ никогда окончательно порвать съ культомъ государства, потому что никогда не порывалъ съ идеалистическими формами мышленія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ чувствовалъ себя гораздо увѣреннѣе въ юридической и философской областяхъ, нежели въ экономической. Было бы, однако, сильнымъ преувеличеніемъ утверждать, что въ экономической области за Лассалемъ, вообще, нельзя признать реальныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованій. Это онъ во всякомъ случаѣ дѣлалъ, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, который могъ бы покрыть лаврами цѣлый полкъ академическихъ педантовъ. Но такъ свободно, какъ Марксъ и Энгельсъ, онъ не владѣлъ этой областью, потому что его идеалистическія формы мышленія слишкомъ часто преграждали ему пути. Въ пылу борьбы онъ хватался за свое оружіе тамъ, гдѣ находилъ его въ смыслѣ извѣстнаго изреченія Лессинга: „Наверхъ приходитъ не тотъ, кто дѣлаетъ лѣстницу, а кто поднимается по ней, и ловкаго и смѣлаго человѣка не удерживаетъ и гнилая лѣстница". Въ этомъ смыслѣ буржуазные экономисты правы, утверждая, что Лассаль не былъ соціалистомъ-теоретикомъ, проложившимъ новые пути. О, если бы эти кроты, которые такъ хорошо оріентируются въ темнотѣ, были бы такъ же способны видѣть свѣтъ!

Если идеализмъ былъ слабостью Лассаля, то, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, онъ черпалъ въ немъ и силу. Вѣдь онъ далъ Лассалю ту непоколебимую вѣру въ силу идеи, съ помощью которой Лассаль свершилъ такъ много великаго. Допуская даже, что Лассаль не такъ глубоко понялъ законы движенія и развитія современнаго буржуазнаго общества, какъ Марксъ и Энгельсъ, мы все же не имѣемъ права оцѣнивать историческое значеніе его исключительно или, главнымъ образомъ—съ этой, во всякомъ случаѣ, не рѣшающей стороны. Историческія проблемы — не школьныя упражненія, которыя мы оцѣниваемъ по числу ошибокъ. Каждая историческая личность можетъ быть освѣщена и оцѣнена лишь въ своей исторической обстановкѣ.

Если сравнивать Лассаля съ Марксомъ и Энгельсомъ, которые выросли при совершенно иныхъ историческихъ условіяхъ, то онъ до извѣстной степени теряется передъ ними въ тѣни, — какъ и вообще на его жизненномъ пути легли несравненно болѣе густыя тѣни, чѣмъ въ жизни Маркса и Энгельса. Но если сравнивать его съ современниками, которые восприняли свои, опредѣляющія жизнь человѣка, впечатлѣнія приблизительно при одинаковыхъ и даже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, съ молодыми гегельянцами на философской, съ Родбертусомъ на экономической и Іоганномъ Якоби на политической почвѣ, то фигура Лассаля неизмѣримо вырастаетъ и въ ширь, и въ высь.

Невзирая на идеалистическое міросозерцаніе, которое онъ раздѣлялъ съ ними, онъ достигъ того, что не удалось никому изъ этихъ людей: онъ добрался до сущности научнаго коммунизма, благодаря своимъ великимъ дарованіямъ, своимъ революціоннымъ инстинктамъ, но прежде всего—благодаря своему честному и неутомимому стремленію къ истинѣ.

2. Марксъ о товарѣ и деньгахъ.

Первымъ плодомъ научной работы, совершенной Марксомъ въ 50-хъ годахъ, была небольшая, изданная

имъ книга подъ заглавіемъ: „Къ критикѣ политической экономіи". Въ предисловіи онъ разсматривалъ систему буржуазной экономіи въ такомъ порядкѣ: капиталъ, земельная собственность, наемный трудъ, государство, иностранная торговля, міровой рынокъ. Въ первыхъ трехъ изъ этихъ рубрикъ онъ желалъ изслѣдовать экономическія условія жизни трехъ большихъ классовъ, на которые распадалось современное буржуазное общество. Первый отдѣлъ первой книги, трактующей о капиталѣ, долженъ былъ состоять изъ трехъ главъ: о товарѣ, о деньгахъ и о капиталѣ вообще. Обѣ главы о „товарѣ" и „деньгахъ" составили содержаніе первой книжки, изданной Марксомъ въ 1859 году.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ набросалъ въ предисловіи краткій очеркъ хода своихъ изслѣдованій. По его словамъ, изслѣдованіе гегелевской философіи права привело его къ выводу, что правовыя отношенія и государственныя формы не могутъ быть поняты ни сами по себѣ, ни изъ, такъ называемаго, общаго развитія человѣческаго духа; что они, наоборотъ, коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель называетъ буржуазнымъ обществомъ, и что анатомію буржуазнаго общества слѣдуетъ искать въ политической экономіи. За симъ слѣдуетъ то классическое изложеніе матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, которое съ тѣхъ поръ часто перепечатывалось.

Въ предисловіи Марксъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ указалъ на историческій характеръ своего сочиненія, который столь же недвусмысленно выступаетъ на каждой страницѣ самого текста. Марксъ такъ начинаетъ: „На первый взглядъ, буржуазное богатство представляетъ собою необычайное скопленіе товаровъ, а отдѣльный товаръ — элементарную частицу его". Марксъ изслѣдуетъ опредѣленную историческую форму общества. Онъ не стремится установить, чѣмъ могли бы или должны бы быть товары и деньги въ общемъ философскомъ смыслѣ, а только

лишь выяснить, что они суть въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Уже въ своемъ сочиненіи противъ Прудона Марксъ осмѣиваетъ экономистовъ, которые отождествляютъ условія жизни буржуазнаго общества съ условіями существованія человѣческаго общества вообще. Въ „Критикѣ политической экономіи“ онъ уже обстоятельно разсматриваетъ историческое развитіе, а вмѣстѣ съ этимъ—историческія условія теорій о товарѣ и деньгахъ. Несмотря на это, буржуазные оппоненты, вслѣдствіе сознательнаго обмана или безсознательнаго самообмана, постоянно затемняютъ дѣло и утверждаютъ, будто бы Марксъ, именно, въ своей теоріи цѣнности выдумалъ изъ своей головы какой-то идеальный или нравственный принципъ, который болѣе умныя или болѣе нравственныя головы въ состояніи разбить при помощи какихъ-нибудь другихъ идеальныхъ или нравственныхъ принциповъ. И это говорилось о томъ самомъ Марксѣ, который подробно изложилъ то, что впервые было косвенно признано Рикардо, именно, что теорія цѣнности, для своего полнаго развитія, предполагаетъ существованіе общества съ крупнымъ промышленнымъ производствомъ и свободной конкурренціей, т. е. современнаго буржуазнаго общества!

Изъ историческаго воззрѣнія Маркса вытекало, что онъ взялъ въ руки нить изслѣдованія тамъ, гдѣ она оборвалась у буржуазныхъ экономистовъ. Рикардо развилъ въ самомъ чистомъ видѣ опредѣленіе цѣнности товара рабочимъ временемъ, не безъ того, чтобы теорія его не создала рядъ противорѣчій, которыхъ не могли разрѣшить ни буржуазная политическая экономія, ни соціализмъ въ данной фазѣ развитія. Укажемъ хотя бы на разницу между платою за работу и продуктомъ работы, которая такъ рѣзко противорѣчила закону цѣнности Рикардо и которую пытались устранить исключеніемъ денегъ Грей, Прудонъ и Родбертусъ. Рѣзче, чѣмъ кто-либо другой, Марксъ доказалъ базнадежность этихъ попытокъ. Нужно было,

однако, положительно доказать, гдѣ скрывалась ошибка Рикардо, и въ чемъ, именно, буржуазные экономисты недостаточно глубоко проникли въ организмъ буржуазнаго общества. Марксъ подвергъ тщательному пересмотру способность труда создавать цѣнность. Онъ изслѣдовалъ, какой трудъ и почему, и какъ создаетъ цѣнность, и почему цѣнность есть не что иное, какъ трудъ, вылившійся въ опредѣленную форму. Онъ расчленилъ далѣе отношеніе между товаромъ и деньгами и доказалъ, какъ и почему товаръ, въ силу присущаго ему свойства цѣнности, въ связи съ обмѣномъ товаровъ должны создавать противоположность между товаромъ и деньгами.

Марксъ первый открылъ двойственный характеръ, который принимаетъ трудъ въ буржуазномъ обществѣ. Каждый товаръ представляется съ двоякой точки зрѣнія: какъ потребительная и какъ мѣновая цѣнность. „Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительныя цѣнности всегда составляютъ его содержаніе, которое, собственно, безразлично къ этой формѣ. Вкусъ пшеницы не покажетъ намъ, кто ее воздѣлалъ, русскій крѣпостной, французскій мелкій крестьянинъ или англійскій мелкій капиталистъ. Являясь общественной потребностью и отсюда пріобрѣтая общественное значеніе, потребительная цѣнность въ этомъ безразличіи къ экономическому опредѣленію формы, т. е. потребительная цѣнность, какъ таковая, лежитъ за предѣлами области политико-экономическихъ изслѣдованій. Она входитъ въ эту область только тогда, когда сама является опредѣленіемъ формы. Непосредственно она является вещественнымъ основаніемъ, на которомъ зиждется опредѣленное экономическое отношеніе, мѣновая цѣнность“. Этими ясными положеніями Марксъ заткнулъ источникъ безконечныхъ недоразумѣній и швырнулъ въ огонь цѣлую кучу экономическихъ учебниковъ.

Какъ мѣновая цѣнность, всякая потребительная

цѣнность имѣетъ ровно такое же значеніе, какъ и другая, предполагая, что она имѣется въ требуемой пропорціи. „Мѣновая цѣнность какого-нибудь дворца можетъ быть выражена въ опредѣленномъ числѣ коробокъ сапожной ваксы. Съ другой стороны, лондонскіе фабриканты сапожной ваксы выразили мѣновую цѣнность своихъ помноженныхъ коробокъ во дворцахъ“. Когда товары обмѣниваются совершенно независимо отъ естественной формы ихъ существованія и безъ отношенія къ специфическимъ потребностямъ, которыя они должны удовлетворять, то, несмотря на все свое кажущееся разнообразіе, они представляютъ одну и ту же единицу.

Потребительныя цѣнности суть, прежде всего, средства къ существованію; но эти средства, въ свою очередь, являются продуктами общественной жизни, результатомъ затраченной человѣческой жизненной силы, трудомъ, превращеннымъ въ вещь. Въ смыслѣ вещественнаго труда всѣ товары являются кристаллизаціями одной и той же единицы. „Трудъ, который равномѣрно овеществляется въ нихъ, т. е. трудъ въ формѣ мѣновой цѣнности, самъ представляетъ однородную, безразличную, простую работу. Для него должно быть совершенно безразлично, проявляется ли онъ въ золотѣ, желѣзѣ, пшеницѣ, шелкѣ. Такъ, для кислорода все-равно, находится ли онъ въ ржавчинѣ желѣза, въ атмосферѣ, виноградномъ соку или крови человѣка“. Коль скоро различіе потребительныхъ цѣнностей проистекаетъ изъ различія производящей ихъ работы, то для труда, создающаго мѣновыя цѣнности, одинаково безразличны, какъ спеціальное вещество потребительныхъ цѣнностей, такъ и особая форма самаго труда. Если, далѣе, различныя потребительныя цѣнности суть продукты дѣятельности различныхъ индивидуумовъ, стало быть, результатъ индивидуально-различныхъ работъ, то, въ качествѣ мѣновыхъ цѣнностей, онѣ изображаютъ одинаковую, безразличную работу, т. е. работу, въ ко-

торой растворилась индивидуальность работающихъ. Слѣдовательно, трудъ, создающій мѣновыя цѣнности, есть абстрактный, общій трудъ, который различается уже не по качеству, а только лишь количественно, большими или меньшими количествами, которыя онъ овеществляетъ въ мѣновыхъ цѣнностяхъ различныхъ размѣровъ. Количественно неодинаковыя суммы абстрактнаго общаго труда могутъ быть измѣряемы не иначе, какъ рабочимъ временемъ, масштабомъ котораго служатъ естественныя мѣры времени: часъ, день, недѣля и т. д. Рабочее время есть живое воплощеніе труда, безразличное къ его формѣ, содержанію, индивидуальности. Какъ мѣновыя цѣнности, всѣ товары являются лишь опредѣленными мѣрами овеществленнаго рабочаго времени. Рабочее время, овеществленное въ потребительныхъ цѣнностяхъ товаровъ, представляетъ въ одно и то же время и субстанцію, которая превращаетъ ихъ въ мѣновыя цѣнности и, стало быть, въ товары, и мѣру, опредѣляющую величину ихъ цѣнности.

Приведеніе различныхъ формъ труда къ безразличному, однородному, простому труду есть не болѣе, какъ абстракція. Но въ общественномъ процессѣ производства такая абстракція совершается повседневно. „Превращеніе всѣхъ товаровъ въ рабочее время — небольшая, но въ то же время не менѣе реальная абстракція, чѣмъ разложеніе всякаго органическаго тѣла на газы“. Эта абстракція существуетъ въ видѣ средней работы, которая можетъ быть выполнена каждымъ среднимъ индивидуумомъ даннаго общества и представляетъ опредѣленную производительную трату человѣческихъ мышцъ, нервовъ, мозга и т. д. Это простой трудъ, который охватываетъ наибольшую часть всей работы въ буржуазномъ обществѣ. Сложный трудъ есть простой трудъ въ высшей потенціи. Такъ, сложный рабочій день равняется тремъ простымъ рабочимъ днямъ. По какимъ бы законамъ ни совершалось это расчлененіе сложной работы на простыя еди-

ницы труда, но практическій опытъ показываетъ, что оно совершается повседневно. Продукты сложнаго труда ежедневно обмѣниваются въ опредѣленной пропорціи на продукты простого средняго труда. Далѣе, ясно, что рабочее время, создающее цѣнности, должно быть необходимымъ рабочимъ временемъ, необходимымъ для того, чтобы при данныхъ общихъ условіяхъ производства создать новый экземпляръ того же товара. Что цѣнность вещи составляетъ не время, въ которое она была произведена, а минимумъ времени, въ который она могла быть произведена, это Марксъ доказалъ уже въ своей „Нищетѣ философіи".

Двойственный характеръ труда составляетъ особенность исторически опредѣленной общественной формы производства, именно, товарнаго производства, которое въ капиталистическомъ обществѣ и вмѣстѣ съ нимъ стало преобладающей формой производства. Поскольку трудъ создаетъ потребительныя цѣнности, онъ присущъ всѣмъ возможнымъ общественнымъ формамъ. Но какъ цѣлесообразная дѣятельность, имѣющая цѣлью утилизировать природу въ той или иной формѣ, онъ является необходимымъ условіемъ человѣческаго существованія, условіемъ обмѣна между человѣкомъ и природой, независимымъ отъ какихъ бы то ни было соціальныхъ формъ. Этотъ трудъ предполагаетъ существованіе матеріи и, слѣдовательно, не есть единственный источникъ создаваемаго имъ, именно, вещественнаго богатства. Какъ бы ни было различно соотношеніе между трудомъ и естественной матеріей въ различныхъ потребительныхъ цѣнностяхъ, но всегда потребительная цѣнность заключаетъ естественный субстратъ.

Наоборотъ, трудъ, создающій мѣновыя цѣнности, всегда представляетъ специфически общественную форму труда. Въ первобытномъ коммунизмѣ, который мы находимъ на порогѣ исторіи всѣхъ культурныхъ народовъ, каждая работа (въ отдѣльности), непосред-

ственно пріобщалась къ общественному организму. Въ средніе вѣка общественной стороной труда являлась не общность, а индивидуальность его въ видѣ личной службы и натуральныхъ повинностей. Въ патріархальной сельской семьѣ, гдѣ женщины пряли, а мужчины ткали для собственныхъ потребностей семьи, пряжа и холстъ были общественными продуктами, прядeніе и ткачество — общественнымъ трудомъ въ предѣлахъ семьи. Семейная связь, съ ея естественнымъ раздѣленіемъ труда, клала на продуктъ работы свой особенный общественный отпечатокъ. Пряжа и холстъ не обмѣнивались другъ на друга, какъ равнозначущія и признаваемыя одинаковыми выраженія одного и того же общаго рабочаго времени. Лишь въ производствѣ товаровъ каждая отдѣльная форма труда принимаетъ общественный характеръ въ силу того, что становится абстрактной общностью, т. е. получаетъ совершенно противоположное значеніе. Мѣновая цѣнность есть предметное выраженіе специфически общественной формы труда. Какъ таковая, она не содержитъ природнаго вещества, но трудъ служитъ ея единственнымъ источникомъ, а слѣдовательно—единственнымъ источникомъ богатства, состоящаго изъ мѣновыхъ цѣнностей.

Товаръ есть непосредственное единство потребительной и мѣновой цѣнности, но въ то же время онъ является товаромъ лишь въ отношеніи другихъ товаровъ. Дѣйствительное отношеніе товаровъ между собою выражается въ мѣновомъ процессѣ. Въ этомъ процессѣ, въ которомъ принимаютъ участіе независимые другъ отъ друга индивидуумы, товаръ въ одно и то же время является потребительной и мѣновой цѣнностью: особымъ трудомъ, который удовлетворяетъ спеціальной потребности, и общимъ трудомъ, который можетъ быть вымѣниваемъ на равныя количества общаго же труда. Процессъ обмѣна товаровъ создаетъ и разрѣшаетъ противорѣчіе, состоящее въ томъ, что

индивидуальный трудъ, который овеществляется въ особомъ товарѣ, долженъ непосредственно принимать характеръ общности.

Какъ мѣновая цѣнность, каждый отдѣльный товаръ становится мѣриломъ цѣнностей всѣхъ прочихъ товаровъ. Наоборотъ, всякій отдѣльный товаръ, которымъ измѣряется цѣнность всѣхъ прочихъ товаровъ, становится адэкватнымъ бытіемъ мѣновой цѣнности. Слѣдовательно, мѣновая цѣнность становится особымъ исключительнымъ товаромъ, который, вслѣдствіе превращенія въ него всѣхъ другихъ товаровъ, непосредственно овеществляетъ общее рабочее время. Такимъ образомъ, въ одномъ товарѣ разрѣшается противорѣчіе, которое онъ совмѣщаетъ, какъ товаръ: быть одновременно особымъ предметомъ потребленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общимъ эквивалентомъ и, стало быть, потребительной цѣнностью для каждаго—общей потребительной цѣнностью. И этотъ товаръ есть — деньги.

Въ деньгахъ мѣновая цѣнность товаровъ кристаллизуется, какъ особый товаръ. Денежный кристаллъ есть необходимый продуктъ процесса обмѣна, въ которомъ фактически уравниваются между собою разнороднѣйшіе продукты труда и превращаются въ настоящіе товары. Развитіе ихъ шло инстинктивно историческимъ путемъ. Непосредственная торговля, первобытная форма мѣнового процесса представляетъ скорѣе начало превращенія потребительныхъ цѣнностей въ товары, чѣмъ товаровъ въ деньги. Чѣмъ дальше развивается мѣновая торговля и чѣмъ больше потребительныя цѣнности становятся товарами, чѣмъ больше, стало быть, мѣновая цѣнность пріобрѣтаетъ свободную форму и не связана болѣе непосредственно съ потребительною цѣнностью,—тѣмъ больше она побуждаетъ къ созданію денегъ. Первоначально роль денегъ играетъ одинъ какой-нибудь товаръ или даже нѣсколько товаровъ изъ самыхъ распространенныхъ потребительныхъ цѣнностей: скотъ, хлѣбъ, рабы. Самые

разнообразные и, болѣе или менѣе, неподходящіе товары поочередно выполняли функцію денегъ. Если эта функція подъ конецъ перешла къ благороднымъ металламъ, то причина лежитъ въ томъ, что благородные металлы обладаютъ необходимыми физическими качествами особаго товара, въ которомъ должна кристаллизоваться денежная сущность всѣхъ товаровъ, поскольку они непосредственно вытекаютъ изъ природы мѣновой цѣнности. Эти свойства—прочность ихъ потребительной цѣнности, дѣлимость на сколько угодно частей, однородность частей и безразличіе всѣхъ экземпляровъ этого товара. Онъ не долженъ портиться, пока длится процессъ обмѣна, долженъ представлять однородное вещество, какъ овеществленіе общаго рабочаго времени, и быть способнымъ изображать лишь количественныя различія.

Въ свою очередь, изъ благородныхъ металловъ золото все болѣе и болѣе становится исключительнымъ денежнымъ товаромъ. Оно служитъ мѣриломъ цѣнностей и показателемъ цѣнностей, оно является средствомъ обращенія товаровъ. Благодаря мгновенному превращенію товара въ золото, накопленный въ немъ особый трудъ становится абстрактнымъ общимъ, общественнымъ трудомъ. Если такое превращеніе товара не удается, то онъ не достигаетъ своей цѣли не только какъ товаръ, но и какъ продуктъ, такъ какъ товаромъ онъ является только потому, что не имѣетъ потребительной цѣнности для своего обладателя.

Золото, какъ специфическій товаръ, который служитъ мѣриломъ цѣнностей и средствомъ обращенія товаровъ, превращается въ деньги безъ дальнѣйшаго содѣйствія общества. Въ противоположность товарамъ, изображающимъ лишь самостоятельное бытіе мѣновой цѣнности, всеобщаго общественнаго труда, абстрактнаго богатства, золото есть вещественное бытіе абстрактнаго богатства. Но золото есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, матеріальный представитель вещественнаго богатства. Оно

удовлетворяетъ всякую потребность, поскольку оно можетъ быть непосредственно превращено въ предметъ всякой потребности. Въ своей чистой металличности оно заключаетъ въ потенціальномъ состояніи все богатство, которое развернуто въ мірѣ товаровъ. По самой формѣ своей оно непосредственно воплощаетъ всеобщій трудъ, а по содержанію — совокупность всѣхъ реальныхъ видовъ труда. Это — всеобщее богатство, какъ индивидуумъ. Изъ раба оно стало господиномъ, изъ простого работника — богомъ товаровъ.

Марксъ прослѣдилъ роль денегъ въ буржуазномъ обществѣ во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, на все проливая свѣтъ, гдѣ раньше господствовали сумерки или полный мракъ. Его проницательность въ экономическомъ анализѣ напоминаетъ тотъ паровой молотъ, о которомъ онъ однажды выразился: „Онъ, играя, стираетъ въ порошокъ гранитную глыбу и съ такою же легкостью вгоняетъ гвоздь въ мягкое дерево посредствомъ послѣдовательныхъ нѣжныхъ ударовъ". Поэтому нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, какъ упрекать Маркса въ затемняющей миѳологіи и непонятной мистикѣ, какъ это сдѣлали Рошеръ и его послѣдователи. Напротивъ, Марксъ снялъ завѣсу мистики и миѳологіи съ производства товаровъ, которая неоднократно смущала буржуазныхъ экономистовъ.

Онъ показалъ, какъ общественное отношеніе производства представляется, какъ предметъ, существующій внѣ индивидуумовъ; какъ опредѣленныя отношенія, въ которые они вступаютъ въ процессѣ производства своей общественной жизни, принимаются за специфическія свойства извѣстной вещи, — и какъ это извращеніе, эта прозаически-реальная, а не воображаемая мистификація характеризуетъ всѣ общественныя формы труда, создающаго мѣновыя цѣнности. „Въ товарѣ эта мистификація еще очень проста. Всѣ болѣе или менѣе сознаютъ, что отношеніе товаровъ, какъ мѣновыхъ цѣнностей, есть въ сущности, отношеніе лицъ къ

ихъ взаимной продуктивной дѣятельности. Въ высшихъ отношеніяхъ производства эта кажущаяся простота исчезаетъ. Всѣ иллюзіи монетной системы происходятъ отъ того, что на золотѣ не видно, что оно представляетъ общественное отношеніе производства, но только въ формѣ естественной вещи съ опредѣленными качествами. Съ современными экономистами, которые посмѣиваются свысока надъ иллюзіей монетной системы, случается та же иллюзія, какъ скоро имъ приходится имѣть дѣло съ высшими экономическими категоріями, напр., съ капиталомъ. Это сказывается въ наивномъ изумленіи, когда то, что они ощущали крѣпко въ рукахъ, какъ вещь, преображается въ общественное отношеніе, а то, что они привыкли представлять себѣ общественнымъ отношеніемъ, дразнитъ ихъ, какъ вещь". Лучше бы Рошеръ поглубже вдумался въ это остроумное разграниченіе, чѣмъ безпрерывно тѣшить себя въ своихъ толстыхъ фоліантахъ измышленіями, будто Марксъ талантливъ, но не проницателенъ.

На товарѣ и деньгахъ Марксъ доказалъ мистификацію товаропроизводства. Теперь онъ пожелалъ провѣрить то же самое на капиталѣ. Но внѣшнія обстоятельства, между прочимъ, длительная болѣзнь, которая то и дѣло прерывала его работу, цѣлыхъ 8 лѣтъ мѣшали ему продолжать трудъ, печатаніе котораго продолжалось еще въ 1859 году, а пока о первомъ выпускѣ не проронили ни слова въ то время, какъ изданія учебника политической экономіи Рошера быстро слѣдовали одно за другимъ. Въ этомъ учебникѣ историческій методъ праздновалъ свое торжество пестрой болтовней о товарѣ и деньгахъ вплоть до восторженнаго открытія, что деньги — „пріятный товаръ".

3. „Гераклитъ" Лассаля.

Сочиненіе Лассаля о Гераклитѣ, появившееся въ 1858 году, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ общественной дѣятельности Лассаля. Это было какъ бы

ученическое сочиненіе, которымъ послѣдователь Гегеля увѣнчалъ свои школьные годы, аттестатъ зрѣлости, съ которымъ Лассаль вступилъ въ высшую школу жизни.

Лассаль задумалъ планъ въ широкомъ масштабѣ. Онъ ссылался на слова современнаго ученаго, по всей вѣроятности Бекка, что нѣмецкая наука со времени Винкельмана, Гердера и Канта стремится сознательно и безсознательно изучать божественныя и человѣческія вещи съ всемірно-исторической точки зрѣнія и достигнуть этого путемъ сочетанія филологіи, исторіи и философіи. Онъ пророчески прибавлялъ, что наступитъ время, когда исторія философіи такъ же, какъ и исторія религіи, искусства, государства и жизненныхъ формъ гражданскаго общества, не будутъ представлять болѣе изолированныхъ наукъ, но будутъ разсматриваемы и излагаемы всѣ въ ихъ конкретномъ взаимодѣйствіи въ пантеонѣ историческаго духа, другими словами, въ живомъ процессѣ ихъ происхожденія и работы. Въ этомъ признаніи единства всѣхъ наукъ этотъ самостоятельный мыслитель съ самаго начала отдѣлился отъ спеціалистовъ, ученыхъ ремесленниковъ. Не удивительно поэтому, что Лассаль обратилъ свой взоръ на человѣка, который впервые открылъ единый законъ, охватывающій всю вселенную.

Для того, чтобы понять этого человѣка и то, что было сдѣлано имъ, необходимо было громадное и глубокое знаніе въ области филологіи, исторіи и философіи. „Философія Гераклита Темнаго изъ Эфеса“, которую Лассаль изложилъ въ двухъ толстыхъ томахъ „на основаніи новаго собранія ея отрывковъ и по свидѣтельству древнихъ“, считалась еще въ древности трудно доступной пониманію. Такой гигантъ мысли, какъ Аристотель, признавалъ, что въ рѣчи Гераклита нѣтъ точекъ опоры, и что чрезвычайно трудно то, что онъ написалъ, разбить на отдѣльныя предложенія, такъ какъ не разберешь, что относится къ послѣдующему и что къ предыдущему. Современный же изслѣдователь

не располагаетъ даже сочиненіями Гераклита о природѣ, отъ котораго уцѣлѣли только отдѣльные обрывки и то въ искаженной формѣ. Греческія и римскія философскія школы, а также христіанскіе отцы церкви толковали ихъ сообразно ихъ собственнымъ цѣлямъ и пользовались ими для построенія ихъ собственныхъ системъ мысли и вѣры.

Съ тѣхъ поръ, какъ голландскій ученый Даніилъ Виттенбахъ въ XVIII столѣтіи первый снова обратилъ вниманіе на Гераклита, цѣлый рядъ выдающихся умовъ въ Германіи, Шлейермахеръ, Шеллингъ, Крейцеръ, Беккъ, Гегель и др., дѣятельно старались разгадать гераклитову философію. Наибольшая заслуга въ смыслѣ собиранія и толкованія отрывковъ ея принадлежитъ Шлейермахеру. Онъ понималъ основную мысль греческаго философа, какъ движеніе и твореніе: движеніе—какъ перемѣщеніе по прямой линіи, твореніе—какъ простое индифферентное измѣненіе. Съ другой стороны, Гегель указывалъ, что Гераклитъ понималъ твореніе въ смыслѣ діалектическаго движенія, что онъ первый призналъ единство противоположности, тождество бытія и небытія и положилъ его въ основу своей системы, что у Гераклита мы впервые встрѣчаемъ философскую идею въ ея спекулятивной формѣ. На этомъ пунктѣ Лассаль сталъ продолжать изслѣдованіе о Гераклитѣ. Характерно какъ для высокихъ стремленій, такъ и для увѣренности въ собственныхъ силахъ этого юноши, не достигшаго еще 20 лѣтъ, что онъ пожелалъ помѣряться съ самыми выдающимися мыслителями и изслѣдователями въ области, которая была полна неизчислимыхъ трудностей.

Объ отношеніи труда Лассаля къ Гегелю циркулируютъ два мнѣнія, которыя одинаково ошибочны или, по меньшей мѣрѣ, одинаково сильно преувеличены. Во-первыхъ, утверждаютъ, что Лассаль не внесъ ничего такого, чего нельзя было бы найти въ главныхъ чертахъ у Гегеля. Это такъ же невѣрно, какъ и то, что

Марксъ не сдѣлалъ ничего такого, чего нельзя было бы найти въ главныхъ чертахъ уже у Рикардо. Лассаль примыкаетъ къ Гегелю по праву изслѣдователя, который приступаетъ къ научной проблемѣ съ того пункта, на которомъ остановились другіе. Въ сравненіи съ маленькимъ очеркомъ Гегеля, набросаннымъ на нѣсколькихъ страницахъ, трудъ Лассаля является безусловно самостоятельной работою, которая исправляетъ и дополняетъ, расширяетъ и углубляетъ изслѣдованіе Гегеля. Во-вторыхъ, говорятъ, что Лассаль такъ сказать, приноровилъ греческаго философа къ гегелевской философіи, но утверждать что-либо подобное можетъ только тотъ, кто не читалъ книги Лассаля или ограничился перелистываніемъ ея. Лассаль неустанно твердитъ, что Гераклитъ былъ по существу физикъ, а не спекулятивный логикъ, что онъ старался при помощи чувственныхъ понятій овладѣть діалектическимъ міровымъ процессомъ, и что философія его тѣмъ и страдаетъ, что Гераклитъ не сумѣлъ выразить природу мысли въ формѣ мысли.

Съ изумительною проницательностью и не менѣе изумительнымъ знаніемъ греко-римскихъ источниковъ Лассаль доказываетъ, что подъ именемъ огня, рѣки и другихъ чувственныхъ понятій Гераклитъ изображалъ постоянно осуществляющееся единство бытія и небытія; что, напр., подъ первичнымъ принципомъ огня онъ понималъ не опредѣленную чувственную стихію, а только лишь созиданіе, движеніе въ философской формѣ; что подъ міровымъ пожаромъ онъ понималъ не уничтоженіе вселенной въ пламени чувственнаго огня, а діалектическій потокъ творенія, законъ, созидающій міръ и всѣмъ управляющій; Лассаль устанавливаетъ самыя широкія историческія связи философіи Гераклита, начиная отъ орфическихъ представленій и ученій восточныхъ религій до умозрѣній Платона и стоиковъ и вплоть до догматовъ перваго христіанства. Конечно, онъ стоитъ на идеалистиче-

ской точкѣ зрѣнія, но онъ не испаряетъ ее, какъ это дѣлали официальные гегеліанцы. Онъ ищетъ для себя точку опоры, именно, тамъ, гдѣ гегелевская философія, какъ выразился позднѣе Лассаль, сама же идетъ противъ себя, гдѣ абсолютная идея должна уступить историческому развитію, Лассаль видитъ въ исторіи философіи исторію научной мысли, сознающей себя. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ прибавляетъ, что она развивается не сама по себѣ въ обособленномъ небѣ идеологическаго сознанія, а только лишь черезъ посредство народнаго представляющаго сознанія и проникнутыхъ имъ областей дѣйствительности. Она отдѣлается отъ нихъ для того, чтобы на нихъ же воздѣйствовать.

Упрекъ, брошенный Лассалю, что онъ гегелизируетъ эѳесіянина, вѣренъ лишь въ томъ смыслѣ, что Лассаль воспользовался діалектикой, заимствованной имъ отъ современной философіи, какъ ключемъ къ пониманію античной философіи. Кто видитъ въ единствѣ абсолютной противоположности бытія и небытія и ихъ взаимодѣйствіи легкомысленное измышленіе „безтолковаго“ Гегеля, тотъ пусть отвергнетъ сочиненіе Лассаля о Гераклитѣ, какъ „глубоко ученое заблужденіе“. Но тогда ему придется признать также философію Гераклита кучей нагроможденныхъ безсмысленныхъ положеній. Такой взглядъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, послѣдователенъ. Но уже совсѣмъ напрасно пытается буржуазный біографъ Лассаля умалить значеніе лассалевой работы о Гераклитѣ примѣчаніемъ, что Целлеръ „часто очень серьезно поправляетъ ее“. Результаты изысканій независимыхъ изслѣдователей не подрываются „поправками“ того или другаго ученаго спеціалиста. Целлеръ „поправляетъ“ Лассаля а Лассаль „поправляетъ“ Целлера. Но при этомъ Лассаль полемизируетъ съ Целлеромъ въ самыхъ любезныхъ и приличныхъ формахъ, тогда какъ Целлеръ прибѣгаетъ къ желчнымъ выраженіямъ, въ родѣ: многословный, расплывчатый, уклоняющійся, отчаянный

пріемъ и проч., что отнюдь не говоритъ за сознаніе своей правоты.

Нельзя отрицать, впрочемъ, что Целлеръ и другіе возражали иногда вѣрно противъ воззрѣній Лассаля. Но если бы даже всѣ ихъ возраженія были справедливы, если бы Лассаль, дѣйствительно, не понялъ философіи Гераклита, значеніе его сочиненія отъ этого нисколько не пострадало бы. Подобно Лессингу, труды котораго объ античной литературѣ также всегда игнорировались спеціалистами, онъ могъ бы тогда сказать своимъ противникомъ: „Въ изслѣдованіяхъ древности нерѣдко составляетъ бо̀льшую заслугу нахожденіе вѣроятнаго, чѣмъ самой истины". Преимущество умовъ, прокладывающихъ новые пути, заключается въ томъ, что они своими геніальными ошибками въ большей мѣрѣ способствуютъ разрѣшенію трудныхъ проблемъ, чѣмъ это дѣлаетъ опытная повседневная рутина съ ея пошлыми истинами. Справедливо замѣчаетъ по этому поводу одинъ буржуазный историкъ философіи, что трудъ Лассаля стоитъ въ центрѣ споровъ о Гераклитѣ и всегда является исходной точкой всякихъ дальнѣйшихъ подтверждающихъ или опровергающихъ изслѣдованій объ этомъ темномъ философѣ. Когда Руге, послѣ смерти Лассаля, читалъ эту „прекрасную, свѣтлую книгу", то, при всей своей ненависти къ соціалистамъ и злобѣ къ проклятымъ евреямъ, созданныхъ самимъ діаволомъ, онъ такъ аттестовалъ ее, прислушиваясь къ своей совѣсти стараго философа: „Это—дивное философское произведеніе, и, при всей своей глубинѣ, оно читается легче и пріятнѣе, чѣмъ что-либо другое во всей нашей ученой литературѣ. Дѣло въ томъ, что авторъ его, вполнѣ овладѣвшій своей темой и въ совершенствѣ понимающій философію, безъ труда умѣетъ показать и другимъ то, что онъ самъ видитъ". Это сужденіе одинаково вѣрно какъ въ отношеніи формы, такъ и содержанія труда.

Довольно странно, что тѣ же люди, которые ви-

дятъ въ Гераклитѣ Лассаля Гегеля 6 вѣка до Р. Х., хотѣли бы создать изъ самого Лассаля Гераклита 19 столѣтія. И вотъ, во второй разъ буржуазный біографъ Лассаля находитъ поразительное сходство между своимъ героемъ и Гераклитомъ, и притомъ не только въ ихъ логическомъ складѣ и діалектическихъ пріемахъ, но и въ этикѣ, въ этой склонности къ самопожертвованію для общаго блага. Сходство простирается вплоть до личныхъ качествъ, добродѣтелей и пороковъ. Лассаль-де напоминаетъ эѳесіянина своей невѣроятной самоувѣренностью и презрѣніемъ къ людямъ. Рядомъ, однако, съ увѣренностью въ себѣ и гордостью, оба они равно проникнуты были страстной жаждой славы и почестей, поклоненія и похвалы. Наконецъ, и у того и у другаго была будто бы одна и та же философія государства. Разница будто бы лишь въ томъ — вотъ гдѣ проглядываетъ лошадиное копыто! — что изъ государственной теоріи греческаго философа легко понять, какимъ образомъ, онъ, при всемъ своемъ преклоненіи передъ общимъ благомъ, долженъ былъ выступить самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ господства толпы въ своемъ родномъ городѣ Эѳесѣ. Но уже гораздо труднѣе усмотрѣть, какимъ образомъ Лассаль, исходя изъ аналогичнаго основного понятія о государствѣ, могъ стать защитникомъ всеобщаго избирательнаго права, — піонеромъ такой власти массъ, какой исторія никогда раньше не видала. Здѣсь будто бы произошелъ внутренній расколъ этой интересной индивидуальности. „Аристократъ ума и соціалъ-демократъ! Большіе контрасты можно совмѣстить въ одномъ человѣческомъ сердцѣ, но для души это не проходитъ безнаказанно“. Этотъ контрастъ въ области принциповъ, обнаруживался „чисто-внѣшнимъ образомъ“, когда Лассаль въ своихъ лакированныхъ сапожкахъ и тонкомъ бѣльѣ обращался къ фабричнымъ рабочимъ съ закоптѣлой кожей и мозолистыми руками.

Чтобы начать съ менѣе существеннаго, — самомнѣніе Гераклита и Лассаля проистекало изъ совершенно различныхъ источниковъ. У Лассаля оно было продуктомъ горячей и успѣшной борьбы съ гнетущими условіями жизни; у Гераклита было твердое, какъ гранитъ, сознаніе, что онъ позналъ, и притомъ онъ одинъ призналъ абсолютный разумный міровой законъ. Опьяненный этимъ сознаніемъ, — такъ говоритъ Лассаль — Гераклитъ съ презрѣніемъ и съ тономъ горечи третировалъ своихъ предшественниковъ по философіи, не говоря уже о невѣжественныхъ современникахъ. Этотъ тонъ сквозитъ во всѣхъ его отрывкахъ и не могъ не навлечь на него обвиненія въ надменности и высокомѣріи. На такое осужденіе имѣлъ личное право и самъ Лассаль, ибо ничто не было такъ чуждо ему, какъ человѣконенавистничество Гераклита. Такъ, чтобы не ходить далеко за примѣромъ: Лассаль съ полнымъ уваженіемъ относится къ своимъ предшественникамъ по изученію Герактита, съ уваженіемъ, діаметрально противоположнымъ полемическимъ пріемамъ Гераклита. Вообще научная полемика Лассаля, именно, что касается формы, вполнѣ безупречна. Онъ умѣлъ, правда, наносить безпощадные удары. Но за исключеніемъ одного случая, гдѣ онъ выступилъ мстителемъ за своихъ незаслуженно оскорбленныхъ классиковъ, онъ прибѣгалъ къ дубинкѣ только тогда, когда его лично слишкомъ глубоко затрагивали. Скорѣе онъ страдалъ противоположнымъ недостаткомъ, придавая слишкомъ много значенія мнѣнію людей. Ему даже ставилось на видъ это „несчастное пристрастіе къ шуму и треску славы“, противорѣчившее его самомнѣнію. Однако, обѣ эти черты проистекали изъ одного корня: честолюбіе Лассаля было послѣднимъ остаткомъ внутренней неувѣренности, которую ему не удалось побѣдить въ борьбѣ, выраставшей его самоувѣренность. Геракліту же, насколько мы знаемъ о немъ, былъ совершенно чуждъ этотъ родъ честолюбія.

Лассаль замѣчательно красиво развиваетъ, что Гераклитова любовь къ славѣ не была непосредственная, но проистекала сознательно изъ логическаго хода мысли, что она находилась въ самой тѣсной связи съ его философской системой. Слава, единое вмѣсто всеобщаго, избираемое лучшими, это — бытіе людей въ ихъ небытіи, продолженіе бытія въ чистой формѣ, даже послѣ гибели чувственнаго существованія. Это — достигнутая и ставшая дѣйствительностью безконечность человѣка, дѣйствительность, которая, однако, не заключается болѣе въ его непосредственномъ бытіи. Вотъ почему — говоритъ Лассаль — слава во всѣ времена такъ сильно захватывала великія души и уносила ихъ далеко отъ всѣхъ мелочей жизни и узкихъ цѣлей. Вотъ почему нѣмецкій поэтъ, одаренный эллинскимъ геніемъ (Платенъ), говоритъ о славѣ, что она можетъ лишь приблизиться „рука объ руку съ испытующимъ ангеломъ смерти". По той же причинѣ и Гераклитъ видѣлъ въ ней этическое осуществленіе своего умозрительнаго принципа. Любовь Гераклита къ славѣ совпадаетъ съ его основнымъ этическимъ принципомъ, преданностью общимъ интересамъ. Гераклитъ понимаетъ подъ этимъ сознательно-добровольное подчиненіе отдѣльной личности общему міровому закону. Такъ какъ индивидуумъ лишь въ истинномъ единеніи бытія и небытія обрѣтаетъ „вѣчную славу", то слава становится высшею цѣлью стремленія человѣка и наилучшей наградой для смертнаго.

Въ беззавѣтномъ служеніи общему благу Лассаль также видитъ „вѣчное основное понятіе всякой нравственности". Но что раздѣляетъ его отъ Гераклита, это — самое пониманіе всеобщаго. Лассаль знаетъ, что мысль есть историческій продуктъ, а не обрѣтается „въ особомъ небѣ идеологическаго сознанія". Для Гераклита же всеобщее означаетъ законъ, управляющій всѣмъ міромъ, — и въ этомъ законѣ безразлично сливалось все, что было впослѣдствіи выдѣлено, подъ име-

немъ теоріи познанія, физики, этики, политики. Такъ какъ эфесіяне не признавали объективнаго разума этого закона природы, то господство массы сводилось у нихъ къ мечтанію многихъ, противъ чего Гераклитъ, какъ знающій, могъ лишь рѣшительно протестовать. Представленія о государствѣ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова у него, понятно, не могло быть. Свою страстную полемику онъ направилъ противъ культа боговъ и своихъ согражданъ, противъ астрологовъ и даже противъ поэтовъ, которые питали вѣру въ высшія силы, управляющія человѣкомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ, что Гомера слѣдовало бы изгнать изъ собраній для общественныхъ игрищъ и наказать розгами.

Чтобы лучше выяснить представленіе Гераклита о всеобщемъ, Лассаль употребляетъ мѣткое сравненіе съ гегелевской философіей, гдѣ также законы понимаются, какъ осуществленіе общей субстанціальной воли, безъ малѣйшаго отношенія къ формальной волѣ субъектовъ и ихъ численность. Но Лассаль не очутился ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ этимъ воззрѣніемъ, когда онъ, какъ почитатель общаго разума, былъ въ то же время піонеромъ всеобщаго избирательнаго права. Подобно Гераклиту и Гегелю, Лассаль отнюдь не вообразилъ себѣ, что объективный разумъ опредѣляется числомъ людей. Совсѣмъ не такъ понималъ онъ всеобщее избирательное право. Въ его глазахъ оно не было средствомъ создать объективный разумъ, а только лишь путемъ доставить господство объективному разуму. Хотя Лассаль, вмѣстѣ съ Гераклитомъ и Гегелемъ, видѣлъ въ преданности всеобщему вѣчное основное понятіе нравственности, но, исходя отъ историческаго развитія, онъ придавалъ всеобщему совершенно иное историческое значеніе, чѣмъ Гераклитъ и Гегель. Для него это была не всеобщая міровая идея, не абсолютная идея государства, но „идея рабочаго сословія". И какъ часто Лассаль развивалъ эту идею, какъ глубоко обосновывалъ ее!

Онъ стоялъ за рабочій классъ не потому, что это былъ самый многочисленный классъ, а въ силу того обстоятельства, что при исторически сложившихся условіяхъ современнаго классоваго государства, именно, этотъ классъ воплощаетъ въ себѣ преданность всеобщей идеѣ. Во-первыхъ, потому, что онъ одинъ изъ всѣхъ классовъ способенъ на такую преданность; во-вторыхъ, въ хаосѣ классовой борьбы его частные интересы совпадаютъ съ общими интересами. И надъ этимъ „міромъ принциповъ“ посмѣиваются, приплетая къ нему — правда, „чисто внѣшнимъ образомъ“ — лакированные сапожки Лассаля и мозолистыя руки фабричныхъ рабочихъ.

Всѣ эти разглагольствованія о „внутреннемъ расколѣ“ Лассаля, о трагическомъ или, наоборотъ, комическомъ противорѣчіи между „аристократомъ ума“ и „соціалъ-демократомъ“ сводятся, въ концѣ-концовъ, къ грубому недоразумѣнію. Источникъ послѣдняго лежитъ въ изолированности и оторванности мышленія, которую безпощадно бичевалъ уже Лассаль, и при помощи которой либеральная буржуазія только и можетъ охватить политическое содержаніе.

4. Трагедія Лассаля.

Въ теченіе 1844 и 1845 годовъ Лассаль намѣтилъ свое сочиненіе о Гераклитѣ и написалъ слишкомъ треть его. Чтобы закончить послѣднюю треть, ему понадобилось еще два года, отъ 1855 до 1857 года.

Въ одномъ письмѣ къ Марксу онъ изобразилъ, что, именно, парализовало перо въ его рукѣ. Для него было пыткой — быть вынужденнымъ теоретизировать „послѣ того, какъ было пролито столько крови и столько дѣлъ вопіютъ о мщеніи“. Онъ дѣлалъ исключенія лишь для сочиненій по политической экономіи потому, что они — тѣ же практическія дѣянія. Страстно стремясь къ дѣйствіямъ, онъ съ болѣзненнымъ взглядомъ замѣчаетъ, что теоретизированіе не приноситъ ровно

никакой практической пользы: люди продолжають жить также спокойно, какъ-будто лучшія и величайшія сочиненія и мысли никогда не были написаны и продуманы. И вотъ, вперемежку съ Гераклитомъ, „какъ бы для успокоенія“, Лассаль занялся спеціальнымъ изслѣдованіемъ, которое находилось въ нѣкоторомъ родствѣ съ его ближайшими интересами, но не настолько, чтобы всецѣло поглотить его. Онъ углубился въ великій міровой переворотъ Эпохи Реформаціи.

Эти признанія столь же характерны для Лассаля, какъ и самая форма, въ которую онъ вылилъ плодъ своихъ изслѣдованій. Онъ сдѣлалъ Франца фонъ-Зикингена героемъ исторической трагедіи. Лассаль не былъ поэтомъ и не обманывался на этотъ счетъ. По его собственному признанію, онъ даже въ юности не написалъ ни одного лирическаго стихотворенія. У него нѣтъ ни малѣйшей фантазіи. Въ свою трагедію онъ вложилъ больше революціоннаго пыла, чѣмъ поэтическаго дарованія. Всякая другая драма, которую онъ могъ бы еще написать, представляла бы все то же, подъ другими формами и названіями. Онъ сознается далѣе, что для него было бы гораздо легче изложить свои мысли объ Эпохѣ Реформаціи въ ученомъ сочиненіи. Но ему хотѣлось, чтобы весь народъ сознательно понялъ и всѣми своими фибрами страстно прочувствовалъ этотъ культурно-историческій процессъ. И вотъ онъ остановился на драмѣ. Эпиграфомъ для своей трагедіи онъ избралъ слова Александра Ф. Гумбольдта, что лучшія условія для передачи сюжета все же даетъ поэзія.

Такъ какъ самъ Лассаль предоставилъ себя въ полное распоряженіе художественной критикѣ, то мы находимъ излишнимъ еще разъ перечислять неоднократно отмѣченные недостатки его трагедіи, какъ драматическаго произведенія. Да и не представляется собственно надобности долго останавливаться на эстети-

ческихъ воззрѣніяхъ Лассаля. Искусство было для него скорѣе средствомъ, нежели цѣлью, и глубокихъ связей съ нимъ онъ не имѣлъ. Одинъ живописецъ, который часто встрѣчался съ Лассалемъ въ 50-хъ годахъ, хотя и не выдающійся представитель своего цеха, выразился даже о немъ, что въ отношеніи творческой стороны искусства Лассаль былъ совершенно слѣпъ. Онъ видѣлъ въ искусствѣ лишь истолковательницу идей. Поэтому въ музыкѣ онъ питалъ нѣкоторую симпатію къ Ричарду Вагнеру за его декламаторскій паѳосъ. Въ живописи ему нравился одинъ юный баталистъ, который, къ слову сказать, впослѣдствіи ревностно содѣйствовалъ крушенію нѣмецкой живописи своими придворными батальными картинами. Но Лассаль хотѣлъ видѣть въ немъ талантливаго изобразителя будущихъ сраженій за свободу. Если въ сказанномъ заключается безспорно преувеличеніе, то все же оно до нѣкоторой степени правдиво. Это подтверждаютъ афористическія замѣчанія, которыя Лассаль дѣлаетъ во вступленіи въ своей трагедіи относительно будущности исторической драмы.

Для Лассаля драматическое произведеніе должно имѣть своимъ фокусомъ не историческій матеріалъ, не событія и лица, а, главнымъ образомъ, драматическое изображеніе и развитіе самой сущности всемірно-исторической идеи и конфликта идей въ данную эпоху. Отъ него не ускользалъ подводный камень подобной драмы, такъ какъ онъ понималъ всю нелѣпость абстрактной и ученой поэзіи. Но Лассаль думалъ, что этого возможно совершенно избѣжать, что опредѣленность мыслей и цѣлей, къ которымъ стремятся индивидуумы, могутъ дать имъ плоть и кровь и создать живую реальную индивидуальность. Очевидно, Лассаль введенъ здѣсь въ заблужденіе своимъ идеалистическимъ міровоззрѣніемъ. Грубый реализмъ историческихъ столкновеній вытекаетъ не изъ конфликтовъ мыслей. И чѣмъ опредѣленнѣе высказываются идеи,

которыя составляютъ себѣ борющіеся люди о своихъ цѣляхъ, тѣмъ менѣе онѣ подходятъ подъ то, что послѣдующій историкъ сводитъ къ понятію историческаго конфликта идей.

Несомнѣнно, что самое преувеличеніе, какъ это часто случается съ Лассалемъ, является лишь слишкомъ страстной реакціей противъ тяжелыхъ условій нѣмецкой жизни. Онъ говоритъ: „Для меня, воспитаннаго и всосавшаго свои художественныя воззрѣнія преимущественно на груди античной поэзіи и ея свѣтлыхъ твореній,—для меня этотъ планъ драмы исключалъ лишь ту плохую партикуляристику, которая въ послѣднее время беретъ перевѣсъ въ нашемъ искусствѣ и заключается въ чрезмѣрномъ углубленіи въ безсмысленныя и неважныя мелочи случайнаго характера. Думаю, что отъ этого только выиграло дѣло!" Это былъ первый ударъ, направленный Лассалемъ противъ Юліана Шмидта, который какъ разъ въ то время выводилъ „свѣтлые образы" національной поэзіи въ видѣ дѣвушекъ - подростковъ и скупыхъ лавочниковъ Густава Фрейтага или въ видѣ бравыхъ кровельщиковъ Отто Людвига, которые въ ту минуту когда къ сердцу ихъ страстно прижималась любимая женщина, испытывали такое неопредѣленное ощущеніе, какъ будто нѣчто вродѣ чернильницы собирается опрокинуться на что-то вродѣ бѣлья или цѣнной бумаги. Лассалю хотѣлось поднять поэзію изъ этихъ душныхъ низменностей на высоты исторической жизни. Во всякомъ случаѣ, его стремленіе облечь драму въ философскую оболочку не такое опасное заблужденіе, какъ та „плохая партикуляристика", которая всегда выступаетъ на сцену тамъ, гдѣ поэзія пытается трусливо проскользнуть мимо великихъ проблемъ времени. Лассаль не былъ поэтомъ, но отъ Зикингена все же болѣе вѣетъ историческимъ духомъ Эпохи Реформацій, чѣмъ отъ „Флоріана Гейера" Гергарда Гауптмана, настоящаго поэта.

Хотя Энгельсъ, еще въ обозрѣніи „Новой Рейнской Газеты“, ясно доказалъ рѣшительное вліяніе экономическихъ факторовъ на развитіе нѣмецкой реформаціи, но Лассаль при изученіи этой грандіозной эпохи все еще не могъ отдѣлаться отъ своего идеалистическаго воззрѣнія. Въ великой крестьянской войнѣ, къ которой Энгельсъ относится какъ къ революціонной традиціи нѣмецкаго народа, Лассаль всегда желалъ видѣть одно лишь реакціонное явленіе. Къ этому побуждала его субъективная склонность разсматривать историческія катастрофы, какъ внутренніе конфликты идей. Такъ какъ землевладѣніе было „господствующимъ принципомъ“ феодальныхъ среднихъ вѣковъ, а крестьяне хотѣли сохранить этотъ принципъ, несмотря на его внутреннюю гнилость, хотя и въ болѣе послѣдовательной и чистой формѣ, то онъ признавалъ ихъ бунты реакціонными, несмотря на то, что они носили кровавый и насильственный характеръ. Нельзя отрицать нѣкоторую заманчивость подобной аргументаціи. Съ классовой точки зрѣнія патріархальнаго крестьянскаго хозяйства феодальный способъ производства не могъ быть разрушенъ. Всѣ возстанія крестьянъ, которые пытались собственными силами разбить феодальное ярмо, были подавлены, кромѣ нѣкоторыхъ весьма ограниченныхъ областей, гдѣ они удавались, благодаря мѣстнымъ или инымъ благопріятнымъ условіямъ. Революціонная сила, которая разрушила феодальныя общественныя формаціи, исходила не отъ крестьянъ, а изъ городовъ. Если это и такъ, то, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что всякая буржуазная революція, будь то въ Англіи, а также поскольку она вообще побѣдила въ Германіи, прежде всего побѣждала силою крестьянъ. Поэтому Лассаль совершенно неосновательно видитъ въ крестьянскихъ войнахъ реакціонныя явленія. Если они потерпѣли крушеніе, то вовсе не потому, что хотѣли повернуть назадъ колесо исторіи, а потому, что пытались повернуть его впередъ тогда,

когда еще не были выполнены условія, при которыхъ его можно было повернуть впередъ

Скорѣе можно признать внутренно реакціоннымъ возстаніе Зикингена, который пытался спасти средневѣковое рыцарство, которое безповоротно шло на встрѣчу историческому крушенію. Это воочію доказалъ Энгельсъ, и Лассаль былъ, собственно, такого же мнѣнія. Стоя на идеалистической точкѣ зрѣнія, онъ, менѣе кого-либо другого, могъ отрицать, что средневѣковый рыцарь обѣими ногами опирался на „господствующій принципъ“ землевладѣнія. Тѣмъ болѣе удивительнымъ можетъ показаться съ перваго взгляда, что Лассаль избралъ исторически реакціонную фигуру героемъ драмы, пропитанной революціоннымъ пыломъ. Однако, и здѣсь идеологія сыграла роль посредника.

Что наиболѣе приковывало къ себѣ Лассаля въ исторіи нѣмецкой реформаціи, это былъ образъ Гуттена. Но Гуттенъ былъ не только теоретикомъ низшаго дворянства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и, прежде всего, гумманистомъ. Послѣ Лютера и рядомъ съ нимъ это былъ единственный писатель реформаціонной эпохи, который временами находилъ откликъ во всѣхъ классахъ, особенно. когда Гуттенъ сталъ писать по-нѣмецки. Когда онъ писалъ: „Будемъ держаться вмѣстѣ, не покидайте меня въ борьбѣ, сжальтесь надъ отчизной, двиньтесь, дорогіе нѣмцы, теперь настало время начать борьбу за свободу,—того желаетъ Богъ!“—то, „благородному Гуту изъ Франконіи“ вторили настоящія народныя пѣсни. Но у Гуттена было одно преимущество передъ Лютеромъ — воодушевленіе за человѣческую свободу. Его пылкое и бурное краснорѣчіе, также вскормленное соками античнаго міра, поражало въ своемъ идеологическомъ полетѣ государей и поповъ и тѣмъ болѣе маскировало узкую классовую точку зрѣнія, чѣмъ сильнѣе Гуттенъ искалъ въ возрастающей борьбѣ союза съ городами и даже союза съ крестьянами,—если считать, что „Der neue Karsthaus“ напи-

санъ имъ, что Лассаль считаетъ несомнѣннымъ. Вотъ почему Гуттенъ сталъ для Лассаля національнымъ героемъ.

Но Лассаль не скрывалъ отъ себя, что именно „лирическій основной тонъ, который очаровывалъ его въ Гуттенѣ, дѣлалъ франконскаго рыцаря не политическимъ героемъ, и что, въ концѣ концовъ, Гуттенъ не шелъ дальше теоріи. Самъ Гуттенъ привѣтствовалъ Зикингена, какъ спасительную руку Германіи. И вотъ передъ Лассалемъ встаетъ вопросъ: почему же и въ чемъ именно Зикингенъ потерпѣлъ пораженіе? Какъ переходятъ революціонныя мысли въ революціонныя дѣйствія? Какъ разрѣшить противорѣчіе, которое возникаетъ послѣ первыхъ же практическихъ шаговъ революціонера: съ одной стороны, сила энтузіазма и доведенная до конца послѣдовательность принципа, съ другой—разсчетъ разсудка и неизбѣжная для всякой политики односторонность? Глубокое діалектическое противорѣчіе, которое скрываетъ въ себѣ природа всякаго дѣйствія, въ особенности революціоннаго дѣйствія, Лассаль называетъ формальной трагической идеей своей исторической трагедіи.

По мнѣнію Лассаля, Зикингенъ потерпѣлъ пораженіе потому, что онъ хотѣлъ добиться своей революціонной цѣли при помощи реакціонныхъ средствъ, что онъ не привлекъ всей націи къ защитѣ національныхъ интересовъ, но употребилъ окольный путь, хотѣлъ зажечь національную революцію на почвѣ рыцарскаго поединка съ духовнымъ княземъ. Этотъ путь обманулъ лишь народныя массы; князь-же и попы ни минуты не заблуждались. На вопросъ, можетъ ли быть такая интеллектуальная война трагической виной, Лассаль отвѣчаетъ слѣдующими глубокими доводами: „Интеллектуальная вина революціонера, который такъ мало довѣряетъ своему принципу, что онъ старается провести его задворками, который желалъ бы разрушить подгнившій міръ, но самъ недостаточно поднялся

надъ нимъ, чтобы сумѣть изыскать надлежащія средства для этого переворота, — есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, нравственная вина. Смягчаетъ же эту нравственную вину то, что она—интеллектуальная вина и представляетъ самый истинный трагическій конфликтъ. Но чего не замѣтилъ Лассаль, это—тотъ фактъ, что историческая вина Зикингена подъ его рукою превратилась въ свою противоположность. Зикингенъ потерпѣлъ крушеніе не потому, что онъ хотѣлъ достигнуть революціонной цѣли реакціонными средствами, а наоборотъ—потому, что онъ прибѣгнулъ къ революціоннымъ средствамъ для достиженія реакціонной цѣли. Какъ показалъ уже Энгельсъ, національная цѣль Зикингена сводилась къ созданію какой-то дворянской демократіи съ монархомъ во главѣ. Имѣя впереди такую опредѣленную цѣль, Зикингенъ могъ уже дѣйствовать рѣшительно и ясно, и средства его такъ всецѣло были проникнуты идеей, какъ только можно желать съ точки зрѣнія революціонной тактики. Допустимъ, что онъ дѣйствительно желалъ бы и могъ бы революціонизировать всю націю, — и тогда онъ не подвинулся бы ни на шагъ впередъ. Дѣло въ томъ, что тогдашнее мелкое дворянство, какъ самое національное, было наиболѣе ненавистно какъ крестьянамъ, такъ и горожанамъ, стало быть, массѣ націи. И, въ самомъ дѣлѣ, ничто не могло такъ рѣзко противорѣчить интересамъ горожанъ и крестьянъ, какъ реформа государства, задуманная Зикингеномъ. Въ Лассалевскомъ смыслѣ, историческая вина Зикингена также была трагической виною, но въ превратномъ фактически смыслѣ: Зикингенъ вообразилъ себѣ, что онъ революціонеръ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ реакціонеръ.

Та трагическая вина, которую Лассаль признавалъ за Зикингеномъ, была, съ другой стороны, исторической виною нѣмецкой буржуазіи во время мартовской революціи. Ей предстояло выполнить революціонную задачу. И она могла ее выполнить, если бы избрала

удобный путь для этой достижимой цѣли. Конечно, можно спорить о томъ, въ какой мѣрѣ достойна истиннаго трагизма та трусливая хитрость, которую пустила въ ходъ нѣмецкая буржуазія противъ своего смертельнаго врага. Но Лассаль бралъ этотъ классъ не такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а какимъ онъ могъ быть въ лучшемъ случаѣ. И за это мы не можемъ упрекать Лассаля. Въ своей рѣчи передъ присяжными Лассаль исполосовалъ до крови нѣмецкую буржуазію, чтобы побудить ее, быть можетъ, въ послѣдній моментъ, держаться болѣе энергично. Но теперь, когда она и безъ того была раздавлена контръ-революціей, онъ доброжелательно щадилъ ее. Политика, которой онъ слѣдовалъ въ пятидесятыхъ годахъ, считалась съ возможностью, что участь мартовской революціи кой-чему научила буржуазные классы. Несомнѣнно, такая политика была цѣлесообразна и съ пролетарской точки зрѣнія, доколѣ эта возможность была вообще возможностью и поскольку снисходительное отношеніе къ прошлому не шло вразрѣзъ съ требованіями настоящаго и будущаго. Лассаль сумѣлъ въ точности держаться этихъ рамокъ; лекція, которую онъ прочелъ нѣмецкой буржуазіи въ своей трагедіи по поводу революціонной тактики, не оставляла желать ничего лучшаго въ смыслѣ внушительности.

Съ этой точки зрѣнія „Зикингенъ“ Лассаля есть тенденціозная драма. Было бы преувеличеніемъ утверждать, что Лассаль по праву поэта, спорному или безспорному, навязалъ своему герою тенденціозныя намѣренія, которыхъ Зикингенъ въ дѣйствительности не имѣлъ. Публичныя заявленія Лассаля и, быть можетъ, еще въ большей мѣрѣ переписка его съ Марксомъ и Энгельсомъ по поводу своей трагедіи не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что возстаніе Зикингена онъ исторически понималъ такъ—хотя бы это было идеализированіе,—какъ онъ изобразилъ его въ драмѣ. И если онъ обработалъ этотъ историческій матеріалъ въ формѣ

драмы, то лишь потому, что въ судьбѣ Зикингена усматривалъ вѣрное отраженіе судьбы, которую нѣмецкая буржуазія подготовила для мартовской революціи.

Въ своей драмѣ Лассаль разрѣшаетъ діалектическое противорѣчіе въ природѣ революціонныхъ дѣйствій фразой — что революціонныя цѣли могутъ быть достигнуты только революціонными средствами. Но подъ революціонными средствами онъ, конечно, понимаетъ не одни насильственныя средства въ какомъ-либо исключительномъ смыслѣ. Онъ оговаривается лишь, что необходимыя революціонныя средства не должны быть отвергаемы только потому, что носятъ насильственный характеръ. Между гражданской революціей 16 и 19 столѣтій существовала полная аналогія постольку, что носители ея до перваго выстрѣла грозили огнемъ и мечемъ, а какъ только попадали въ самый огонь—превращались въ самыхъ мирныхъ овечекъ. Поэтому, когда лютеранскій священникъ распространяется въ проповѣди объ оскверненіи чистаго насилія темнымъ насиліемъ и объ ученіи любви, которое не должно быть запятнано кровянымъ мечемъ, то Лассаль вкладываетъ въ уста Гуттена пламенное восхваленіе меча, поднятаго за свободу,—какъ воплотившагося въ дѣйствительность Бога. Но Гуттенъ — и этого не слѣдуетъ упускать изъ виду — въ противоположность односторонне-реалистическому революціонеру, изображаетъ въ драмѣ восторженнаго, игнорирующаго реальныя условія дѣйствительности, и слѣдовательно — тоже односторонняго и даже еще болѣе односторонняго революціонера. Когда Гуттенъ отвѣчаетъ священнику:

Ehrwürdiger Herr! Schlecht kennt ihr die Geschichte.
Ihr habt ganz Recht, es ist Vernunft ihr Inhalt,
Hoch ihre Form bleibt ewig die Gewalt [1], —

---

[1] Достопочтенный господинъ! Плохо вы знаете исторію. Вы правы: ея содержаніе — разумъ, но формой ея всегда остается насиліе.

то эта фраза заимствована изъ историко-философскихъ воззрѣній Лассаля, но отнюдь не принадлежитъ его практически-революціонному символу вѣры. Глупое мнѣніе, будто бы при словѣ „революція" тотчасъ же должны появиться на сцену вилы, онъ осмѣивалъ безчисленное множество разъ. Но не болѣе лестные отзывы давалъ онъ и о противоположной глупости, которая отпускаетъ на волю эксплоатирующіе и угнетающіе классы, но съ тѣмъ, чтобы ихъ не свергали силою, — даже тогда, когда они могутъ быть свергнуты только силою.

Истинный критерій революціонныхъ средствъ, при помощи которыхъ только и возможно пробиться къ революціоннымъ цѣлямъ, Лассаль находитъ въ словахъ Гегеля, что цѣль только тогда можетъ быть достигнута при помощи даннаго средства, когда уже самое средство всецѣло проникнуто своеобразной природой этой цѣли. Въ практическомъ примѣненіи этого положенія къ исторической классовой борьбѣ, Лассаль еще до нѣкоторой степени пользуется философскими понятіями. Но интересно наблюдать, какъ изъ нихъ вылупляется его революціонная практика, такъ что они пристаютъ къ ней лишь на подобіе разбивающихся яичныхъ скорлупокъ. Въ основаніи же Лассаль черпаетъ доказательства изъ реальной сущности классовой борьбы.

Вѣчная сила всѣхъ господствующихъ классовъ коренится въ совершенно ясномъ, выработанномъ, непоколебимомъ классовомъ самосознаніи, при помощи котораго они защищаютъ свои классовые интересы Вѣчная же слабость всѣхъ возстающихъ классовъ лежитъ въ томѣ, что ихъ классовое сознаніе еще не выработано, и поэтому политическій горизонтъ еще не выясненъ, разумъ еще не окрѣпъ, и сила не организована. При такихъ условіяхъ вожаки революціи, повидимому, поступаютъ очень благоразумно и даже дальновидно, когда они считаются съ наличными средствами и скрываютъ истинныя и конечныя цѣли дви-

женія отъ другихъ (а часто, въ силу этого и отъ самихъ себя). Благодаря такому умышленному обману господствующихъ классовъ, они получаютъ возможность организовать новыя силы и при помощи разумно отвоеванной частички дѣйствительности побѣдить самую дѣйствительность. Однако, такая, какъ-будто, умная тактика, подтачиваетъ необходимо всякую революцію. Господствующіе классы она не проведетъ; классовое сознаніе ихъ настолько ясно, что они не могутъ быть обмануты. Но она обманываетъ возстающій классъ, который не пріобрѣлъ еще классоваго сознанія и понимаетъ лишь принципъ революціи во всей его непосредственной цѣлости. Обходы же и ослабленіе этого принципа сбиваютъ его съ толку. „Въ концѣ-концовъ, разсчетливость этихъ революціонеровъ приводитъ къ тому, что они, вмѣсто того, чтобы имѣть обманутыхъ враговъ не передъ собою, а друзей позади, оказываются лицомъ къ лицу съ врагами и безъ защитниковъ своего принципа за собою. Высшій, какъ будто, разумъ оказывается на дѣлѣ высшимъ неразуміемъ". Побѣда революціи обезпечена только тогда, когда совокупные практическіе шаги ея всецѣло проникнуты революціоннымъ принципомъ, когда она съ презрѣніемъ отбрасываетъ всякія дипломатическія увертки и игру въ прятки и видитъ свою главную силу въ смѣломъ и открытомъ образѣ дѣйствій.

Въ этихъ положеніяхъ содержится программа революціонныхъ дѣйствій Лассаля, и глубина внутренняго убѣжденія возвышаетъ его нѣкоторымъ образомъ до степени поэтическаго творчества, когда, въ развязкѣ его драмы, старый Бальтазаръ говоритъ Зикингену:

O nicht der Erste seid ihr, werdet nicht der
Letzte sein, dem es den Hals wird kosten,
In grossen Dingen schlau zu sein. Verkleidung
Gilt auf dem Markte der Geschichte nicht,
Wo im Gewühl die Völker dich nur an
Der Rüstung und dem Abzeichen erkennen.

Drum hülle stets vom Scheitel bis zur Sohle
Dich kühn in deines eignen Banners Farbe,
Dann probst du aus im ungeheuren Streit
Die ganze Triebkraft deines wahren Bodens
Und stehst und fällst mit deinem ganzen Können [1].

Буржуазный классъ, къ которому Лассаль обращается со своей трагедіей, никогда собственно не обращалъ на нее вниманія, да если бы и обратилъ, то не понялъ бы ея. Политика этого класса до сихъ поръ основана была на томъ, чтобы „хитрить въ дѣлахъ великихъ". Программа революціонныхъ дѣйствій, намѣченная Лассалемъ, нашла свое практическое осуществленіе въ политическомъ развитіи нѣмецкаго рабочаго класса. А чтобы узнать, насколько эта программа правильна, легче и быстрѣе всего бросить сравнительный взглядъ на то, что сдѣлано въ послѣднее поколѣніе въ политической области нѣмецкой буржуазіей вверху и нѣмецкимъ пролетаріатомъ внизу.

5. Главный трудъ Лассаля по философіи права.

„Система пріобрѣтенныхъ правъ" возникла изъ того же побужденія Лассаля къ практической дѣятельности, изъ котораго онъ написалъ свою трагедію.

Можетъ даже показаться парадоксальнымъ, что тяжелый теоретическій трудъ, въ которомъ видна громадная ученость, проникающая въ самыя интимныя складки исторіи права, на протяженіи тысячелѣтій, чтобы такой трудъ возникъ изъ чисто практическихъ интересовъ политики. И, однако, это такъ и даже къ чести Лассаля. Въ этомъ пониманіи, умѣніи уловить великую связь вещей сказался великій умъ Лассаля Для него практика и теорія не были двумя противо-

[1] О, вы не первый и не послѣдній платитесь головой за то, что хитрите въ великихъ дѣлахъ. На аренѣ исторіи переодѣваніе безцѣльно. Въ водоворотѣ народовъ тебя узнаютъ лишь по оружію и значкамъ. Поэтому смѣло завернись отъ головы до пятокъ въ свое настоящее знамя. Тогда въ великой борьбѣ докажешь ты всю силу твоего истиннаго убѣжденія и устоишь или погибнешь во всей своей мощи.

положными понятіями и даже не двумя сторонами одного и того же понятія; это было единое понятіе, равно властвующее надъ мыслью и дѣйствіями. Такъ какъ было очевидно, что для нѣмцевъ не миновало еще время теоретизированія, то Лассаль точилъ въ теоріи оружіе, которое можно было бы тотчасъ же пустить въ ходъ на практикѣ, какъ скоро вновь разгорится борьба. Въ своей трагедіи онъ спрашиваетъ: какъ должны революціонныя мысли воплотиться въ революціонныя дѣла для того, чтобы побѣдить? А въ сочиненіи по философіи права онъ ставитъ вопросъ такъ: какимъ образомъ революціонный принципъ послѣ побѣды превращается въ положительное право, — другими словами: какъ перевести старый правовой порядокъ въ новый? „Изъ археологическаго хлама древняго Рима и совокупнаго всемірно-историческаго движенія" Лассаль ковалъ оружіе для самыхъ современныхъ цѣлей, чтобы этимъ путемъ „основать твердый фундаментъ научной правовой системы для революціи и соціализма".

Берлинскому національному собранію 1848 не удалось превратить феодальное право въ буржуазное. Оно не имѣло въ рукахъ принципа для того, чтобы начисто раздѣлаться съ мнимыми пріобрѣтенными правами, за которыми окопалась вся феодальная грязь. Послѣ побѣды контръ-революціи всякое однажды пріобрѣтенное право было объявлено священнымъ. И если подъ давленіемъ неумолимой необходимости нельзя было сохранить его въ прежней средневѣковой формѣ, то оно возрождалось въ болѣе современной формѣ, чему представляетъ множество доказательствъ реакціонное законодательство пятидесятыхъ годовъ. Именно, въ то время, когда Лассаль приступилъ къ обработкѣ своего труда по философіи права, возникъ планъ выкупить феодальныя изъятія отъ поземельнаго налога за множество милліоновъ и вновь провозгласить „зависимость народа отъ землевладѣльцевъ-дворянъ". Въ противо-

вѣсъ этому Лассаль научно развилъ теорію пріобрѣтенныхъ правъ. Онъ твердо установилъ, могутъ ли новые законы и какимъ образомъ оказывать обратное дѣйствіе на пріобрѣтенныя права.

Въ гегелевской философіи права Лассаль не нашелъ отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ видѣлъ, что Гегель далъ развѣ общее указаніе для дѣйствительной философіи права, но не самую философію. Ученики Гегеля довольствовались тѣмъ, что повторяли его слова и пережевывали его общія опредѣленія собственности, договора и проч. И, витая въ этихъ заоблачныхъ фразахъ, они держались возможно дальше отъ грубой земли, реальнаго матеріала права. Они нисколько не стремились овладѣть богатымъ положительнымъ правовымъ матеріаломъ, понять его и разработать. Достигнуть этого пожелалъ Лассаль. Онъ сравниваетъ науку о правѣ съ полемъ, онъ желаетъ проникнуть въ его борозды и канавки для того, чтобы извлечь изъ нихъ искры свѣта. Наоборотъ, поклонники Гегеля умѣли только бѣгло освѣщать это поле брошеннымъ сверху фейерверкомъ.

Рѣзче, чѣмъ когда-либо, Лассаль порываетъ съ абсолютной идеей для того, чтобы возстановить права историческаго развитія. По его мнѣнію мы вообще ничего не достигнемъ отвлеченными общими категоріями собственности, наслѣдственнаго права, договора, семьи; понятіе о собственности у римлянъ — другое, чѣмъ у германцевъ и т. д. Другими словами, философія права, какъ элементъ историческаго духа, не имѣетъ дѣла, съ вѣчными логическими категоріями. Правовые институты являются лишь воплощеніемъ понятій историческаго духа. Это не болѣе, какъ выраженіе духовнаго содержанія, историческаго духа даннаго народа или данной эпохи; понимать ихъ слѣдуетъ только въ этомъ смыслѣ.

Но разногласіе между Лассалемъ и Гегелемъ простирается лишь до этого пункта. Онъ не покидаетъ

знамени Гегеля, но желаетъ лишь инымъ путемъ вести его къ побѣдѣ. Онъ твердо держится гегелевскаго метода идеалистической діалектики. Единственнымъ источникомъ права онъ признаетъ совокупное сознаніе цѣлаго народа — всеобщій духъ. „Со времени Гегеля это положеніе теоретически настолько твердо установлено, что не нуждается ни въ какомъ новомъ доказательствѣ". Лассаль ставитъ себѣ, именно, такую задачу: изъ историческаго права различныхъ народныхъ духовъ извлечь правовую идею и возвысить ее до полной ясности. Это будетъ формальная логика права; это будетъ разъясненіе того, какъ новые законы, независимо отъ содержанія сознанія данной эпохи, отражаются согласно идеѣ права на существующихъ уже правовыхъ отношеніяхъ. Въ виду колебаній отливающихъ и приливающихъ волнъ и возобновляющагося постоянно водоворота ихъ, Лассаль желаетъ твердой рукою провести незыблемыя основныя линіи, которыми очерчивалось бы понятіе объ обратномъ дѣйствіи.

Въ самыхъ общихъ чертахъ онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: никакой законъ, который касается индивидуума лишь черезъ посредство актовъ его воли, не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія. Обратное дѣйствіе въ этомъ смыслѣ было бы абсолютно недопустимымъ вмѣшательствомъ въ свободу и вмѣняемость человѣка, въ свободу мышленія и хотѣнія, которыя являются неприкосновенными основами всякаго права. Какъ бы далеко ни простиралась власть законодателя, но она никогда не можетъ заходить такъ далеко, чтобы заставить индивидуума желать чего-нибудь другого, чѣмъ онъ пожелалъ. Но отсюда, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ, что индивидуумъ всегда можетъ сдѣлать это возраженіе лишь въ томъ случаѣ, когда предполагается позднѣйшимъ закономъ уничтожить или извратить добровольное дѣяніе, актъ индувидуальной воли. Права, которыми законъ охватываетъ индивидуума, какъ таковой, безъ посредства индивидуальной воли, суть не

болѣе какъ общія свойства и правомочія, которыя и существуютъ только на основаніи дающаго ихъ закона и, стало быть, вмѣстѣ съ нимъ колеблются и исчезаютъ. Въ законѣ воплощается правосознаніе цѣлаго народа. Всякое узаконенное право есть лишь опредѣленное состояніе, созданное всеобщимъ духомъ, который самъ по себѣ безпрерывно мѣняется. Слѣдовательно, всякое новое опредѣленное состояніе овладѣваетъ индивидуумомъ тотчасъ же и съ такимъ же правомъ, съ какимъ владѣло имъ старое состояніе. Прочнымъ можетъ быть для индивидуума лишь то, что онъ добылъ себѣ изъ этого потока своимъ собственнымъ дѣйствіемъ и волей, то, что онъ превратилъ въ свою плоть и кровь. Такимъ образомъ, всякій законъ, который не касается прежнихъ волевыхъ дѣйствій индивидуума и лишь постольку, поскольку онъ не касается ихъ, долженъ по своей природѣ тотчасъ же вступить въ силу.

Соотвѣтственно этому съ положеніемъ, что никакой законъ, касающійся индивидуума лишь черезъ посредство его волевыхъ дѣйствій, не долженъ имѣть обратной силы, совпадаетъ другое положеніе: обратное дѣйствіе долженъ имѣть всякій законъ, который затрагиваетъ индивидуума безъ участія такого добровольнаго акта, т. е. затрагиваетъ его непосредственно въ его непроизвольныхъ общечеловѣческихъ или естественныхъ, или перенесенныхъ на него обществомъ свойствахъ, или же затрагиваетъ его только тѣмъ, что измѣняетъ самое общество въ его органическихъ учрежденіяхъ.

Но изъ этого понятія объ обратномъ дѣйствіи закона вытекаетъ еще нѣчто большее. Индивидуумъ можетъ своими дѣйствіями, одностороннимъ или обоюднымъ договоромъ, обезпечить права себѣ или другимъ лицамъ только тогда и постольку, поскольку это допускается существующими законами. При всякомъ договорѣ слѣдуетъ съ самаго начала подразумѣвать молчаливую оговорку, что право, выговариваемое въ немъ

для себя или для другихъ, имѣетъ силу лишь такъ долго, покуда законодательство считаетъ вообще допустимымъ такое право. Противоположное желаніе индивидуума въ корнѣ не дѣйствительно и не правомѣрно, такъ какъ общимъ источникомъ права является общій народный духъ, отъ котораго никто не въ правѣ отрѣшиться, не уничтожая самого понятія права. Индивидуумъ не можетъ вколотить въ почву права ни одного колышка, при помощи котораго онъ сдѣлался бы самодержавнымъ на всѣ времена. А между тѣмъ—рѣчь идетъ, именно, о такомъ требованіи самодержавности со стороны индивидуума, когда онъ желаетъ сохранить пріобрѣтенное право и на такія времена, когда оно уже исключается абсолютными или принудительными законами, т. е. законами, недопускающими никакого уклоненія для индивидуальнаго произвола. „Нельзя вбить такого колышка въ почву права, какъ нельзя вбить колышка въ земномъ шарѣ и требовать, чтобы онъ оставался на своемъ мѣстѣ въ то время, какъ весь земной шаръ, на которомъ онъ держится, приходитъ въ движеніе. Въ этомъ настоящій смыслъ часто повторяемой фразы: нѣтъ права противъ права; другими словами: каждое отдѣльное право подчиняется измѣненію самой правовой субстанціи, изъ которой оно произошло и въ которую оно вросло... Уже изъ сказаннаго сразу видна вся безпочвенность и глубокая несправедливость шумнаго, но пристрастнаго вопля, который поднимаютъ лица, имѣющія въ данное время права, какъ скоро общественный духъ въ своемъ прогрессивномъ развитіи приходитъ къ необходимости съ этого момента прекратить дальнѣйшее дѣйствіе какого-нибудь прежняго права, напримѣръ, крѣпостного права, барщины, обязательныхъ оброковъ, службъ, права охоты, свободы отъ поземельнаго налога, фидеикомиссарнаго порядка наслѣдованія и т. д.“. Абсолютные или принудительные законы, которые исключаютъ опредѣленное содержаніе права, разрушаютъ это содержаніе,

вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ индивидуально пріобрѣтенныхъ правахъ, хотя на этомъ основаніи нельзя еще говорить о недопустимомъ обратномъ дѣйствіи.

Лассаль обосновываетъ этотъ взглядъ въ блестящей полемикѣ противъ Шталя, теоретика прусской феодальной партіи Онъ доказываетъ съ безпощадной насмѣшкой, въ какое безсмысленное и безсодержательное противорѣчіе впалъ этотъ мужъ, одаренный всѣми талантами фокусника, въ своей болтовнѣ о пріобрѣтенныхъ правахъ и какъ побиваетъ онъ себя своимъ собственнымъ оружіемъ, именно, потому, что идетъ на извѣстныя уступки современному правосознанію. Вслѣдъ затѣмъ Лассаль обращается противъ главы исторической школы права, противъ Савиньи, который нерѣшительно допускаетъ обратное дѣйствіе абсолютныхъ законовъ на пріобрѣтенныя права, но для каждаго отдѣльнаго случая требуетъ „полнаго вознагражденія лицъ, обладающихъ пріобрѣтеннымъ правомъ“. Лассаль возражаетъ ему, что нѣтъ большей ошибки, чѣмъ это мнимое право на вознагражденіе. Само право съ самаго начала могло быть выговорено индивидуумомъ по договору лишь на извѣстное время, именно, до того момента, пока самое существованіе такого права не столкнется съ сознаніемъ общественнаго духа, которое отвергнетъ его и признаетъ невозможнымъ. Право имѣло силу лишь до тѣхъ поръ, пока оно могло и должно было ее имѣть. Но вотъ наступаетъ роковой день, день необходимости, заранѣе вытекающей изъ самаго акта, и этимъ все сказано. Наступилъ предѣлъ, до котораго право должно было сохранять силу и могло, и поэтому ни съ логической, ни съ юридической точки зрѣнія здѣсь нѣтъ ни мѣста, ни основанія говорить о вознагражденіи. Тутъ нечего вознаграждать. Признавать, тѣмъ не менѣе, право на вознагражденіе тамъ, гдѣ содержаніе уничтоженнаго права вычеркнуто уже народнымъ сознаніемъ, т. е. признано противозаконнымъ, это значитъ, разсуждая логически, ни болѣе, ни менѣе, какъ

дать право извѣстнымъ классамъ или индивидуумамъ облагать общественный духъ данью на прогрессивное развитіе его. Это значило бы устанавливать крѣпостную зависимость общественнаго духа отъ названныхъ пользующихся правомъ классовъ или индивидуумовъ.

Если это вытекаетъ изъ понятія обратнаго дѣйствія, то изъ него же вытекаетъ и другое. Если новое правосознаніе исключаетъ не самое правовое отношеніе, а только лишь опредѣленный способъ его примѣненія, то противнымъ праву слѣдуетъ считать только этотъ способъ, но не самое правовое отношеніе. Здѣсь, дѣйствительно, должно наступить такое превращеніе, которое можетъ имѣть форму вознагражденія и часто будетъ имѣть ее. Но это лишь обманчивая внѣшняя сторона дѣла. Въ дѣйствительности такое превращеніе представляетъ только переведеніе правового содержанія, признаваемаго еще дѣйствительнымъ, изъ воспрещенной формы его удовлетворенія въ не воспрещенную. Такое превращеніе должно наступить по той весьма простой причинѣ, что не слѣдуетъ разрушать больше, чѣмъ это дѣйствительно требуется прогрессомъ правосознанія.

Лассаль иллюстрируетъ эту сторону принципа на примѣрѣ прусскаго закона объ охотѣ 1848 года. Такъ, онъ доказываетъ, что берлинское національное собраніе должно было безъ сомнѣнія высказаться за уничтоженіе права охоты на чужой землѣ, потому что оно вытекало изъ помѣщичьихъ правъ, которыя были отвергнуты новымъ правосознаніемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно должно было допустить также вознагражденіе собственниковъ и предписать выкупъ, такъ какъ новое правосознаніе допускало отдѣленіе права охоты отъ земли по свободному договору землевладѣльца. По мнѣнію Лассаля, стало быть, берлинское національное собраніе допустило неправильное обратное дѣйствіе закона, отклонивъ соотвѣтственное предложеніе Шульце-Делича. Замѣчательно, какъ и въ этомъ случаѣ Лас-

саль щадитъ буржуазный классъ. Нанося самые беспощадные удары феодальнымъ теоретикамъ и продажной практикѣ верховнаго суда, онъ указываетъ лишь на самую легкую провинность буржуазнаго народнаго представительства и при этомъ прибавляетъ, что нельзя дѣлать собранію упрекъ за то, что оно въ бурномъ водоворотѣ практическихъ событій не вникло въ различіе, имѣющее развѣ теоретическій интересъ. Примѣненіе на дѣлѣ выкупа права охоты могло бы имѣть мѣсто въ очень немногихъ случаяхъ, юристъ же долженъ обращать вниманіе главнымъ образомъ на правило, а не на исключеніе.

Вся эта теорія пріобрѣтенныхъ правъ отнюдь не выдумана Лассалемъ изъ своей головы; согласно своему обѣщанію онъ развиваетъ ее на основаніи фактическаго матеріала, даваемаго правомъ; онъ чутьемъ отыскиваетъ идею обратнаго дѣйствія закона, начиная съ римскаго законодательства двѣнадцати таблицъ вплоть до прусскихъ законовъ пятидесятыхъ годовъ. Онъ слѣдитъ за нею въ различнѣйшихъ правовыхъ институтахъ, обнаруживая при этомъ колоссальное знакомство съ фактическимъ матеріаломъ въ области права и такую глубину философской мысли, которая съ каждой новой страницей все болѣе поражаетъ. Изъ невѣроятно обильнаго и до нельзя запутаннаго матеріала Лассаль играя и съ поразительнѣйшею ясностью развиваетъ понятіе объ обратномъ дѣйствіи законовъ. И этотъ трудъ его навсегда останется выдающимся памятникомъ человѣческаго творчества.

Но спрашивается, какихъ практическихъ результатовъ достигъ Лассаль своей работою. Въ этомъ скорѣе всего могутъ оріентировать нѣкоторыя возраженія противъ выводовъ Лассаля, которыя были сдѣланы Родбертусомъ. По Лассалю вопросъ о вознагражденіи стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, отвергаетъ ли народное сознаніе опредѣленное право принципіально или только опредѣленную

форму этого права. Родбертусъ касается лишь того, какъ узнать это различіе. Нельзя вѣдь установить его на основаніи большинства голосовъ и даже единогласіемъ. На это Лассаль отвѣчаетъ, что вопросъ вообще не касается формальной логики права и теорій обратнаго дѣйствія. Въ чемъ заключается самосознаніе народа въ данный моментъ или въ какой-нибудь позднѣйшій періодъ, какъ думаютъ теперь или будутъ думать въ другое время о бракѣ, государствѣ, монархіи, охотѣ, о горномъ дѣлѣ, о газетахъ, собственности,—этого нельзя установить никакими формальными правилами, которыя могли бы служить намъ какъ бы путеводителемъ на всемъ протяженіи всемірной исторіи. Но какъ ни убѣдительно это возраженіе, Лассаль все же чувствуетъ, что доводъ Родбертуса этимъ не вполнѣ исчерпанъ. Самая ясная логика права должна стать неясною, какъ скоро неясно содержаніе, къ которому она относится. Поэтому Лассаль вынужденъ отвѣтить какъ бы мимоходомъ, что, конечно, ни большинствомъ голосовъ, ни единодушнымъ вотумомъ нельзя установить, чего желаетъ сознаніе въ данную эпоху. Тѣмъ не менѣе, думаетъ онъ, установить эту волю можно „совершенно просто". „То, что мы можемъ доказать себѣ и нашей эпохѣ при помощи разума, логики и науки,—того желаетъ эпоха!" Въ этихъ словахъ снова предстаетъ передъ нами весь Лассаль со всей его энергической мощью, съ его сосредоточенной страстностью и непоколебимой вѣрой въ неотразимость идеи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ его слабостью, которая была нераздѣльна со всей этой силой.

Каждая эпоха ставитъ себѣ, безъ сомнѣнія, только тѣ задачи, которыя она въ состояніи разрѣшить. Но раньше, чѣмъ эти задачи настолько созрѣютъ, чтобы проникнуть въ сознаніе и получить разрѣшеніе въ положительномъ правѣ, могутъ пройти десятки лѣтъ и столѣтія, а до этого времени ни разумомъ, ни наукой нельзя доказать, чего желаетъ эпоха. Если бы на

дѣлѣ было иначе, то не было бы разумовъ, прокладовавшихъ пути, которые кое-что знали и объясняли своей эпохѣ, чего она желаетъ. Лассаль очень скоро на самомъ себѣ могъ убѣдиться, какъ его же ученье не согласуется съ его примѣромъ. Онъ видѣлъ ясно, что живыя активныя силы времени работали надъ освобожденіемъ пролетаріата. И, тѣмъ не менѣе, вся сила разума, логики и науки, съ которою онъ защищалъ эти несомнѣнные факты, не выяснили эпохѣ ея волю настолько, чтобы изъ этого возникло новое правосознаніе, на которомъ можно было бы провѣрить его формальную логику права.

Идеалистическое міровоззрѣніе Лассаля было не только его силой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слабой стороной его. Въ своихъ кропотливыхъ изслѣдованіяхъ реальнаго правового матерьяла ему то и дѣло приходилось считаться съ фактомъ, что законодательство въ своемъ практическомъ чувствѣ права всегда подходило ближе къ правовой идеѣ, нежели теоретики съ ихъ разумомъ, логикой и наукой. Если бы Лассаль сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ, то онъ нашелъ бы, что темный инстинктъ массъ обыкновенно еще вѣрнѣе схватываетъ правовую идею, чѣмъ практическое чувство законодательства. Крестьяне восточной Эльбы, которые послѣ 18 марта возстали противъ своихъ юнкеровъ-притѣснителей и признали феодальныя повинности прекратившимися, несравненно умнѣе воспользовались на практикѣ теоріей пріобрѣтенныхъ правъ, чѣмъ прусскій парламентъ.

Впрочемъ, Лассаль до нѣкоторой степени дѣлаетъ этотъ дальнѣйшій шагъ въ одной изъ интереснѣйшихъ главъ своего сочиненія. Въ этой главѣ онъ развиваетъ ту мысль, что у народовъ древности народный духъ представлялъ такую объективную субстанціальную солидарность, и что въ отдѣльныхъ индивидуумахъ жило и дѣйствовало также нравственное единство и согласіе народнаго духа, что то, что фактически

отвергалось этой внутренней субстанціей, признавалось ео ipso опровергнутымъ самимъ закономъ. Но это было допустимо только у народовъ древности и то лишь въ классическую эпоху. Оно болѣе не мыслимо въ новѣйшія времена, когда такое строгое единеніе индивидуумовъ и сходство въ нравственномъ міросозерцаніи расшатаны, благодаря субъективизму и индивидуализму, образованію и скептикѣ и т. д.; когда нравственное сознаніе въ индивидуумахъ, принадлежащихъ къ одному и тому же государству, очень часто разнится на цѣлые міровые періоды. Въ такія эпохи претендовать на правовую дѣйствительность можетъ лишь такое содержаніе общаго правосознанія, которое прямо или косвенно уже узаконено. Прямо или косвенно, такъ какъ нѣтъ необходимости, конечно, чтобы оно было узаконено словами; для его правовой дѣйствительности достаточно, чтобы оно проявилось въ дѣйствіяхъ цѣлаго народа. Вотъ почему, по мнѣнію Лассаля, конвентъ не совершилъ недопустимаго обратнаго дѣйствія, когда призналъ за своими законами о правѣ наслѣдованія обратное дѣйствіе вплоть до дня штурма Бастиліи. Въ этотъ день французскій народъ уничтожилъ правовой порядокъ феодальнаго общества и замѣнилъ феодальныя привилегіи противоположнымъ въ его правовомъ сознаніи правовымъ равенствомъ.

То, что Лассаль однажды сказалъ о Савиньи, одинаково примѣнимо и къ нему самому: онъ очень близко подходитъ къ истинѣ и все же принципіально обходитъ ее, благодаря своему идеологическому міровоззрѣнію. Взятіе Бастиліи безъ сомнѣнія не было дѣломъ цѣлаго народа, а только лишь большей или меньшей—это безразлично—части его. Оно нисколько не создало единства въ индивидуумахъ и не сплотило расшатанныя нравственныя воззрѣнія народнаго духа. Наоборотъ, оно, именно, показало, что этическое сознаніе индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и

тому же государству, можетъ отличаться на цѣлые міровые періоды. Если же этотъ актъ, тѣмъ не менѣе, создалъ новое право, а исторически онъ его, дѣйствительно, создалъ, то источникомъ этого права было нѣчто другое, чѣмъ всеобщій народный духъ. Выражаясь языкомъ Лассаля, въ штурмѣ Бастиліи выразилось не общее правосознаніе, а только лишь особенное классовое сознаніе, которое перешло во всеобщее правосознаніе только потому и постольку, поскольку оно соотвѣтствовало общимъ потребностямъ общества. Подъ идеалистическимъ понятіемъ эпохи Лассаль всегда подразумѣваетъ одно какое-нибудь опредѣленное общество, историческое развитіе котораго своими смѣнами обусловливаетъ также смѣну права.

Всѣмъ этимъ, однако, нисколько не колеблется лассалева теорія обратнаго дѣйствія, а только лишь его способъ доказательствъ. Онъ черпалъ свои доказательства изъ дѣйствительнаго правового матеріала и могъ, поэтому, разсуждать совершенно правильно, искалъ ли онъ свои доказательства на надлежащемъ или на не надлежащемъ мѣстѣ. Однако, Родбертусъ и здѣсь возражалъ ему, что лассалева теорія уже потому не могла опираться на римскіе пандекты, что историческій духъ ихъ совершенно иной. Лассаль самъ постоянно подчеркиваетъ различіе историческаго духа и страннымъ образомъ желаетъ установить одну и ту же теорію для столь различныхъ эпохъ, какъ современная и римская. На это Лассаль возразилъ сравненіемъ, которымъ однажды воспользовался самъ Родбертусъ,—что мы прекрасно можемъ разсуждать о животномъ, о позвоночномъ столбѣ, но что входить въ подробности возможно лишь при изученіи отдѣльныхъ порядковъ животныхъ. Въ вопросахъ юридическихъ дѣло обстоитъ такъ, что, это содержаніе историческаго духа различно, но сквозь это различіе содержанія всюду проходитъ одинъ и тотъ же, но другой элементъ, который онъ называетъ формальной логикой.

Эту формальную логику Лассаль сознательно развилъ для всѣхъ послѣдующихъ эпохъ, независимо отъ содержанія правосознанія въ каждую отдѣльную эпоху; поэтому онъ и думаетъ, что та же формальная логика права была и у римлянъ безсознательно дѣйствующимъ моментомъ.

Собственно возраженіе Лассаля имѣло бы больше убѣдительности, если бы онъ выразился такъ: подобно тому, какъ позвоночныя животныя, несмотря на всѣ прочія различія въ ихъ строеніи, сходны между собою въ отличіе отъ безпозвоночныхъ животныхъ въ томъ, что имѣютъ позвоночный столбъ, такъ и опредѣленная правовая система, при всемъ различіи своего историческаго развитія, всегда сохраняетъ одну и ту же общую черту въ отличіе отъ другихъ правовыхъ системъ. Въ своемъ сочиненіи онъ подробно развиваетъ ту мысль, что понятіе обратнаго дѣйствія законовъ было чуждо китайскому, индійскому и даже моисееву законодательству, такъ какъ они, вообще, еще ничего не знали о субъективности духа, о свободѣ и вмѣняемости индивидуумовъ. Объ этомъ стали отдавать себѣ отчетъ только классическіе народы древности. Лассаль идетъ даже еще дальше и говоритъ, что германское понятіе собственности въ средніе вѣка, болѣе или менѣе, отрицаетъ теорію обратнаго дѣйствія и, наоборотъ, слишкомъ расширяетъ недопустимость обратнаго дѣйствія. Хотя онъ и говоритъ усиленно о правовой идеѣ, какъ таковой, но онъ безсознательно понимаетъ ее только, какъ историческую, но не какъ логическую идею. Онъ ограничиваетъ ее эпохою римскаго права и тѣми періодами современныхъ народовъ, которые на исходѣ среднихъ вѣковъ снова восприняли римское право и по своему дальше развили его. Но римское право есть право общества, производящаго товары. Классическіе народы древности дошли до „субъективности духа", до „свободы и вмѣняемости ндивидуума" не путемъ образованія или искусства, или

религіи, какъ думаетъ Лассаль, а посредствомъ частной собственности и производства товаровъ, которые развились изъ первобытнаго коммунизма. И только на этой опредѣленной общественной почвѣ каждый шагъ впередъ въ историческомъ развитіи, каждая революція являлась побѣдою одного вида частной собственности надъ другимъ видомъ частной собственности. Только на этой почвѣ, какъ выражается Лассаль на свой идеологическій манеръ, понятіе пріобрѣтенныхъ правъ могло стать „движущимъ источникомъ всякаго дальнѣйшаго развитія формъ образованія". Отсюда вполнѣ ясно, что, когда изсякло товарное производство и торговля въ естественномъ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ, то затуманилась также формальная правовая логика пандектовъ. А когда они снова расцвѣли на исходѣ среднихъ вѣковъ, то опять вошло въ почетъ римское право, какъ право, которое наиболѣе приспособлено къ обществу товаро-производителей. Право въ техническомъ смыслѣ слова, т. е. настоящая правовая наука, юриспруденція, какъ таковая, развилась, изъ товарнаго производства и обезпечиваетъ исходныя посылки, при наличности которыхъ оно, вообще, можетъ развиваться. Только въ этихъ рамкахъ могъ говорить Лассаль о правовой идеѣ, какъ таковой, какъ о логической категоріи. Громадная заслуга его — въ томъ, что онъ прослѣдилъ основную идею правовой науки, прослѣдилъ, какъ она все болѣе сознательно развивалась отъ простого товаропроизводства древности до гигантскаго развитія капиталистическаго производства въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Она достигла полной ясности положительнаго права для послѣдняго переворота, который вообще еще возможенъ на почвѣ частной собственности и товаропроизводства,—для перехода отъ феодальной собственности къ буржуазной.

Значеніе этой заслуги не умалилось бы существенно и въ томъ случаѣ, если бы Лассаль при такомъ

колоссальномъ трудѣ иной разъ и сдѣлалъ слишкомъ поспѣшное заключеніе отъ позднѣйшаго къ предыдущему и, какъ думалъ Родбертусъ, вычиталъ изъ пандектовъ нѣсколько больше того, что въ нихъ есть. Несравненно важнѣе вопросъ, считалъ ли Лассаль свою формальную логику права также обязательною для всѣхъ позднѣйшихъ временъ, стало быть, не только для превращенія феодальной частной собственности въ буржуазную, но и для перехода отъ частной собственности вообще къ общности имущества.

Объ этомъ онъ очень подробно говоритъ въ длинномъ примѣчаніи къ своей книгѣ, на которое онъ впослѣдствіи охотно ссылался. Въ этомъ примѣчаніи онъ развиваетъ мысль, что культурно-историческій прогрессъ исторіи права заключается, вообще, въ томъ, что сфера собственности частнаго индивидуума все болѣе ограничивается, и что все большее число предметовъ исключается изъ области частной собственности. Если держаться такой точки зрѣнія, что, благодаря господству свободной конкурренціи, собственность только и могла достигнуть истинной свободы и развитія, на основаніи чего защитники этого направленія говорятъ о неограниченной „свободѣ собственности“, то, дѣйствительно, придерживаясь діалектики, присущей всѣмъ логическимъ опредѣленіямъ, мы должны будемъ всецѣло признать этотъ фактъ съ его реальными послѣдствіями. Если вникнуть, однако, въ сущность вещей, то введеніе свободной конкурренціи и прекращеніе монополіи и цеховъ скорѣе вытекаетъ изъ мысли, что никоимъ образомъ нельзя признать частной собственностью индивидуума исключительное право на занятіе промысломъ и сбытомъ, т. е. право на то, чтобы другія лица не допускались къ дѣйствіямъ, которыя сами по себѣ дозволены.

Мы находимъ совершенно естественнымъ, что на зарѣ исторіи человѣкъ, подобно ребенку, ко всему протягиваетъ свои руки, все считаетъ своимъ и не знаетъ

границъ для своего личнаго произвола. Лишь позднѣе, и притомъ постепенно, онъ научается находить эти границы. Поклоняющійся фетишамъ разбиваетъ еще своихъ идоловъ, коль скоро они не исполняютъ его желаній, и даже боговъ своихъ разсматриваетъ, какъ личную собственность. И хотя религіозная служба была уже въ отдаленныя времена изъята изъ области частнаго произвола, но самъ человѣкъ еще долгое время оставался предметомъ собственности другого человѣка. Въ дальнѣйшемъ теченіи рабство смягчилось въ крѣпостное право, крѣпостное состояніе перешло въ различныя градаціи зависимости, пока, наконецъ, крѣпостной рабочій не былъ признанъ свободнымъ рабочимъ. Въ настоящее время Европа стоитъ лицомъ къ лицу съ двумя весьма интересными вопросами собственности: въ политическомъ отношеніи— передъ уничтоженіемъ такого порядка, при которомъ общественная воля цѣлой націи можетъ считаться собственностью одной семьи, другими словами—передъ уничтоженіемъ монархіи. Въ соціальномъ отношеніи рождается вопросъ, можетъ ли въ настоящее время, когда вычеркнуто право собственности на непосредственное пользованіе человѣкомъ, существовать такое же право на косвенное пользованіе имъ, т. е. можетъ ли свободный трудъ и развитіе личной рабочей силы человѣка быть исключительной частной собственностью обладателя субстрата труда и аванса труда (капитала) и въ правѣ ли предприниматель, какъ таковой, считать своей собственностью цѣнность чужого труда (прибыль на капиталъ)?

Это прогрессивное суженіе объема частной собственности опирается не на что иное, какъ на положительное развитіе человѣческой свободы. Въ этомъ прогрессивномъ движеніи часть свободы, которая раньше признавалась отчуждаемою, признается не отчуждаемой свободой человѣка; она вытекаетъ изъ нравственной идеи и общественнаго права и регулируется

абсолютными законами. Совершенно параллельно съ движеніемъ исторіи права въ этомъ направленіи—выбрасывать изъ сферы собственности все больше содержанія—замѣчается аналогичная тенденція въ области экономическаго развитія: выбрасывать все большее число факторовъ производства и самые продукты все въ большемъ количествѣ изъ сферы экономической собственности, возмездности въ сферу безвозмездности, или, другими словами, уменьшать расходы по производству. Эта основная мысль, совершенно правильная, получила въ „Экономическихъ Гармоніяхъ" Бастіа совершенно ложное и одностороннее толкованіе.

Противъ этого Родбертусъ выставилъ свое третье возраженіе, что отъ напыщенной фразы Бастіа рабочіе не получатъ масла къ хлѣбу. Мнѣніе Лассаля онъ истолковалъ въ такомъ смыслѣ, который самъ Лассаль категорически отвергаетъ, и было естественно, что Лассаль съ нѣкоторою рѣзкостью возсталъ противъ такого грубого непониманія. Но онъ оканчиваетъ свой отвѣтъ вѣжливымъ замѣчаніемъ, что „проведенная имъ параллель, дѣйствительно, не отличается особенной глубиной". И это, быть можетъ, побудило Родбертуса искать въ ней болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ она можетъ имѣть. Здѣсь Лассаль опять очень близокъ къ истинѣ, но опять-таки принципіально обходитъ ее, благодаря своему идеологическому воззрѣнію.

Параллель была достаточно глубока, но Лассаль сквозь свои юридическіе очки не видѣлъ ея основанія. То, что онъ говоритъ о ходѣ исторіи права совершенно вѣрно, если понимать исторію права, въ томъ узкомъ смыслѣ, что право вообще развилось изъ частной собственности и товаропроизводства. Лассаль еще не зналъ, что первобытное коммунистическое общество обнимало первый и, до сихъ поръ, самый продолжительный періодъ человѣческой исторіи, и что дикарь, который на зарѣ исторіи простираетъ свои руки ко всему, чтобы назвать своимъ, собственно никогда не

существовалъ. Лассаль самъ затемняетъ то, что онъ такъ проницательно и мѣтко отмѣчалъ: онъ ищетъ причину въ облакахъ въ то время, какъ она имѣется на твердой землѣ. Прогрессивное уменьшеніе объема частной собственности отнюдь не основано на положительномъ развитіи человѣческой свободы. Успѣхи производства на почвѣ частной собственности ведутъ къ названной параллели Лассаля: они удешевляютъ продукты и расширяютъ человѣческую свободу. Рабъ работаетъ дороже и хуже, чѣмъ крѣпостной, крѣпостной дороже и хуже, чѣмъ барщинникъ, барщинникъ дороже и хуже, нежели свободный рабочій. Древнее общество погибло, благодаря рабскому труду, феодальное общество—отъ крѣпостного труда. Точно также погибнетъ и буржуазное общество отъ свободнаго труда,— но не потому, что онъ юридически свободенъ, а въ силу того, что экономически не свободенъ.

Діалектическое развитіе частной собственности коренится, въ концѣ-концовъ, не въ ограниченіи ея права, а въ расширеніи ея силы. Центръ тяжести лежитъ въ „фактическихъ, реальныхъ послѣдствіяхъ", что правильно поняла манчестерская школа, несмотря на ея ограниченность, а быть можетъ — именно, поэтому. Только развитіе силы влечетъ за собою ограниченіе права. Собственность разбиваетъ оковы права и дѣлаетъ рабочихъ въ правовомъ отношеніи свободными, но лишь для того, чтобы еще безграничнѣе развернуть свою экономическую власть и еще безпощаднѣе эксплоатировать экономическую зависимость рабочихъ. Лассаль хватается за призракъ вмѣсто сущности и требуетъ большаго отъ науки права, чѣмъ она можетъ дать, какъ скоро онъ находитъ, что съ уничтоженіемъ всякой правовой зависимости рабочаго падетъ также экономическая зависимость. Право не можетъ того сдѣлать такъ же, какъ не могла феодальная теологія своимъ ученіемъ о томъ, что всѣ люди — дѣти одного Бога, устранить правовую несво-

боду средневѣкового рабочаго. Новое общество разрушаетъ не только экономическій строй, но и идеологическую надстройку стараго общества, изъ нѣдръ котораго оно рождается.

Оба вопроса собственности, которые выдвигаетъ Лассаль передъ современной Европою, имѣютъ ту общую черту, что лежатъ внѣ предѣловъ науки права, какъ понимаетъ ее Лассаль. Разница только та, что одинъ вопросъ лежитъ позади нея, а другой впереди, что одинъ былъ разрѣшенъ при самомъ возникновеніи ея, а другой будетъ разрѣшенъ, когда она перестанетъ существовать. Монархія, какъ вопросъ собственности, какъ вопросъ о томъ, можно ли считать общественную волю націи собственностью одной опредѣленной семьи, принадлежитъ той эпохѣ, которая еще не знала „свободы и вмѣняемости индивидуума“, принадлежитъ восточному праву, которое не имѣло еще представленія о „субъективности духа“. Въ древней Греціи и Римѣ и даже во время феодальныхъ среднихъ вѣковъ, не говоря уже о современномъ буржуазномъ обществѣ, монархія, въ какую бы идеологическую оболочку она не маскировалась, всегда была лишь вопросомъ политической организаціи. И господствующіе классы отвѣчали на этотъ вопросъ, смотря по обстоятельствамъ, нисколько не интересуясь допотопной фантазіей монархіи, признающей свою волю за высшій законъ. Уничтоженіе монархіи не произведетъ рѣшительно никакихъ матеріальныхъ измѣненій въ имущественныхъ отношеніяхъ современнаго буржуазнаго общества. Оно только рельефнѣе обрисовываетъ положеніе вопроса собственности, придавая ему формально законченную ясность. Точно также демократическая республика есть то идеальное поле битвы, на которомъ произойдетъ рѣшительное сраженіе между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Съ другой стороны, вопросъ о прибыли на капиталъ является вопросомъ собственности въ самомъ

настоящемъ смыслѣ слова. Къ нему, собственно, и сводится весь вопросъ собственности, тогда какъ прибыль на капиталъ проистекаетъ изъ исторически и логически наиболѣе развитой формы частной собственности. Уничтоженіе ея было бы равносильно уничтоженію частной собственности во всякой формѣ, а стало быть, и права, выросшаго на почвѣ частной собственности. Короче это можно выразить такъ: юридически съ капиталомъ на прибыль вообще ничего нельзя подѣлать. Всѣ соціалистическія попытки въ этомъ направленіи терпѣли пораженіе и должны были терпѣть пораженіе. Великій прогрессъ научнаго коммунизма въ сравненіи со всѣми прежними ученіями соціализма заключается въ томъ, что онъ не разсматриваетъ больше прибыль на капиталъ, или точнѣе — прибавочную цѣнность, какъ посягательство на справедливость и нравственность, а только лишь, какъ экономическій фактъ, и что онъ сумѣлъ доказать, что, именно, этотъ экономическій фактъ приведетъ къ распаденію частной собственности и переходу ея въ общественную собственность.

Съ этой задачей не въ состояніи справиться формальная правовая логика Лассаля. Уже самое ядро его теоріи обратнаго дѣйствія принимаетъ совершенно иной обликъ, какъ скоро частная собственность должна превратиться въ собственность общественную, нежели въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о превращеніи одного вида частной собственности въ другой видъ частной собственности. Господство имущихъ классовъ надъ неимущими есть частная собственность, и для зависимыхъ чрезвычайно важенъ вопросъ о томъ, насколько они обязаны собственность, ставшую негодною господству, за свой счетъ превратить въ другой видъ собственности, сдѣлавшійся годнымъ къ господству. Общественная же собственность, уничтоженіе господства, какого бы то ни было класса,—это уже будетъ вопросъ сравнительно маловажный, слѣ-

дуетъ ли вознаградить бывшихъ собственниковъ, въ какой мѣрѣ и въ какомъ видѣ. Все это ни въ коемъ случаѣ не возвратитъ имъ господства надъ людьми. Марксъ никогда не считалъ нужнымъ публично затрогивать вопросъ о томъ, какимъ образомъ должна будетъ произойти экспропріація экспропріирующихъ; но въ интимныхъ бесѣдахъ онъ, по словамъ Энгельса, высказывался, что дешевле всего обошлось бы дѣло, если бы можно было откупиться отъ всей этой шайки.

Насколько лассалева теорія пріобрѣтенныхъ правъ оказывалась убѣдительною, когда онъ примѣнялъ ее къ переводу одного вида частной собственности въ другой видъ частной собственности, настолько же выступала ея недостаточность при попыткѣ расшатать самую частную собственность и въ особенности доказать, что современное право наслѣдственности является крупнымъ недоразумѣніемъ и представляетъ сплошную теоретическую невозможность. Доказательству этого онъ посвящаетъ второй томъ своего сочиненія, который, едва ли не больше перваго тома, поражаетъ необычайной ученостью и діалектической игрою мысли. Но то, что Лассаль хотѣлъ доказать, онъ не доказалъ. Онъ не доказалъ бы этого и въ томъ случаѣ, если бы не заблуждался насчетъ того, что завѣщаніе по римскому праву вытекаетъ изъ представленія древнихъ римлянъ о безсмертіи. Если бы современное наслѣдственное право, дѣйствительно, было неправильно понятымъ осадкомъ древне-германскаго и древне-римскаго наслѣдственнаго права, то этимъ было бы только доказано, что оно облеклось въ одежду, къ нему не подходящую. И когда Лассаль разорвалъ въ клочки эту одежду, то современное наслѣдственное право предстало въ своей настоящей голой дѣйствительности. Тамъ, гдѣ существуетъ частная собственность, необходимо существуетъ и право наслѣдственности И этотъ логическій выводъ ни-

сколько не колеблется сплошной теоретической невозможностью иллюзіи, которую наслѣдственное право создаетъ себѣ относительно своего собственнаго происхожденія.

Надежды, которыя Лассаль возлагалъ на практическія воздѣйствія своего сочиненія, не осуществились. Онъ вѣрно предвидѣлъ, что приближается „дурная эпоха" законодательныхъ работъ. И если бы буржуазія имѣла мужество вступить въ серьезный бой съ юнкерствомъ, то, конечно, какъ ожидалъ Лассаль, „ни одинъ членъ парламента и ни одинъ политикъ" не могъ бы обойтись безъ его книги, какъ это сдѣлалъ въ январѣ 1869 г. одинъ либеральный членъ парламента въ своей полемикѣ противъ феодальныхъ брачныхъ привилегій прусскаго земскаго права. Едва ли, однако, мы могли бы указать второй примѣръ этого рода. Всѣмъ извѣстно, насколько прусское законодательство въ послѣднее поколѣніе работало въ духѣ, который Лассаль заклеймилъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, какъ отсутствіе чувства долга и стыда. Особеннымъ виртуозомъ въ искусствѣ изъ феодальныхъ притязаній въ современномъ буржуазномъ обществѣ создавать право возмѣщенія у народнаго духа былъ Бисмаркъ, придумавшій хлѣбныя пошлины, подарки водочнымъ производителямъ и сахарозаводчикамъ и многое другое въ этомъ родѣ. Но и послѣ Бисмарка это искусство далеко не угасло въ прусскомъ законодательствѣ и въ особенности среди буржуазныхъ законодателей. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ прусскій министръ финансовъ Микель, который по традиціямъ бывшаго коммуниста могъ бы понимать доводы Лассаля, выкупилъ у дюжины средневѣковыхъ графовъ феодальную податную привилегію за нѣсколько милліоновъ изъ народнаго кармана.

Въ ученомъ мірѣ сочиненіе Лассаля вызвало единичные отзывы восторга и признанія. Старикъ Савиньи, который дожилъ лишь до выхода перваго тома.

оказалъ честь себѣ и своему противнику, выразившись, что такой книги не было написано со времени Донелла. Альбертъ Ланге изучалъ на этой теоріи пріобрѣтенныхъ правъ практику отнятыхъ правъ. Въ общемъ, однако, нѣмецкая ученость не стояла болѣе на высотѣ этого научнаго диспута. Циглеръ былъ возмущенъ тѣмъ, что во всемъ Берлинѣ, если не считать университета, не нашлось десяти юристовъ, которые читали бы эту книгу, и пяти, которые поняли бы ее. Такъ, изъ выдающихся юристовъ Іерингъ позволилъ себѣ нѣсколько плоскихъ шутокъ по поводу нѣкоторыхъ рискованныхъ картинъ, нарисованныхъ Лассалемъ во второмъ томѣ, и на шестистахъ страницахъ послѣдняго не нашелъ будто бы ни малѣйшихъ признаковъ разсудка. Подобная выходка не выдерживаетъ критики, даже какъ шутка надъ философскимъ умозрѣніемъ. Получивъ отпоръ отъ одного изъ друзей Лассаля, Іерингъ оправдывался тѣмъ, что онъ опровергалъ не самое умозрительное направленіе, а только лишь заблужденія его, въ которые впали, именно, наиболѣе даровитые; на вышинѣ отвѣсныхъ скалъ встрѣчаются-де только серны и козероги, но не овцы. Сущности того, что желалъ сказать Лассаль, Іерингъ даже не коснулся. Эта сущность была полнѣйшей загадкою для человѣка, который на многихъ листахъ трактовалъ, какъ оракулъ, о борьбѣ за право и могъ въ то же время рабски восхищаться бисмарковской политикой насилія, противъ которой Германія вынуждена была почти тридцать лѣтъ вести борьбу за право. Лассаль доказывалъ, что феодальное право, какъ, напримѣръ, прусскій законъ о батракахъ, само по себѣ утрачиваетъ значеніе въ буржуазномъ обществѣ. А въ то же время Іерингъ въ своемъ сочиненіи „Борьба за право“ училъ, что хозяинъ, который не осмѣливается больше примѣнять законъ о батракахъ, „не только оскорбляетъ этическія условія своей жизни и утрачиваетъ поэзію своего характера, но наноситъ ущербъ

идеальному авторитету самого закона и подрываетъ реальный порядокъ гражданской жизни". И этотъ маленькій катехизисъ практической философіи жизни жадно читался нѣмецкой буржуазіей въ то время, какъ великій теоретическій трудъ Лассаля оставался не читаннымъ.

Изъ философовъ, Мишле доказалъ своей критикой, что оффиціальное гегельянство счастливо причалило къ болоту самаго вульгарнаго манчестерства. Онъ отрицалъ существованіе прибыли на капиталъ и полагалъ, что капиталъ, какъ сбереженіе труда, долженъ принимать участіе „въ общемъ вознагражденіи", и что Бастіа лучше усвоилъ себѣ экономическія категоріи, чѣмъ Лассаль. Однако, и къ этой плоской мудрости можно было отнестись мягче съ того момента, какъ сочиненіе Лассаля попало въ руки государственнаго соціализма милостью Бисмарка. Въ то время, какъ Лассаль разработалъ свою теорію пріобрѣтенныхъ правъ, видя, что законодатели уклонялись отъ ясныхъ требованій ея „большею частью въ силу политическихъ и житейскихъ соображеній". Адель Вагнеръ построилъ на „превосходномъ сочиненіи" Лассаля свою „экономическую теорію экспропріаціи" и училъ, что даже тамъ, гдѣ собственно нѣтъ права на вознагражденіе—„можно давать его часто по соображеніямъ политики и житейскимъ". Этимъ вопросъ буквально возвращался къ старому запутанному состоянію, которое соотвѣтствовало интересамъ имущихъ и господствовавшихъ классовъ, изъ котораго Лассаль вырвалъ его путемъ необычайнаго умственнаго напряженія. Послѣ этого прусскій государственный соціализмъ, по свойственной ему странной логикѣ, призналъ за собою неоспоримѣйшее право разыгрывать изъ себя духовнаго преемника Лассаля.

Счастье, что Лассаль могъ оставить послѣ себя истинныхъ преемниковъ своего духа!

Глава восьмая.

Европейскій кризисъ 1859 года.

Лассаль работалъ еще надъ своимъ сочиненіемъ по философіи права, когда, подъ вліяніемъ большого торговаго кризиса 1857 года, началось новое политическое броженіе среди европейскихъ массъ. Какъ и десятью годами раньше, движеніе прежде всего проявилось въ Италіи и Франціи. Въ Италіи быстро разроставшееся народное движеніе направилось противъ австрійскаго чужеземнаго владычества, и савойская династія была достаточно хитра, чтобы воспользоваться этимъ движеніемъ и стать во главѣ его, рискуя даже собственнымъ существованіемъ. Во Франціи въ пролетаріатѣ проснулся старый революціонный духъ, и буржуазія начала роптать противъ бонапартизма за то, что онъ не могъ надолго обезпечить ей то, ради чего она охотно уступила ему политическое господство, т. е. хорошія дѣла.

Бонапартизмъ никогда не былъ свободнымъ открытіемъ геніальнаго ума, онъ не былъ таковымъ даже въ лицѣ Первой имперіи, когда могъ, по крайней мѣрѣ, гордиться своимъ геніальнымъ носителемъ. Что же сказать о Второй имперіи, когда носителемъ бонапартизма былъ весьма и весьма посредственный геній. Первый Наполеонъ исполнилъ завѣщаніе революціи, въ которой буржуазія разбила на голову феодализмъ. Третій Наполеонъ наслѣдовалъ революцію, въ которой буржуазія и пролетаріатъ истощили себя во взаимной борьбѣ. Французскій пролетаріатъ, достигшій уже высокаго развитія въ городахъ, но въ деревнѣ значительно уступавшій по численности мелкому крестьянству, былъ побѣжденъ въ великой борьбѣ съ буржуазіей, мѣщанствомъ и арміей. Но какъ буржуазія, такъ и мѣщанство истекли кровью въ этой борьбѣ и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ страданій сложили оружіе передъ истиннымъ побѣдителемъ въ іюльской

битвѣ, т. е. передъ арміей и классомъ, изъ котораго, главнымъ образомъ, вербуется армія, передъ мелкими крестьянами, которымъ захотѣлось наконецъ отдохнуть отъ городскихъ крамольниковъ. И военный деспотизмъ воплотился въ имени Наполеона.

Сущность этого бонапартизма Энгельсъ изложилъ въ выраженіяхъ, которыя могутъ быть лишь ослаблены въ передачѣ другими словами. Вотъ они дословно: „Въ отношеніи рабочихъ, такъ же, какъ и капиталистовъ, бонапартизмъ отличается тѣмъ, что мѣшаетъ имъ наброситься другъ на друга. Другими словами, онъ защищаетъ буржуазію отъ насильственныхъ нападеній рабочихъ, способствуетъ мелкимъ мирнымъ стычкамъ между этими двумя классами, а въ общемъ—отнимаетъ и у того и у другого класса всякую тѣнь политической власти. Ни права союзовъ, ни права собраній, ни свободы печати. Всеобщее избирательное право подъ такимъ бюрократическимъ гнетомъ, что оппозиціонные выборы становятся почти невозможными. Самовластіе полиціи, неслыханное до сихъ поръ даже въ полицейской Франціи. При этомъ часть буржуазіи такъ же, какъ и рабочихъ, прямо покупается: одни—колоссальными кредитными аферами, при помощи которыхъ деньги мелкихъ капиталистовъ переводятся въ карманы крупныхъ, а другіе — колоссальными государственными постройками, которыя сосредоточиваютъ въ большихъ городахъ, на ряду съ естественнымъ, самостоятельнымъ пролетаріатомъ, искусственный пролетаріатъ, имперіалистическій, зависимый отъ правительства. Наконецъ, національной гордости льстятъ, будто бы, героическими войнами, которыя, однако, всегда ведутся съ высшаго начальственнаго разрѣшенія Европы противъ того, кто въ данный моментъ является козломъ отпущенія, и притомъ при такихъ условіяхъ, которыя заранѣе обезпечиваютъ побѣду“. Бонапартизмъ, какимъ его рисуетъ Энгельсъ, выросъ самъ собою изъ опредѣленныхъ общественныхъ отно-

шеній. И онъ всегда возрождается тамъ, гдѣ эти условія повторяются.

Торговый кризисъ 1857 года впервые показалъ, что за громкими обѣщаніями его скрывается безпомощная растерянность. Послѣ этого ручныя гранаты Орсини привели въ трепетъ ложнаго цезаря и заставили его въ паническомъ страхѣ издать законы объ общественной безопасности. Однако, эти законы никого не испугали, а только показали, что бонапартизмъ послѣ семилѣтняго существованія все еще не имѣетъ подъ собою твердой почвы. Для Бонапарта оставался еще одинъ путь къ спасенію, популярная война, которая носила бы тѣнь права и цивилизаторской миссіи и могла бы остановить нараставшія волны революціи. Противъ кого вести войну, это показали съ желательною очевидностью бомбы Орсини.

Союзъ Бонапарта съ савойской династіей съ цѣлью сломить насильственное владычество Австріи въ Италіи повелъ къ тому, что въ итальянскую революцію вмѣшался реакціонный элементъ. Національное объединеніе Италіи противорѣчило всѣмъ традиціямъ французской политики. Въ устахъ Бонапарта оно было открытою ложью, такъ какъ эта мнимая цѣль стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительными побужденіями, которыя толкнули его въ эту войну. Цѣль его была, прежде всего, ударить на общаго козла отпущенія, а этого козла онъ правильно видѣлъ въ Австріи. Хозяйничанье габсбургскаго деспотизма въ Италіи приняло размѣры европейскаго скандала. Со своими старыми реакціонными друзьями изъ священнаго союза онъ перессорился: съ Пруссіей изъ-за Ольмюца, съ Россіей изъ-за Крымской войны, и нѣкоторая дружба сохранилась лишь съ англійскими торіями. Ломбардія и Венеція, вырванныя изъ власти Австріи, должны были отойти къ Пьемонту, и въ вознагражденіе за это Бонапартъ выговорилъ себѣ Савойю и Ниццу. Все дальнѣйшее можно было пока

предоставить судьбѣ и ходу событій. Если бы удалось замѣстить австрійскія креатуры на тронахъ средней и южной Италіи членами почетной семьи Бонапартовъ, тѣмъ лучше. Но во всякомъ случаѣ итальянское единство не должно было идти дальше формъ новаго рейнскаго союза, который долженъ былъ соединить отдѣльныя итальянскія государства подъ почетнымъ президентствомъ папы и фактическимъ протекторатомъ Франціи.

Но освободителю народовъ на Сенѣ доставляла несравненно большія заботы, чѣмъ будущее устройство Италіи, локализація войны. Онъ столковался съ Россіей и могъ разсчитывать на нейтралитетъ Англіи. Но будетъ ли германскій союзъ безучастно смотрѣть па опасные удары, наносимые его главному вождю? Не сочтетъ ли онъ себя, напротивъ, обязаннымъ защищать внѣ-германскія владѣнія своихъ членовъ? А какъ скоро германскій союзъ соединится съ Австріей, то это, пожалуй, въ конецъ разстроитъ планы Бонапарта.

И Австрія поняла выгодную сторону такого положенія и начала проявлять лихорадочную пропаганду, чтобы втянуть въ войну германскій союзъ. Центромъ этой пропаганды была „Всеобщая Аугсбургская Газета“, дипломаты и стратеги которой доказывали воочію, что насильственное владычество Австріи въ Италіи въ интересахъ Германіи, что на берегахъ По защищается Рейнъ, и что вся Германія должна встать съ оружіемъ въ рукахъ за Австрію. Иначе, съ пораженіемъ этой передовой державы, она очутится безоружною лицомъ къ лицу съ болѣе могущественнымъ побѣдителемъ. Императорско-королевскія перья то въ самыхъ мрачныхъ краскахъ вызывали призракъ Іены, то давали волю самому пылкому фантазированью. Какъ говорилось дословно въ оффиціальныхъ манифестахъ, Австрія будто бы защищала отъ „крушенія“ самыя „священныя блага“. Она снаряжала крестовый походъ народовъ противъ декабрьскаго убійцы, обагреннаго кровью и

покрытаго позоромъ. Подъ австрійской эгидой должна была возникнуть великая средне-европейская держава, которая проявила бы всю первобытную мощь германскаго духа отъ Бельгіи, Голландіи и Эльзасъ-Лотарингіи до Венгріи и славяно-румынскихъ придунайскихъ странъ и держать въ уѣздѣ, съ одной стороны, романскіе, а съ другой—славянскіе народы. Однако, французская агитація не уступала этой австрійской пропагандѣ и была такъ же мало разборчива въ средствахъ. Главнымъ трубачемъ ея былъ бывшій имперскій регентъ Карлъ Фохтъ, который былъ подкупленъ французскимъ золотомъ, какъ доказали росписки, найденныя впослѣдствіи въ Тюльери. Онъ прославлялъ бонапартизмъ, какъ освободителя угнетенныхъ народностей въ сочиненіяхъ, которыя отличались столько же безсмысленностью, сколько невѣжествомъ.

Подъ оплодотворяющей струей подобныхъ разглагольствованій вновь пробудился старый антагонизмъ между мало- и велико-германцами, увядшій было отъ собственнаго худосочія. Мало-германцы таяли отъ пѣнія бонапартистскихъ сиренъ; имъ былъ по сердцу способъ осуществленія итальянскаго единства, они издавна желали Гогенцоллернамъ сыграть роль савойской династіи. А, съ другой стороны, велико-германцы съ такимъ же, если не съ большимъ, увлеченіемъ гипнотизировали себя фантастическими перспективами, которыми манили ихъ авгуры Гофбурга.

Было бы слишкомъ лестно утверждать, что мало-германцы оказались болѣе дальнозоркими, чѣмъ велико-германцы. Правильнѣе сказать, что велико-германцы были еще болѣе близоруки, нежели мало-германцы. Послѣдніе желали, по крайней мѣрѣ, объединить большую часть Германіи, тогда какъ первые просто надѣялись отстоять нѣмецкую раздробленность. Прусскіе буржуа, крупные и средніе, нѣсколько шире смотрѣли на такъ называемыя историческія необходимости, чѣмъ баварскіе ультрамонтаны, швабскіе пар-

тикуляристы или даже франкфуртскіе биржевики, которыхъ патріотически бьющееся сердце трепетало въ австрійскихъ долговыхъ обязательствахъ ихъ кассъ. Нельзя отрицать, что были единичные велико-германцы, которые, по своему, честно понимали германскій патріотизмъ, какъ, напримѣръ, Бухеръ и Родбертусъ, а равно лейпцигскій историкъ Вутке. Однако, именно, сочиненія этихъ лицъ, относящіяся къ 1859 году, доказываютъ, сколько противорѣчій таилось въ велико-германскомъ направленіи. Вутке вернулся съ тайнаго совѣщанія велико-германскихъ главарей въ Резенгеймѣ съ угнетающимъ сознаніемъ, что южно-нѣмецкое дворянство пользуется лозунгами велико-германцевъ для того, чтобы утвердить свои привилегіи, противозаконно возстановленныя въ эпоху реакціи, и онъ публично протестовалъ противъ велико-германскихъ попытокъ, подкопаться подъ германскій парламентъ. Бухеръ же и Родбертусъ требовали, въ цѣломъ рядѣ летучихъ листковъ, германскаго единства въ формѣ союзной директоріи. Пруссія и Австрія должны были входить сюда, какъ бы по праву рожденія, а третій членъ избираться государями, предсѣдательство же и резиденція чередоваться между Вѣной, Берлиномъ и Франкфуртомъ. То была реакціонная утопія, въ сравненіи съ которой даже союзный сеймъ имѣлъ преимущество, какъ реальность, хотя и весьма жалкая.

Однако, независимо отъ партійныхъ раздоровъ между мало- и велико-германцами въ нѣмецкихъ народныхъ массахъ росло національное движеніе, отличавшееся первобытною мощью. Общія причины его были тѣ же, которыя, вообще, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ призывали европейскіе народы къ новой жизни. Но первымъ вѣтромъ, который раздулъ вспыхивавшее пламя, было нападеніе французовъ на Австрію. Инстинктивное и, въ своемъ родѣ, справедливое чувство, что искатель приключеній на французскомъ тронѣ только тогда можетъ разсчитывать на сколько-нибудь

прочное существованіе, когда онъ захватитъ лѣвый берегъ Рейна, что нѣмецкому Михелю всегда приходится расплачиваться, когда другіе люди подерутся изъ-за вопросовъ, не имѣющихъ къ нему никакого отношенія; это чувство еще болѣе обострилось отъ сознанія безпомощности, отъ жестокаго сознанія, что нѣмецкій народъ попрежнему остается безправнымъ и не имѣетъ органа для проявленія своей воли. Ни органа воли, ни даже мѣста, гдѣ можно было бы сговориться относительно своихъ дѣйствительныхъ интересовъ. Но, именно, благодаря своему инстинктивному возникновенію, такое національное движеніе отличалось тѣмъ большею смутностью. Поэтому, оно легко могло сдѣлаться жертвою мало- и велико-германскихъ лозунговъ. Энгельсъ, Марксъ и Лассаль пытались пролить свѣтъ для того, чтобы предупредить, именно, эту опасность.

Первымъ выступилъ Энгельсъ со своимъ сочиненіемъ: „По и Рейнъ“, для котораго Лассаль нашелъ ему издателя въ лицѣ Франца Дункера. Въ этомъ сочиненіи Энгельсъ старался разсѣять фантазіи велико-германско-австрійской пропаганды. Онъ не имѣлъ въ виду долго останавливаться на „защитѣ священнѣйшихъ благъ“ отъ „крушенія“! Да это и не нужно было, такъ какъ въ пятидесятыхъ годахъ нѣмецкій филистеръ не падалъ еще такъ низко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, чтобы его можно было одурачить подобными лозунгами. Энгельсъ ограничился насмѣшкой по поводу средне-европейской великодержавной теоріи, но остановился гораздо подробнѣе на излюбленномъ положеніи велико-германцевъ, что защищать Рейнъ нужно на По. Опровергнулъ онъ его доводами военнаго характера, что Германія совсѣмъ не нуждается хотя бы въ клочкѣ Италіи для своей защиты и что Франція, если руководиться одними лишь военными соображеніями, имѣетъ еще, конечно, болѣе сильныя притязанія на Рейнъ, нежели Германія на Минчіо.

И Энгельсъ аргументировалъ такъ логично и неотразимо, что его анонимная статья была всѣми принята за трудъ высокопоставленнаго и превосходно знакомаго съ вопросомъ военнаго. Это заблужденіе перешло даже въ новѣйшія сочиненія по исторіи.

Столь же логично и неотразимо Энгельсъ доказалъ, что и съ политической точки зрѣнія германскіе интересы требуютъ не сохраненія, а упраздненія австрійскаго чужеземнаго господства въ Италіи. Онъ называлъ подобнаго рода господство „неслыханнымъ въ цивилизованныхъ странахъ“. Доколѣ оно продолжается, Италія вынуждена быть союзницей Франціи противъ Германіи. Если австрійцы писали, что у Германіи иное назначеніе, чѣмъ быть громоотводомъ отъ ударовъ грома, собиравшихся надъ головою бонапартовой династіи, то съ такимъ же правомъ итальянцы могли сказать, что Италія точно также имѣетъ иное назначеніе, чѣмъ служить нѣмцамъ буфферомъ противъ ударовъ, которые направляетъ на нихъ Франція, и въ благодарность за это получать палочные удары отъ австрійцевъ. Нѣмцамъ болѣе, чѣмъ кому-либо, слѣдовало быть осторожными и касаться пристрастной темы о политической неспособности итальянцевъ. „Вмѣсто того, чтобы пробовать нашу силу въ обладаніи чужой страной и въ угнетеніи чуждой національности, у которой одно лишь предубѣжденіе можетъ оспаривать право на будущность, не лучше ли намъ позаботиться о томъ, чтобы у себя дома быть сильными и едиными“. Единой Германіи едва ли когда-нибудь придется спорить съ единой Италіей. Наоборотъ, ея вліяніе въ Италіи будетъ сильно, такъ какъ для итальянцевъ часто помощь Германіи окажется необходимою противъ Франціи.

Но этой критикой велико-германскихъ-австрійскихъ лозунговъ Энгельсъ, конечно, нисколько не игралъ въ руку бонапартизму,—онъ подчеркивалъ лишь то обстоятельство, что вопросъ о владѣніи Ломбардіей интересуетъ Германію и Италію, но не касается Луи-Напо-

леона и Австріи. „По отношенію къ третьему, который вмѣшивается ради своихъ собственныхъ, а въ другихъ отношеніяхъ—даже анти-германскихъ интересовъ, рѣчь идетъ о простомъ отстаиваніи провинціи, которую уступаютъ лишь по принужденію, о военной позиціи, которую очищаютъ, когда не могутъ болѣе удержать ее. Въ этомъ случаѣ политическій вопросъ сразу стушевывается передъ военнымъ; когда на насъ нападаютъ, то мы защищаемся". Въ національномъ движеніи, волной пробѣжавшемъ въ нѣмецкихъ массахъ, Энгельсъ усмотрѣлъ правильное чутье, что если По является для Луи-Наполеона предлогомъ, то конечною цѣлью его долженъ быть при всѣхъ обстоятельствахъ Рейнъ. Энгельсъ пошелъ навстрѣчу этому движенію; онъ хотѣлъ дать ему возможность вступить въ ожидаемый бой съ чистыми руками. Онъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе выводомъ, что нѣмцы совершили бы превосходную сдѣлку, если бы обмѣнить По, Минчіо, Эчъ и прочій итальянскій хламъ на единство, которое предохранило бы ихъ отъ повторенія Варшавы и Бронцеля и которое одно только можетъ сдѣлать ихъ могущественными и внутри и вовнѣ.

Энгельсъ опубликовалъ свою брошюру въ согласіи съ Марксомъ, который съ своей стороны доказывалъ въ „New York Tribune", что не въ германскихъ интересахъ продолженіе австрійскаго владычества въ Италіи, и въ то же время разоблачалъ бонапартистскія козни: бонапартистское освобожденіе Италіи это только предлогъ для того, чтобы поработить Францію, подчинить Италію государственному перевороту, расширить „естественныя границы" Франціи за счетъ Германіи, превратить Австрію въ орудіе Россіи и втянуть народы въ войну легитимной контръ-революціи съ незаконной. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ о европейскомъ кризисѣ 1859 года Марксъ и Энгельсъ изслѣдовали совокупное европейское положеніе во всѣхъ направленіяхъ. Они исчерпали всѣ вспомогательныя

средства науки, чтобы пролить свѣтъ въ самые скрытые уголки этого положенія. Одинъ только вопросъ они не ставили себѣ,—вопросъ о томъ, какъ отнесется національное движеніе въ Германіи къ своимъ ближайшимъ врагамъ и нѣмецкимъ государямъ? Этотъ вопросъ становился излишнимъ только въ томъ случаѣ, если бы франко-русская каолиція угрожала нѣмецкой націи непосредственной опасностью. Понятно, что всякій народъ долженъ прежде всего существовать, а уже потомъ рѣшать, какъ ему существовать. Но коль скоро такой непосредственной опасности не предвидѣлось, то упомянутый вопросъ является самымъ жгучимъ.

Здѣсь-то выступилъ Лассаль съ своимъ сочиненіемъ „Объ итальянской войнѣ и задачѣ Пруссіи". Оно появилось у того же издателя, что и брошюра Энгельса, и въ извѣстномъ смыслѣ дополняло ее. Если Энгельсъ говоритъ: „когда на насъ нападаютъ—мы защищаемся", то Лассаль добавляетъ: „но раньше нужно убѣдиться —дѣйствительно ли на насъ нападаютъ". Во всѣхъ принципіальныхъ вопросахъ Лассаль былъ согласенъ съ Марксомъ и Энгельсомъ: въ мнѣніи о необходимости объединенія Германіи и Италіи, о корыстной политикѣ Бонапарта, въ отрицательномъ отношеніи къ австрійскому хозяйничанью въ Италіи и внутренней пустотѣ бонапартистской и габсбургской пропаганды. Наконецъ, они сходились также во взглядахъ о неизбѣжности войны на случай, если будутъ затронуты германскіе интересы. Съ великогерманской и мало-германской буржуазіей Лассаль такъ же мало имѣетъ дѣла, какъ Марксъ и Энгельсъ; но въ чемъ онъ расходился съ ними, это—въ фактическомъ вопросѣ, дѣйствительно ли война въ верхней Италіи уже сейчасъ угрожаетъ германскимъ интересамъ? Лассаль, конечно, не былъ настолько близорукъ, чтобы видѣть поводъ къ войнѣ лишь съ того момента, какъ французскія войска перейдутъ нѣмецкую границу.

Для этого было бы достаточно, чтобы Бонапартъ обнаружилъ попытку къ завоеваніямъ въ Италіи для себя или для своей династіи. О, тогда германская нація должна вести войну — противъ бонапартизма, въ союзѣ съ итальянскимъ народомъ и съ демократическими инстинктами французской націи. Лассаль мыслилъ довольно непатріотично, когда онъ несравненно большее значеніе придавалъ этимъ союзникамъ, нежели союзу съ нѣмецкими государями. Если этимъ государямъ угодно было на собственный счетъ и страхъ объявить войну Франціи, хотя интересамъ Германіи не угрожала никакая серьезная опасность, а рѣчь шла только объ австрійскомъ насильственномъ владычествѣ въ Италіи, — другими словами, когда требовалось только ослабить Австрію, но не Германію, то противъ такой войны государей — Лассаль ничего не имѣетъ. Онъ даже горячо привѣтствовалъ ее, но при условіи, что національное движеніе выступитъ противъ такой династической контръ-революціонной войны и изъ неизбѣжныхъ превратностей ея извлечетъ революціонный капиталъ. Лассаль надѣялся, что въ подобной войнѣ нѣмецкимъ государямъ были нанесены чувствительные удары и что это обстоятельство необычайно благопріятствовало существеннымъ интересамъ германской націи. Но противъ чего Лассаль возставалъ самымъ отчаяннымъ образомъ, это—противъ французско-нѣмецкой народной войны, въ которой два великихъ культурныхъ народа материка крошили бы другъ друга во-имя національнаго лживаго кумира, а въ сущности только ради династическихъ интересовъ. Лассаль видѣлъ самую страшную опасность для европейской культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ—для всякихъ національныхъ и для всѣхъ революціонныхъ интересовъ, именно, въ популярной войнѣ противъ Франціи — въ войнѣ, которая не имѣла бы за собою жизненныхъ вопросовъ націи, а только лишь питалась бы болѣзненно-повышеннымъ національнымъ самолюбіемъ, за-

знавшимся патріотизмомъ и ребяческимъ французоѣдствомъ. Но такъ какъ, именно, такой войны можно было ожидать со дня на день, и такъ какъ даже наиболѣе лѣвые органы общественнаго мнѣнія, „Національная Газета“ и „Народная Газета“, толкали національное движеніе на такую войну, то Лассаль считалъ своимъ долгомъ противодѣйствовать этой грозившей опасности.

Въ своемъ сочиненіи онъ подробно доказываетъ, что Германіи, вообще, не угрожаетъ дѣйствительная опасность. Нѣмецкая нація чрезвычайно заинтересована въ томъ, чтобы итальянское стремленіе къ объединенію увѣнчалось успѣхомъ, и хорошее дѣло не становится еще дурнымъ оттого, что его беретъ въ свои руки дурной человѣкъ. „Если Луи-Наполеонъ беретъ въ свои руки великое и въ полномъ смыслѣ слова народное дѣло и если онъ этимъ желаетъ найти отзвукъ въ сердцахъ народовъ и на нѣсколько грошей увеличить свою популярность, то можно лишить его этихъ грошей, и тотъ успѣхъ, къ которому онъ стремится изъ личныхъ цѣлей — сдѣлать безполезнымъ, именно, для этихъ личныхъ цѣлей. Но возможно ли въ силу самаго обыкновеннаго житейскаго здраваго смысла обнажить теперь мечъ противъ самого дѣла? Какъ можно желать теперь борьбы противъ того, чего до сихъ поръ желали, жаждали, къ чему стремились?“ Съ одной стороны, мы имѣемъ плохого человѣка и хорошее дѣло, а съ другой — плохое дѣло; ну, а какъ же человѣкъ? Любопытно было бы знать, найдется ли такое скверное дѣло Луи-Наполеона, которому Австрія не сочувствовала бы! Если Луи-Наполеонъ имѣетъ за собой Кайенну, то развѣ Австрія не можетъ похвалиться кровавой баней въ Арадѣ или висѣлицей венгерскихъ генераловъ?...

А что касается упрековъ со стороны нѣмецкихъ партикуляристовъ и Пруссіи, то не подлежитъ сомнѣнію, на чью сторону вѣсы должны опуститься къ землѣ.

За Роберта Блюма, за Ольмюцъ, Гольштинію, Бронзелль отвѣтственъ не Луи-Наполеонъ". Для развитія демократіи австрійскій деспотизмъ является болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ бонапартизмъ. Первый—представляетъ застывшій реакціонный принципъ. Бонапартъ же, хотя и деспотъ самъ по себѣ, но, благодаря своему постоянному кокетничанью съ демократическими принципами, онъ самъ дѣлаетъ себя смѣшнымъ и положеніе свое невозможнымъ.

Для нѣмецкаго народа нѣтъ никакого интереса препятствовать ослабленію Австріи. Напротивъ, полный разгромъ Австріи является первымъ условіемъ для осуществленія германскаго единства. До сихъ поръ всѣ попытки къ объединенію Германіи разбивались о самостоятельную міровую позицію, которую заняла Австрія, опираясь на свои внѣ-германскія владѣнія. Въ тотъ день, когда Италія и Венгрія стали бы самостоятельными, 12-ть милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ были бы возвращены нѣмецкому народу — и тогда только они почувствовали бы себя нѣмцами, тогда только стала бы возможною единая Германія. О самомъ понятіи объ Австріи, какъ о государствѣ, Лассаль выражается такъ, что оно должно быть „разорвано въ куски, разбито, уничтожено, измельчено въ порошекъ, и что пепелъ его долженъ быть развѣянъ на всѣ четыре стороны. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшительно возстаетъ противъ всякаго толкованія этого положенія въ чисто прусскомъ смыслѣ. Онъ желаетъ лишь пробужденія нѣмецкаго сознанія. Онъ говорилъ бы точно также, если бы былъ австрійцемъ.

Далѣе Лассаль подробно развиваетъ, почему Луи-Наполеонъ не можетъ думать о завоеваніяхъ въ Италіи, еще менѣе о войнѣ — за обладаніе Рейномъ. Какъ ни ограниченъ этотъ человѣкъ, о которомъ въ Европѣ имѣютъ, вообще, преувеличенное представленіе, онъ никогда не станетъ задаваться такими нелѣпыми, такими невыполнимыми завоевательными планами, не

соотвѣтствующими всему его положенію. Самое большее, къ чему онъ долженъ стремиться, это—присоединеніе Савойи къ Франціи. Это присоединеніе раньше или позже должно вѣдь наступить, такъ какъ Савойя—французская и по языку, положенію и по образу мысли и по условіямъ сообщенія. И возражать противъ этого нельзя будетъ ничего съ того момента, какъ Германія получитъ компенсацію, уравновѣшивающую это расширеніе Франціи.

Но допустимъ болѣе чѣмъ невѣроятный случай, что Бонапартъ все же увлечется фантастическими завоевательными планами. Какое же основаніе для нѣмцевъ такъ трусливо бояться этого, поднимать такой отчаянный крикъ и напоминать о Іенѣ? Какъ и Энгельсъ до него, Лассаль осмѣиваетъ забавныхъ патріотовъ, въ глазахъ которыхъ дни Іены являются нормальнымъ мѣриломъ нашей національной силы; и что же,—отъ чрезмѣрнаго страха мы прямо переходимъ къ безразсудной смѣлости! Изъ-за того, что мы опасаемся по меньшей мѣрѣ недоказаннаго и въ высшей степени невѣроятнаго нападенія французовъ на Германію, мы науськиваемъ на Францію и желаемъ превратить невѣрное зло въ несомнѣнное, превратить вѣроятность, которой боимся, въ реальную дѣйствительность. Мало того, этимъ мы еще болѣе увеличиваемъ бѣдствія, которыя пока только находятся въ перспективѣ. Вѣдь ясно, что отражая французское нападеніе, Германія можетъ развить и разовьетъ совершенно иныя силы, чѣмъ если она сама нападетъ на Францію: въ послѣднемъ случаѣ французская нація сплотится вокругъ Бонапарта и только лишь укрѣпитъ его фронтъ.

Яркими красками рисуетъ Лассаль послѣдствія народной войны между Германіей и Франціей. Онъ категорически подчеркиваетъ, что не всякая война между двумя народами должна имѣть столь роковыя послѣдствія, хотя она была бы при всѣхъ обстоятельствахъ печальнымъ событіемъ. Война, которая съ обѣихъ

сторонъ или хотя бы, съ одной стороны, была бы войною, собственно, кабинетовъ, какъ это было, напр., до Седана, не имѣла бы такихъ послѣдствій. Но такова была бы война, которая не имѣла бы за собою никакихъ національныхъ интересовъ нѣмецкаго народа, но въ то же время воспламенила національное чувство и расположила бы на свою сторону общественное мнѣніе Германіи, — стало быть, война, какъ она велась послѣ Седана и какой желали въ 1759 году' мнимые главари 'демократіи. „Какъ можно не замѣчать съ демократической точки зрѣнія, что подобная война была бы самымъ враждебнымъ для культуры событіемъ, какое только мыслимо представить себѣ? Доброе согласіе между обѣими великими культурными націями, нѣмцами и французами,—вотъ пунктъ, отъ котораго безповоротно зависитъ всякая политическая свобода, всякій прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ, увеличеніе и осуществленіе суммы духовнаго запаса, словомъ, все демократическое развитіе и все культурное развитіе вообще. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, теперь, когда снова вспыхиваетъ французоѣдство, долженъ громко говорить объ этомъ всякій, кто хоть сколько-нибудь понимаетъ ходъ исторіи европейской культуры. Отъ этого пункта зависитъ не только судьба опредѣленной націи, это — жизненный вопросъ совокупной европейской демократіи! Если снова разбудить укрощеннаго, наконецъ, кровожаднаго тигра національной ненависти между этими двумя народами, то, быть можетъ, на цѣлыхъ 3 десятилѣтія будетъ сломлено всякое культурное движеніе, заторможено всякое политическое развитіе. И тогда наступитъ помраченіе умовъ, и широко раскроются двери для всевозможной мрачной маккіавелистской политики кабинетовъ. И вмѣсто внутренняго развитія на знамени народовъ будетъ написано стремленіе къ варварскимъ завоеваніямъ и взаимному уничтоженію; это была бы самая грандіозная побѣда, какую одерживалъ реакціонный принципъ съ

марта 1848 года съ неисчислимыми послѣдствіями!" Какъ глубоко и истинно это пророчество — не приходится говорить поколѣніе спустя послѣ Седана.

Въ этомъ, именно, заключается центръ тяжести сочиненія Лассаля, а не въ послѣднемъ отдѣлѣ, гдѣ его часто искали. Освѣтивъ роковый ложный путь, на который желало вступить національное движеніе, Лассаль, для того, чтобы вставить послѣдній камень въ цѣпь своихъ аргументацій, долженъ былъ отвѣтить на вопросъ: какой же путь должно избрать это движеніе, разъ оно существуетъ,—что Лассаль признавалъ, такъ же, какъ и Марксъ и Энгельсъ. Онъ охарактеризовалъ этотъ правильный путь слѣдующими словами: „Единственнымъ достойнымъ и великимъ, равно соотвѣтствующимъ интересамъ нѣмецкой націи и Пруссіи, было бы слѣдующее заявленіе Пруссіи: Наполеонъ желаетъ передѣлать карту на югѣ Европы согласно принципу націонализма? Прекрасно. Но мы сдѣлаемъ то же самое на сѣверѣ. Наполеонъ освободитъ Италію? Согласны. А мы возьмемъ Шлезвигъ и Голштинію. И одновременно съ этимъ заявленіемъ мы посылаемъ наши войска въ Данію". Въ такой войнѣ демократія Пруссіи можетъ и будетъ нести знамя. Если же прусское правительство будетъ колебаться и ничего не сдѣлаетъ, то этимъ будетъ еще и еще разъ доказано, что монархія въ Германіи неспособна болѣе на національное дѣло. Если, наконецъ, прусское правительство при отсутствіи опасности, которая грозила-бы національнымъ интересамъ, втянетъ Германію въ истребительную народную войну съ Франціей, то она встрѣтитъ противъ себя демократію.

Благодаря двумъ ошибкамъ, очень распространеннымъ, хотя и не состоятельнымъ, сочиненіе Лассаля было неправильно понято. Когда, послѣ битвы при Кениггрецѣ, одинъ національно-либеральный государственный человѣкъ сталъ искать средствъ для утѣшенія своей встревоженной совѣсти и натолкнулся на Лас

салеву брошюру, то онъ тотчасъ протрубилъ на весь міръ, что германская политика Бисмарка имѣетъ прочную защиту въ лицѣ національнаго революціонера Лассаля. Изъ этого партійно-политическаго шахматнаго хода выросла мало-по-малу легенда, будто бы Лассаль и брошюру свою написалъ для того, чтобы проложить путь для прусской сепаратистской политики, которой впослѣдствіи держался Бисмаркъ. Но этотъ бредъ не трудно разсѣять.

Когда въ 1863 году смерть датскаго короля снова выдвинула на очередь Шлезвигъ - Голштинскій вопросъ, то вновь возникло національное движеніе, отличавшееся отъ предшествовшаго движенія въ 1859 году тѣмъ, что оно поставило себѣ совершенно определенную цѣль: отдѣленіе Эльбскихъ герцогствъ отъ Даніи или, другими словами, уничтоженіе Лондонскаго протокола отъ 8 мая 1852 года, въ которомъ великія державы самовластно измѣнили порядокъ престолонаслѣдія въ Шлезвигъ-Голштиніи въ пользу датскаго королевскаго дома. При этомъ выступилъ, наконецъ, въ видѣ противоположныхъ полюсовъ одной и той же бюргерской тупости, антагонизмъ между велико- и малогерманскою политикою. Общими усиліями имъ удалось навязать популярному движенію противъ датскаго владычества положительную программу сомнительной цѣнности, именно, признаніе августенбургскаго наслѣднаго принца герцогомъ Шлезвигъ - Голштиніи, т. е. признаніе княжескаго права, законность котораго не могла болѣе считаться безупречною съ тѣхъ поръ, какъ оно было продано отцомъ наслѣднаго принца за кругленькую сумму. Но не въ этомъ видѣлъ затрудненіе Бисмаркъ, или, по крайней мѣрѣ, это стѣсняло его лишь постольку, поскольку онъ надѣялся обойти Августенбурга въ пользу прусской короны. Но что особенно приводило его въ ярость, это—самая суть народнаго движенія — требованіе разорвать Лондонскій протоколъ. И Бисмаркъ началъ свою національную

политику съ того, что объявилъ законнымъ документомъ это торжественное запротоколированіе нѣмецкаго позора.

Опираясь въ своей шлезвигъ-голштинской политикѣ на тотъ фактъ, что Данія не выполнила обязательствъ, возложенныхъ на нее лондонскимъ протоколомъ, онъ этимъ самымъ призналъ законность его; Бисмаркъ нисколько не желалъ вооружать противъ себя ту или другую изъ великихъ державъ; ему хотѣлось лишь при помощи дипломатическихъ ухищреній проскользнуть между всѣми ими, чтобы заполучить Шлезвигъ-Голштинію для прусской короны. Чтобы склонить на свою сторону Австрію, онъ добивался союза съ нею, и привлекъ Говбургъ къ участію въ надлежащемъ контролѣ надъ національнымъ движеніемъ. Россію онъ смягчилъ тѣмъ, что отдалъ себя въ распоряженіе царскаго деспотизма въ качествѣ палача польскаго возстанія. Замедляя переговоры съ Франціей по поводу пограничныхъ полосъ, онъ разжигалъ въ этомъ направленіи бонапартистскій аппетитъ. Единственнымъ сколько-нибудь серьезнымъ противникомъ оставалась Англія, относительно которой не было сомнѣній, что одна она не вступится съ оружіемъ въ рукахъ за Данію. И все же если бы датскій кабинетъ послѣдовалъ совѣту англійской дипломатіи и согласился отказаться отъ включенія Шлезвига въ датскую монархію, чѣмъ и былъ, главнымъ образомъ, задѣтъ лондонскій протоколъ, то геніальная политика Бисмарка имѣла бы тотъ славный результатъ, что эльбскія герцогства навсегда бы отошли въ датскія руки. Самый преданный поклонникъ Бисмарка среди прусскихъ историковъ удивляется, какъ могъ онъ рѣшиться на такое рискованное предпріятіе и основывать всю свою шлезвигъ-голштинскую политику на одномъ только ослѣпленіи Даніи. Самъ Бисмаркъ, правда, впослѣдствіи хвасталъ, что онъ больше всего гордится, именно, этой изъ своихъ дипломатическихъ

кампаній. Но, въ самомъ разгарѣ дѣла, въ его рѣчахъ слышались другія нотки. На другой день послѣ того, какъ датское упорство дало ему возможность отказаться отъ Лондонскаго протокола, онъ писалъ одному своему другу: „Чѣмъ больше отдаюсь я политикѣ, тѣмъ меньше становится моя вѣра въ человѣческіе разсчеты... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастаетъ мое чувство благодарности къ Всевышнему за то, что Онъ умѣетъ даже ошибки наши повернуть къ нашему благу. Въ этомъ я убѣждаюсь каждый день и это наполняетъ меня спасительнымъ смиреніемъ". Такія благочестивыя рѣчи были, вообще, не въ духѣ Бисмарка, и если онъ на этотъ разъ прославлялъ Господа, то это былъ невольный стонъ, вырвавшійся изъ самой глубины его сердца.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, вынужденъ ли былъ Бисмаркъ въ данной ситуаціи вести, именно, такую политику, или же въ его власти было направлять политику на иной путь. Во всякомъ случаѣ, ясно одно, что между политикой Бисмарка въ 1863 году и политикой Лассаля въ 1859 году существуетъ такая же разница, какъ между реакціонной и кабинетной войною и революціонной народной войной. Лассаль требовалъ прямо, чтобы Пруссія съ революціонною рѣшимостью разорвала Лондонскій протоколъ и клочки его бросила въ лицо европейскимъ великимъ державамъ. Она должна, наконецъ, доказать на дѣлѣ, что Германія способна самостоятельно управляться въ собственныхъ дѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не поразительное ли это сходство, если Бисмаркъ покупаетъ благоволеніе царскаго деспотизма добровольческими полицейскими услугами въ Польшѣ, въ то время какъ Лассаль желаетъ „изгнать этотъ злой духъ" возбужденіемъ возстанія въ Польшѣ. Словомъ, Лассаль требовалъ той же революціонной народной войны за Шлезвигъ-Голштинію, которую отстаивала 11-ю годами раньше „Новая Рейнская Газета". Несправедливо,

поэтому, ставить ему въ укоръ, что онъ изъ-за демагогическихъ побужденій совѣтовалъ войну, которой онъ вовсе не желалъ, увѣренный, что такой войны и не будетъ. Напротивъ, Лассаль очень желалъ этой войны, желалъ ее страстно, желалъ въ силу тѣхъ же соображеній, по которымъ, какъ онъ зналъ и не скрывалъ, она была невозможна для прусской короны, Не могла же эта корона вести войну, жертвою которой пала бы она сама. Она не была способна ни къ какому „національному дѣлу", потому что всякій „національный актъ" долженъ былъ начаться съ того, чтобы порѣшить съ нею самою.

Слѣдовательно, Лассаль отнюдь не рекомендовалъ ту нѣмецкую политику, которую велъ впослѣдствіи Бисмаркъ, но какъ разъ обратную. Притомъ же цѣль его была совсѣмъ не въ этомъ. Лассаль желалъ оградить національное движеніе отъ страшнаго промаха, и ложной цѣли, которую оно преслѣдовало, противоставлялъ правильный путь. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не скрывалъ, что при данныхъ условіяхъ эта цѣль на практикѣ не осуществима. Онъ говорилъ всколыхавшимся массамъ: если вы желаете вести національную политику, то заставьте государей дѣйствовать согласно вашимъ національнымъ интересамъ. Если же они для этото непригодны, то остерегайтесь, чтобы они въ свое очередь не сдѣлали васъ орудіемъ своихъ династическихъ интересовъ.

Лассаль дѣлалъ столь же мало уступокъ мало-германской, какъ и велико-германской, точкѣ зрѣнія,— даже въ требованіи разгромить Австрію, что по недоразумѣнію объясняли его мало-германскими симпатіями. Впрочемъ, и Энгельса обвиняли въ мало-германствѣ за то, что онъ не приходилъ въ восторгъ отъ австрійскаго насильничанія въ Италіи. Австрія была необходима для Европы и, именно, изъ этого догмата выросли, какъ мало-германскія, такъ и велико-германскія ошибки. Всѣ мало-германцы, отъ Гагерна до

Трейчке, оплакивали уничтоженіе Австріи, какъ „страшное несчастье“. И такъ какъ безъ этого уничтоженія нельзя было и мыслить о единой Германіи, то они готовы были довольствоваться раздробленной Германіей. Въ этомъ смыслѣ Лассаль какъ-то выразился позднѣе, что все мало-германство — чистѣйшая трусость, страхъ передъ серьезнымъ шагомъ, войной, передъ революціей, республикой и до нѣкоторой степени даже національная измѣна. Во всю свою жизнь, онъ не написалъ ни единаго слова, которое можно было истолковать въ пользу мало-германской партіи. Лассаль, подобно Марксу и Энгельсу, чуть ли не въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, проводилъ мысль, что единственное обстоятельство, которое со средины 18-го столѣтія оправдываетъ существованіе Австріи, какъ государства, это—безпомощное, непослѣдовательное, трусливое, но, тѣмъ не менѣе, упорное сопротивленіе, которое она оказывала поступательному движенію Россіи на востокѣ Европы. Но такое право на существованіе Австріи окончательно отпало бы, еслибы возникла самостоятельная Германія, самостоятельная Польша, самостоятельная Венгрія, которыя въ состояніи были бы оказать еще болѣе упорное, послѣдовательное и смѣлое сопротивленіе захватамъ царскаго деспотизма, нежели искусственное австрійское государство.

Тактика Лассаля была во всѣхъ отношеніяхъ честная, ясная, революціонная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правильная. Историческій ходъ вещей извѣстенъ. Прусскій принцъ, правившій уже нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ регента, колебался и медлилъ. Его реакціонная точка зрѣнія не могла бы примириться съ присоединеніемъ къ національному движенію, какъ это сдѣлала савойская династія. Пуститься же въ прусскую завоевательную политику за счетъ Австріи у него не то что не было желанія, но пока еще не хватало храбрости. Не будучи увѣренъ, на какой

ему сѣсть изъ стульевъ, предлагаемыхъ Франціей и Австріей, онъ, наконецъ, весьма энергично усѣлся между 2-хъ стульевъ. Онъ мобилизировалъ прусское войско, что было наполовину угрозою въ сторону Франціи; а вмѣстѣ съ тѣмъ — онъ заявилъ притязанія на самостоятельное верховное командованіе нѣмецкимъ союзнымъ войскомъ, что было наполовину угрозою противъ Австріи. Въ отвѣтъ на это послѣдовало шумное заявленіе французскаго правительства, что Пруссія стала на пути ея освободительной народной миссіи, и съ такимъ же трескомъ провозгласило австрійское правительство, что Пруссія тормозитъ его въ дѣлѣ защиты священнѣйшихъ благъ. Они самымъ поспѣшнымъ образомъ заключили миръ въ Вилафранкѣ и прусская политика еще разъ сдѣлалась всеобщимъ посмѣшищемъ на улицахъ Европы.

Однако, этотъ вопросъ имѣлъ не только комичную, но и серьезную сторону. Австрійское правительство оффиціозно объявило, что нежеланіе Пруссіи вести войну въ качествѣ австрійскаго вассала сдѣлало безусловно необходимымъ заключеніе мира цѣною отказа отъ Ломбардіи: невѣрная Ломбардія имѣетъ безконечно меньше цѣны, нежели сохраненіе австрійской гегемоніи надъ Германіей, другими словами — чѣмъ продолженіе нѣмецкой раздробленности. Этимъ было доказано, что нѣмецкая народная война противъ Франціи подъ управленіемъ Австріи была бы одинаково гибельна для нѣмецкаго народа, кто бы ни побѣдилъ — бонапартистскій или габсбургскій деспотизмъ. Съ своей стороны, корректный Бонапартъ объявилъ своему раболѣпному сенату, что продолженіе войны сопряжено было съ такимъ рискомъ, на какой государь можетъ рѣшиться лишь, когда на карту поставлена независимость собственной страны. Другими словами, это означало, что дальнѣйшая война превышала силы бонапартизма. Этимъ было доказано, что для французской лисицы рейнскій виноградъ висѣлъ очень

высоко. Наконецъ, послѣ прусской мобилизаціи царь послалъ адъютанта во французскую главную квартиру, чтобы настоять на заключеніи мира. Этимъ было доказано, что Россія была столь же мало подготовленна, какъ и Франція, къ мировой войнѣ, безъ которой нельзя было завладѣть ни Рейномъ, ни Константинополемъ, и что Германіи, вообще, не угрожала серьезная опасность,—точь-въ-точь, какъ предсказывалъ Лассаль въ своемъ сочиненіи. И факты, дѣйствительно, подтвердили, что онъ былъ правъ.

Въ слѣдующемъ году Марксъ, Энгельсъ и Лассаль въ особыхъ брошюрахъ еще разъ возвращаются къ европейскому кризису 1849 года. Лассаль въ своей статьѣ о политическомъ завѣщаніи Фохта, доказываетъ, что національное единство Германіи возможно лишь въ видѣ единой и недѣлимой республики, иначе Германія будетъ либо австрійская, либо прусская. А чего нація можетъ ожидать отъ своихъ государей, — объ этомъ онъ говоритъ въ чрезвычайно вѣжливой, но, тѣмъ не менѣе, весьма ясной формѣ. „Было бы глупо требовать идеальнаго рѣшенія, т. е. пожертвованія династическими интересами въ пользу національнаго единства отъ людей, духовная личность которыхъ, какъ и всѣхъ прочихъ людей, составляетъ опредѣленный продуктъ извѣстныхъ факторовъ, какъ-то: воспитанія, традицій, наклонностей и исторіи. Этого точно также не могъ бы сдѣлать и кто-нибудь изъ насъ, если бы его воспитаніе и образованіе исключительно опредѣлялось тѣми же факторами“.

Затѣмъ Марксъ въ своей брошюрѣ противъ Карла Фохта снова возвращается къ исторіи 1859 года. Бывшій имперскій регентъ, а теперь наемный писатель Бонапарта осыпалъ его самой жалкой клеветою, которая была подхвачена „Національной Газетой“ и распространена дальше. Марксъ пытался опровергнуть взведенныя на него обвиненія передъ прусскими судами, но потерпѣлъ неудачу, благодаря знаменитому

безпристрастію судей въ Берлинѣ. Эти судьи отказали изгнанному революціонеру въ его правѣ подъ самыми жалкими предлогами. Тогда Марксъ самъ взялъ на себя это право и учинилъ жестокій судъ надъ своими клеветниками въ рѣзко написанной брошюрѣ „Карлъ Фохтъ", которую Лассаль привѣтствовалъ, какъ „мастерское произведеніе". Въ этой брошюрѣ Марксъ не касается прямо спорнаго вопроса, возникшаго годомъ раньше между нимъ и Лассалемъ; почему не касается, объ этомъ онъ говоритъ въ предисловіи слѣдующее: „Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній я замѣчу лишь одно: люди, которые еще въ 1848 году согласны были въ томъ, что независимость въ Польшѣ, Венгріи и Италіи не только составляетъ право этихъ странъ, но совпадаетъ также съ интересами Германіи и Европы,—эти люди выставили совершенно противоположныя воззрѣнія по поводу тактики, которой должна держаться Германія въ отношеніи Луи-Бонапарта на случай итальянской войны 1859 года. Эта противоположность взглядовъ проистекала изъ неодинаковаго сужденія о фактическихъ данныхъ, оцѣнка которыхъ должна быть отложена до позднѣйшаго времени. Я, съ своей стороны, въ настоящей брошюрѣ считаюсь лишь со взглядами Фохта и его клики. Въ сферу моей критики не входитъ даже воззрѣніе, представителемъ котораго онъ будто бы является и которое онъ олицетворялъ въ воображеніи легковѣрной толпы. Я разбираю лишь тѣ взгляды, которые онъ, дѣйствительно, отстаивалъ". Но, разоблачая бонапартистское происхожденіе агитаціи Фохта, Марксъ вынужденъ былъ анализировать исторію предшествующаго года, и въ этомъ изслѣдованіи, которое и понынѣ остается чрезвычайно поучительнымъ, онъ приходитъ къ выводамъ, въ которыхъ фактически дѣлаетъ чрезвычайно крупные уступки тактикѣ Лассаля. Едва ли не убѣдительнѣе, чѣмъ самъ Лассаль, Марксъ доказываетъ, что

Бонапартъ въ состояніи былъ вести только локализированную войну.

Аналогичные взгляды были высказаны Энгельсомъ въ брошюрѣ о Савойѣ, Ниццѣ и Рейнѣ. Такъ, Энгельсъ доказываетъ, что Луи-Наполеонъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ царизма: послѣдній настоялъ на заключеніи мира въ Вилафранкѣ, потому что не въ состояніи былъ вести внѣшнюю войну, какъ вслѣдствіе истощенія страны, которая все еще не успѣла оправиться, такъ и броженія въ Русской Польшѣ и сопротивленія дворянства противъ отмѣны крѣпостного права. Чѣмъ вѣрнѣе все это было, тѣмъ меньше, стало быть, грозила опасностью для Германіи въ предшествующемъ году отъ коалиціи бонапартизма съ царизмомъ. Въ сущности, брошюра Энгельса являлась новымъ, и притомъ весьма цѣннымъ, военно-научнымъ трактатомъ относительно силы военной позиціи, которую завоевалъ бонапартизмъ, благодаря присоединенію Савойи и Ниццы, тогда какъ Лассаль едва касался этого важнаго вопроса въ своемъ сочиненіи.

Вообще, бросая ретроспективный взглядъ на весь этотъ споръ, мы должны прійти къ заключенію, что Марксъ и Энгельсъ понимали европейскую политику въ болѣе голубокой и широкой связи, нежели Лассаль. Но въ одномъ пунктѣ, именно — въ томъ, въ которомъ Лассаль расходился съ ними, онъ видѣлъ яснѣе и отчетливѣе,—а это былъ самый рѣшающій пунктъ для Германіи.

Глава девятая.

Прусскій конституціонный конфликтъ.

1. „Новая эра“ и министерство Бисмарка.

Событія 1859 года оказали сильное обратное дѣйствіе на положеніе дѣлъ въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Они разрушили идиллическія надежды, которыя возлагались на регентство прусскаго принца.

Въ настоящее время трудно представить себѣ тотъ восторгъ, съ какимъ буржуазный классъ привѣтствовалъ 60-тилѣтняго мужа, который до 1848 года былъ самымъ закоренѣлымъ защитникомъ абсолютизма и вполнѣ оправдалъ эту репутацію во время революціи. Его лично нельзя даже упрекнуть въ томъ, что онъ лицемѣрно льстилъ либеральнымъ взглядамъ, которыхъ у него и не было. Въ программѣ, съ которой онъ принялъ на себя регентство, онъ категорически заявлялъ, что о разрывѣ съ прошлымъ ни теперь и никогда не можетъ быть рѣчи; и только тамъ, гдѣ обнаружится произволъ или что-либо идущее въ разрѣзъ съ потребностями времени, онъ вмѣшается заботливой рукою и произведетъ необходимыя улучшенія. Однако, даже на подобныя заплаты не могло рѣшиться либеральное министерство. Все осталось по старому, совершенно такъ, какъ шло при Мантейфелѣ.

Единственное различіе заключалось въ томъ, что новые совѣтники короля лично были неподкупны и отказались отъ черезчуръ жестокихъ притѣсненій вѣрноподданныхъ. Впрочемъ, ихъ личная честность не имѣла ничего общаго съ политическою честностью. Когда юный писатель Вильгельмъ Эйхгофъ въ смѣлыхъ летучихъ листкахъ нѣсколько приподнялъ завѣсу, прикрывавшую полнѣйшую гниль полицейскаго государства, и когда даже въ берлинской судебной палатѣ нашелся прокуроръ, который, все равно изъ какихъ соображеній, обвинялъ спасителя государства Штибера въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ по службѣ, то уступчивые судьи оправдали Штибера, и онъ исчезъ со сцены, получивъ приличное вознагражденіе; прокуроръ же, выступившій противъ него съ обвиненіемъ, долженъ былъ оставить свой постъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ же послушные судьи приговорили Эйхгофа къ продолжительному тюремному заключенію за „оскорбленіе“, которое онъ причинилъ

хрупкой чести Штибера. Въ изгнаніи онъ искупалъ свою вѣру въ прусскую справедливость при либеральномъ правительствѣ.

Либеральные министры не могли тронуть и волоса у юнкерства, которое упорно окопалось въ палатѣ господъ, такъ же, какъ у бюрократіи. Принцъ прусскій удалилъ лишь двухъ или трехъ реакціонныхъ чиновниковъ, которые слишкомъ уже досадили ему лично. При новыхъ выборахъ въ ландтагъ, которые происходили въ самомъ началѣ регентства, ландраты вели себя хуже, чѣмъ когда-либо. Если они при министерствѣ Мантейфеля съ неподражаемой виртуозностью проводили систему министерскихъ кандидатуръ, то теперь они боролись, именно, съ этой системой, какъ съ достойнымъ проклятія ограниченіемъ конституціонной свободы выборовъ, а министерство притворялось, будто оно въ своей конституціонной невинности не понимаетъ этой кровной политики.

Зато либералы всѣхъ оттѣнковъ возмущались подобнымъ недостаткомъ вѣрноподданническаго образа мыслей, и они имѣли на это полное право. Сами они доказали, что этотъ Божій даръ отпущенъ имъ въ болѣе, чѣмъ достаточномъ количествѣ. Либерализмъ восторженно на всѣ лады привѣтствовалъ „новую эру“, хотя или, именно, потому, что онъ зналъ, какъ насмѣшливо выразился Валесроде, что нѣсколько конституціонный образъ правленія въ Пруссіи предполагался не ради самой конституціи, а лишь въ угоду принцу-регенту, и что Ауэрсвальды, Патовы, Шверины были призваны въ министры не вслѣдствіе ихъ либерализма, а въ виду безобидности ихъ либерализма, и что правленіе ихъ было въ лучшемъ случаѣ только поправкою къ режиму Мантейфеля. Тѣ, кто отказывалъ въ налогахъ въ 1848 году, теперь быстро прекратили свою политическую обструкцію и, за немногими исключеніями, зашли такъ далеко въ своемъ патріотическомъ самопожертвованіи, что признали самымъ дра-

гоцѣннымъ сокровищемъ конституціонализма трехклассную систему выборовъ; а между тѣмъ, именно, изъ-за этой системы они цѣлыя девять лѣтъ сидѣли, надувшись, по угламъ.

Рѣшивъ принять участіе въ выборахъ, они сами объявили себя неизбираемыми. Вальдекъ, Родбертусъ, Шульце-Деличъ отклонили кандидатуры для того, чтобы депутаты съ ихъ прошлымъ не поставили либеральныхъ министровъ въ затруднительное положеніе въ отношеніи реакціонной партіи. Эти корректные люди поступали такъ, какъ будто въ 1848 году они, дѣйствительно, были политическими поджигателями и цареубійцами, какими со злой ироніей рисовалъ ихъ Мантейфель; даже Іоганнъ Якоби отклонилъ кандидатуру, восхвалялъ „истинно-мужественное конституціонное" поведеніе регента и высказалъ свое „полное внутреннее убѣжденіе", что во всей демократической партіи не найдется ни одного человѣка, который даже во снѣ пожелалъ бы, а тѣмъ болѣе добивался бы активно для Пруссіи, другой формы правленія, чѣмъ монархической. Правда, онъ, какъ бѣлый воронъ, продолжалъ стоять за „равномѣрное избирательное право", но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ протестовалъ противъ того, что это есть „уплата долга", что это „требованіе должно быть немедленно удовлетворено", протестовалъ противъ „неприличной настойчивости", противъ „опредѣленнаго срока" или „предъявленія какихъ-либо условій". Въ томъ же смыслѣ „Народная Газета", самая радикальная для того времени, заявила, что кардинальный вопросъ демократіи — всеобщее и равное избирательное право — откладывается въ долгій ящикъ. Среди этого опьяненія довѣріемъ, которое не имѣетъ себѣ равнаго, только весьма немногіе буржуазные демократы, какъ Валесроде и Циглеръ, сохранили ясность мысли.

И вотъ почему, несмотря на всю агитацію ландратовъ, выборы прошли въ благопріятномъ для мини-

стерства смыслѣ: изъ 352 депутатовъ оно имѣло 263 приверженцевъ, большинство которыхъ плотно сомкнулось вокругъ борона фонъ Финке, который уже въ соединенномъ ландтагѣ проявилъ себя фокусническими рѣчами, касательно такъ называемой почвы права. Путь для либерализма былъ, такимъ образомъ, свободенъ; но не успѣлъ онъ ступить на него, какъ вспыхнула война 1859 года и стряхнула съ принца-регента единственный ореолъ, на который какъ будто опиралось его право — на либеральную репутацію. Хуже, чѣмъ онъ опозорилъ прусскую политику во время французско-австрійской войны, не въ состояніи былъ бы опозорить ее даже его романтическій братъ. Общее разочарованіе, завершившее національное движеніе, вылилось во всеобщую схватку между сѣверо-южно-германцами, католиками и протестантами, демократами и конституціоналистами. Но такъ какъ никто изъ споровшихъ не желалъ коснуться корня зла, именно — династическаго многовластія Германіи, то изъ этого кипѣвшаго котла вышелъ лишь призракъ или скорѣе тѣнь призрака — блаженной памяти имперская конституція 1849 года.

Вокругъ нея сгруппировался національный союзъ, который возникъ осенью 1859 года и опирался, главнымъ образомъ, на буржуазію среднихъ и мелкихъ государствъ. Президентомъ его былъ ганноверскій либералъ фонъ-Беннигсенъ. Программа союза, если оставить въ сторонѣ всѣ широковѣщательныя фразы, сводилась къ единству Германіи въ буржуазномъ духѣ. Національный союзъ хотѣлъ слить готцевъ и отказывавшихся платить налоги конституціоналистовъ и демократовъ въ одну высшую единицу, которая олицетворяла бы матеріальные интересы буржуазіи. Требуя, чтобы они отказались отъ всякихъ идеологій, онъ въ то же время не особенно церемонился съ идеологами имперской конституціи. Главное, чтобы существовала сильная центральная власть и вмѣсто союзнаго сейма—

германскій парламентъ, а для достиженія этой цѣли— инициіатива Пруссіи. Но такъ какъ моментъ былъ выбранъ весьма неудачный для провозглашенія Пруссіи спасительницей Германіи, то сдѣлано было еще нѣсколько оговорокъ въ томъ смыслѣ, что прусское правительство сперва должно оказаться достойнымъ оказываемой ему чести. Впрочемъ, такіе опытные дипломаты, какъ господинъ фонъ-Беннигсенъ подавали надежду, что съ ними можно будетъ сговориться, если только Пруссіи удастся среди германскаго хаоса установить ту мѣру порядка, которая соотвѣтствовала классовымъ интересамъ буржуазіи. Національный союзъ являлся въ области политики такимъ же зломъ, какъ экономическій конгрессъ въ экономической области.

А между тѣмъ, въ самой Пруссіи надвигались болѣе насущные вопросы. Первая сессія новаго періода ландтага въ 1859 году прошла безъ результатовъ, подъ гнетомъ европейскаго кризиса. Во вторую сессію либеральное министерство 1860 года выступило съ первымъ крупнымъ предложеніемъ своимъ — съ требованіемъ широкой военной реформы, которая прибавила къ государственному бюджету около 10 милліоновъ талеровъ ежегоднаго расхода. Вокругъ этой главной мѣры сгруппировалось нѣсколько скромныхъ законопроектовъ: о гражданскомъ бракѣ, о новомъ устройствѣ округовъ, о законодательномъ подраздѣленіи законодательныхъ округовъ. Но самый важный изъ этихъ проектовъ касался уничтоженія феодальныхъ изъятій отъ поземельнаго налога, и этимъ предполагалось, главнымъ образомъ, покрыть расходы по военной реорганизаціи.

Необходимость военной реформы, которую, какъ всѣмъ было извѣстно, отстаивалъ самъ принцъ-регентъ, опиралась на опытъ мобилизаціи 1859 года, и въ этой мѣрѣ она имѣла подъ собой твердую почву. Тяжелый вредъ, нанесенный арміи финансовыми затрудненіями домартовскаго абсолютизма, сказался уже послѣ мо-

билизаціи 1859 года и былъ въ значительной степени устраненъ при Монтейфелѣ. Но послѣдняя мобилизація показала, что прежняя чисто оборонительная мобилизація ландвера отжила и не можетъ устоять болѣе въ борьбѣ съ современными арміями. Относительно этого пункта не существовало сколько-нибудь серьезныхъ разногласій. Съ военно-технической точки зрѣнія нельзя было многаго возразить и противъ способа реорганизаціи, такъ же какъ и съ точки зрѣнія буржуазно-либеральной: въ глазахъ послѣдней прусская армія была мечемъ, которому надлежало ковать германское единство. Проектъ правительства почти осуществилъ на дѣлѣ всеобщую воинскую повинность, единственное демократическое учрежденіе, которое существовало въ Пруссіи, правда, только на бумагѣ. Высказанное въ немъ требованіе давать ежегодно 63,000 вмѣсто прежнихъ 40,000 рекрутовъ почти въ точности соотвѣтствовало приросту населенія съ 1815 до 1860 года. Такое увеличеніе нельзя считать чрезмѣрнымъ, такъ какъ въ этотъ промежутокъ богатство Пруссіи возросло еще сильнѣе, чѣмъ ея населеніе, и такъ какъ прочія европейскія великія державы за тотъ же періодъ въ гораздо большей мѣрѣ увеличили свои арміи. Не было также сомнѣнія въ томъ, что значительно повысится боевая способность арміи, какъ скоро срокъ службы въ линейныхъ войскахъ будетъ продленъ съ 5-ти до 7-ми лѣтъ (3 года въ строю и 4 года въ запасѣ), а служба въ ополченіи будетъ, наоборотъ, соотвѣтственно сокращена. Только противъ трехлѣтней службы въ строю (формально она еще существовала, но фактически съ 30-хъ годовъ была замѣнена 2-хлѣтней службой) можно было сдѣлать справедливое возраженіе, что она вытекаетъ отнюдь не изъ требованій военной техники, но изъ реакціонныхъ политическихъ соображеній.

До этого пункта преобразованіе арміи соотвѣтствовало желаніямъ либеральной буржуазіи, такъ какъ

ей, наконецъ, должно было сдѣлаться яснымъ, что единство, какъ она его понимала, неосуществимо безъ сильнаго прусскаго войска. Но кто давалъ ей ручательство въ томъ, что оружіе, отточенное при ея содѣйствіи, будетъ также служить ея цѣлямъ? Конечно, не принцъ-регентъ. Онъ еще во время кризиса 1859 года обнаружилъ колебаніе и нерѣшительность. Теперь же онъ выдвинулъ самый обветшалый признакъ легитимизма противъ итальянскаго движенія въ пользу единства. Какъ предсказывалъ Лассаль, это движеніе стряхнуло съ себя бонапартистскую опеку и, благодаря революціонной, геройской дѣятельности Гарибальди, разрушило прогнившій неаполитанскій тронъ. Не могло быть также гарантіей либеральное министерство, которое ежеминутно могло быть свергнуто тою же рукою, которая призвала его.

У всѣхъ было еще живо воспоминаніе, какъ торжественныя обѣщанія романтическаго короля заставить войско присягнуть конституціи воплотились на дѣлѣ въ статьѣ конституціи, которая запрещаетъ войску присягать послѣдней. Лассаль писалъ по этому поводу Марксу: „Позорный законъ! полное хотя и замаскированное уничтоженіе ландвера, этой послѣдней уцѣлѣвшей демократической твердыни 1810 года. А вмѣсто этого созданіе громаднаго орудія власти для абсолютизма и юнкерства—вотъ въ двухъ словахъ цѣль его“. У Лассаля было правильное чутье,—таково было и всеобщее впечатлѣніе. Крики о „военной негодности ландвера“ не впервые служили вступленіемъ къ новымъ реакціоннымъ изворотамъ. Въ 1819 году они сопровождали паденіе либеральнаго военнаго министра фонъ-Бойена, такъ же какъ и теперь паденіе либеральнаго министра фонъ-Бонина, вмѣсто котораго въ либеральный кабинетъ, какъ рвущій клинъ, внѣдрился генералъ фонъ-Роонъ, глубокій реакціонеръ. Принцъ-регентъ, менѣе чѣмъ кто-либо, забылъ, что въ революціонные годы позиція, принятая

ландверомъ, сильно помѣшала употребленію войска для цѣлей государственнаго переворота и что въ будущемъ она еще больше можетъ помѣшать имъ. Преслѣдуя свои собственныя цѣли, онъ думалъ скорѣе о чемъ угодно, только не объ интересахъ буржуазіи. Помимо его личной симпатіи къ солдатчинѣ, его главнымъ стимуломъ было укрѣпленіе его собственной власти внутри и внѣ. Но только для этого выбрасывать ежегодно 10 милліоновъ нисколько не соотвѣтствовало желаніямъ буржуазіи, не говоря уже о сотнѣ другихъ соображеній, которыя должны были до глубины души возмущать ее противъ столь „непроизводительныхъ“ расходовъ.

Она очутилась, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеніи, но отнюдь не въ тупикѣ, изъ котораго не было выхода. Принцъ-регентъ не могъ бы рѣшиться провести безъ согласія ландтага мѣропріятіе, такъ глубоко затрагивающее интересы массъ. Ему тѣмъ болѣе пришлось дорожить расположеніемъ палаты депутатовъ, что палата господъ хотя и не возставала противъ военной реформы, обѣщавшей юнкерству новыя опоры власти, но сильно возмущалась противъ регулированія поземельнаго налога, предполагавшагося въ качествѣ финансоваго фундамента этой реформы. Она цѣликомъ отвергла этотъ законопроектъ вмѣстѣ со всѣми прочими второстепенными законопроектами министерства. Большинство же палаты депутатовъ могло одобрить реорганизацію арміи, предложенную принцемъ-регентомъ, только при условіи, если эта реорганизація будетъ больше соотвѣтствовать ихъ цѣлямъ, нежели его видамъ, и если прусскому парламентаризму будетъ, наконецъ, обезпечена хотя бы частица реальной власти. Вѣроятно, это былъ бы длительный и упорный торгъ. Но если либеральная буржуазія не умѣетъ побѣждать своихъ противниковъ даже въ просьбахъ и требованіяхъ, то на что же она, вообще, способна? Положеніе было такъ ясно, что даже

Мантейфель, котораго нельзя, конечно, обвинить въ избыткѣ проницательности, выразился тогда: Если либералы сумѣютъ воспользоваться военнымъ вопросомъ, то они навсегда оттѣснятъ насъ отъ кормила правленія".

Однако, его опасенія были совершенно неосновательны. Палата депутатовъ держалась въ отношеніи министерства того же храбраго девиза, какъ и министерство въ отношеніи принца-регента: только не настаивать! Трусливыя буржуазныя сердца нашли для себя удобнымъ прикрыться упорствомъ юнкеровъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣ отклоненія вопроса о поземельномъ налогѣ палатою господъ военная реорганизація все равно откладывается въ долгій ящикъ, палата депутатовъ не отвѣчала прямо: ни „да" ни „нѣтъ" и приняла лишь „вотумъ довѣрія" къ „почтеннымъ" министрамъ въ формѣ чрезвычайнаго кредита въ 9 милліоновъ талеровъ, дабы въ виду опаснаго положенія поддержать „дальнѣйшую боевую готовность". Само собой разумѣется, что и принцъ-регентъ и его реакціонный военный министръ понимали подъ „дальнѣйшей боевой готовностью" не что иное, какъ введеніе реорганизаціи арміи. Совершивъ такую, поистинѣ, колоссальную глупость, палата депутатовъ, конечно, проиграла игру. Какъ ни трудно было или даже невозможно для принца-регента провести военную реформу въ жизнь противъ воли народнаго представительства, но столь же трудно или невозможно было для палаты депутатовъ вычеркнуть ее, разъ она была налицо. У прусскаго парламентаризма не хватило силъ, чтобы перевести нѣсколько сотъ батальоновъ, эскадроновъ и батарей изъ реальной дѣйствительности обратно на роль бумажнаго существованія.

Въ январѣ 1861 года безумный король скончался, и принцъ-регентъ вступилъ на престолъ подъ именемъ короля Вильгельма I. Жалкая амнистія, полная политическихъ заднихъ мыслей и оговорокъ, доста-

точно доказывала, сколь малому научился новый властитель и какъ мало онъ забылъ. Чего могло ожидать германское единство отъ государя, который продолжалъ считать славнымъ дѣломъ позорное подавленіе Баденскаго возстанія? Храбрые борцы, которые, какъ показалъ мстительный приговоръ военнаго суда, рисковали кровью и жизнью за идеи единства, могли вернуться на родину только тогда, если подадутъ унизительную просьбу о помилованіи! Юнкеры поняли, что пришла ихъ пора. За хорошія слова короля и крупныя деньги плательщиковъ налоговъ они позволили теперь выкупить феодальную свободу отъ поземельнаго налога и этимъ доказали, что только на нихъ корона можетъ разсчитывать, какъ на твердую опору. Нѣсколько мелкихъ законопроектовъ министерства они снова бросили въ бумажную корзину, отчего нисколько не умалилась милость короля къ нимъ. А между тѣмъ, палата депутатовъ и въ третьей и въ послѣдней своей сессіи не могла придумать ничего лучшаго, какъ снова принять въ чрезвычайномъ бюджетѣ расходы по военной реорганизаціи подъ рубрикой „дальнѣйшей боевой готовности“. Парламентъ разошелся подъ аккомпаниментъ громкой болтовни Финке, восхвалявшаго его геройскіе подвиги. А подвиги эти сводились къ тому, что изъ либеральныхъ реформъ не прошла, собственно, ни одна, но зато была основательно проведена военная реформа и установилось доброе согласіе между королемъ и юнкерствомъ.

Мало-по-малу, однако, у избирателей все же стали открываться глаза на эти дѣянія либерализма. Недовольство ихъ росло по меньшей мѣрѣ съ такой быстротой, какъ и раздражительность короля. Небольшая группа депутатовъ восточной Пруссіи, которымъ Финке далъ презрительную кличку младолитовцевъ, еще въ ландтагѣ возстала противъ самоубійственной политики большинства. По окончаніи же сессіи она сплотилась вмѣстѣ съ старыми представителями 1848 года,

до сихъ поръ уклонявшимися отъ выборовъ, въ одну замкнутую организацію для новыхъ выборовъ. 9-го іюня 1861 года новая партія обнародовала свою программу. Она прикрыла себя именемъ нѣмецкой прогрессистской партіи и имѣла полное основаніе отречься отъ честнаго имена демократіи. Основныя положенія ея не выходили изъ предѣловъ буржуазнаго либерализма. Демократическія требованія, въ которыхъ на ряду съ буржуазіей принимались бы во вниманіе также интересы пролетаріата, она обходила многозначительнымъ молчаніемъ. Такъ, прежде всего, послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны Берлина, Кенигсберга и Кельна, было отвергнуто на предварительныхъ совѣщаніяхъ всеобщее избирательное право; а за нимъ и свобода печати и союзовъ. Программа новой партіи не сдѣлала ни одного возраженія противъ реакціонныхъ искаженій этой послѣдней. Выполненіе этой мантейфельщины программа отдавала лишь въ руки буржуазнаго класса, требуя „возстановленія компетенціи суда присяжныхъ для политическихъ преступленій и проступковъ по дѣламъ печати“.

Всѣ главныя положенія программы: вѣрность королю и конституціи, прочное единство Германіи, которое было немыслимо безъ сильной центральной власти и безъ общаго нѣмецкаго народнаго представительства, реформа палаты господъ, отвѣтственность министровъ, ограниченіе всевластія бюрократіи, упраздненіе вотчинной полиціи, бóльшая бережливость въ военномъ дѣлѣ, двухлѣтняя военная служба, развитіе экономическихъ силъ и прочее,—все это были односороннія требованія буржуазіи, направленныя своимъ остріемъ противъ бюрократіи и феодализма. Даже самыя скромныя требованія рабочаго класса были отвергнуты съ черствымъ безстыдствомъ, точно ихъ совсѣмъ не существовало. По существу дѣла новая партія ничѣмъ не отличалась отъ фракціи Финке, которой она ставила лишь въ вину, что она недо-

статочно сдѣлала. Сама она желала лишь больше „настаивать“, но въ остальномъ не имѣла въ виду дѣлать „принципіальной оппозиціи“ министерству новой эры. И дѣйствительно—тѣ старые дѣятели 40-хъ годовъ, которые имѣли еще нѣкоторое право называть себя демократами, воспротивились быть воспріемниками новорожденнаго младенца. Бухеръ, Родбертусъ, Циглеръ и даже Вальдекъ не подписались подъ программой. Изъ вожаковъ берлинскаго національнаго собранія 1848 года подписали ее только Унру и Шульце-Деличъ. Изъ новыхъ политическихъ величинъ, которыя вмѣстѣ съ ними подписались, выдѣляется въ особенности профессоръ Вирховъ. Слава, которую онъ завоевалъ себѣ въ области науки, нисколько не препятствовала ему проникнуться всѣми буржуазными предразсудками.

При всей своей безобидности эта новая партія вызывала въ воображеніи короля, напуганнаго событіями 18-го марта, представленіе о баррикадахъ. Онъ точно бредилъ, когда говорилъ о „стремленіяхъ“, могущихъ снова вызвать „прежнюю злополучную смуту“. И въ отвѣтъ на это онъ издалъ 3-го іюля манифестъ, въ которомъ возвѣщалъ, что желаетъ торжественнымъ коронованіемъ въ Кенигсбергѣ подтвердить священныя и навѣки непоколебимыя права короны Божіей милостью. Это былъ языкъ Фридриха-Вильдельма IV съ той лишь разницей, что предшественникъ былъ гораздо опытнѣе въ этихъ дѣлахъ, нежели пріемникъ. Талантливый романтикъ въ подобнаго рода случаяхъ всегда умѣлъ подыскать то или иное блестящее слово тогда какъ трезвый солдатъ былъ способенъ только на самые грубые вызовы. Во время коронаціи онъ призывалъ войско противъ всѣхъ враговъ, „съ какой бы стороны они ни появились“. Представителямъ ландтага онъ крикнулъ, что „корона исходитъ только отъ Бога“, и что онъ „приметъ ее съ престола Божьяго и возложитъ на свою главу“. Къ этому онъ прибавилъ,

что ландтагъ долженъ „давать совѣты коронѣ“ и не только не смягчилъ, а еще рѣзче подчеркнулъ эту фразу, направленную противъ конституціонныхъ полномочій ландтага, милостиво снисходительнымъ обѣщаніемъ, что онъ готовъ слушать эти совѣты. Терпѣніе избирателей истощилось, и во время новыхъ выборовъ прогрессистская партія сразу получила 161 мандатъ. Прежнее и министерское большинство вынуждено было удовлетвориться 95-ю мѣстами, которыя большей частью принадлежали наиболѣе рѣшительнымъ членамъ его. Вмѣсто Финке, который на этотъ разъ не былъ избранъ, руководителемъ его сталъ Грабовъ, бывшій президентъ національнаго собранія 1848 года, который довольно сильно симпатизировалъ прогрессистской партіи и на этотъ разъ былъ даже избранъ въ президенты палаты депутатовъ.

Въ виду такихъ успѣховъ прогрессистская партія попыталась сдѣлать смѣлый натискъ, когда ландтагъ былъ созванъ въ 1862 году. Прежде всего она рѣшила нѣсколько серьезнѣе отнестись къ бюджетному праву палаты депутатовъ, до сихъ поръ совершенно призрачному. Со времени Мантейфеля укоренился безобразный порядокъ: ландтагу, который собирался въ началѣ года, представлялся бюджетъ текущаго года, т. е. расходы производились уже въ то время, когда палата депутатовъ еще только обсуждала ихъ. При этомъ въ бюджетѣ всегда фигурировали крупныя суммы, подъ широкимъ покровомъ которыхъ министры могли проводить всякія мѣры, несогласныя съ видами народнаго представительства. Въ данный моментъ невозможно было устранить первое зло; но для того, чтобы бороться со вторымъ, депутатъ прогрессистъ Галенъ внесъ предложеніе, въ которомъ требовалъ бо̀льшей спеціализаціи бюджета,—и это предложеніе было принято 171 голосами противъ 143. Въ глубокомъ негодованіи противъ такого „вотума недовѣрія“ либеральное министерство распустило палату; но затѣмъ черезъ

нѣсколько дней, сознавая свое полное ничтожество само ушло. И новая эра умерла такъ же безславно, какъ она жила.

Тогда король призвалъ реакціонное министерство. Оно состояло большей частью изъ бюрократическихъ и феодальныхъ нулей. Душою его былъ, на ряду съ военнымъ министромъ фонъ-Рооономъ, бывшій министръ торговли, а теперь министръ финансовъ фонъ деръ Гейдтъ, который, благодаря своему дерзкому лицемѣрію вуппертальскаго ханжи, сумѣлъ проползти змѣей отъ старой мантейфельщины черезъ новую эру къ новой мантейфельщинѣ. При такихъ условіяхъ разгорѣлась жаркая избирательная борьба. Реакція сплотилась вокругъ знамени: король или парламентъ? Но отъ этого громкаго девиза она совершенно основательно ожидала такъ мало, что одновременно горячо работала хлыстомъ и пряникомъ. Такого воздѣйствія на выборы, какое пустила теперь въ ходъ корона Божьей милости, не знавала даже эра Мантейфеля. Рядомъ съ этимъ, однако, было обѣщано уменьшеніе налоговъ и сокращеніе военнаго бюджета, а въ особенности выполненіе требованій, ради которыхъ была только что распущена палата депутатовъ: своевременное внесеніе и спеціализированіе бюджета. Наоборотъ, прогрессистская партія подняла оглушительный крикъ, что конституція накануне упраздненія и избиратели дали ей блестящее удовлетвореніе. Во время майскихъ выборовъ 1862 года эта партія побѣдила по всей линіи, получивъ 250 мандатовъ. Фракція Грабова совершенно разстроилась, часть ея перешла къ прогрессистской партіи, тогда какъ остальная часть обречена была влачить жалкое существованіе, какъ меланхолическая развалина бывшаго готцкаго величія. Феодальная партія еще сильнѣе распалась,—въ ней оставалась какая-нибудь дюжина членовъ.

Однако, первоначальная надежда прогрессистской партіи не оправдалась, такъ какъ даже этого исхода

выборовъ оказалось недостаточнымъ, чтобы смести реакціонное министерство. Когда созванъ былъ въ маѣ ландтагъ, эта партія должна была принять рѣшеніе насчетъ своей будущей тактики. Ближайшія требованія ея были удовлетворены: бюджетъ на 1862 г. былъ спеціализированъ, бюджетъ на 1863 г. своевременно внесенъ; правительство сдержало также обѣщаніе ограничить военные расходы и уменьшить бремя налоговъ. Прогрессистской партіи предстояло принять рѣшеніе по вопросу: утвердить или нѣтъ реформу арміи, которая была внесена правительствомъ въ смѣтные расходы бюджета на 1862 годъ. Теперь она начинала понимать, что требуемое ею единство Германіи подъ прусской каской не можетъ быть достигнуто безъ военной реформы. Голоса изъ ея собственной среды предостерегали отъ принятія рѣшеній, выполненія которыхъ она сама не желала. Въ этомъ духѣ говорилъ, напримѣръ, берлинскій городской судья Карлъ Твестенъ, который составилъ себѣ политическое имя рѣзкой полемикой съ главой военнаго кабинета, окончившейся дуэлью и котораго отнюдь нельзя было подозрѣвать въ чрезмѣрномъ преклоненіи передъ военной силой. Къ тому же расходы, о которыхъ шла рѣчь, на 1862 годъ были уже большей частью сдѣланы, и правительство могло ссылаться на то, что они были дважды одобрены ландтагомъ. Вычеркнуть ихъ послѣ этого означало бы толкать, такъ сказать, министерство насильственно къ нарушенію конституціи. Навстрѣчу этимъ осторожнымъ соображеніямъ шли аналогичныя соображенія въ нѣдрахъ правительства. Гейдтъ при всей своей политической безпочвенности былъ слишкомъ завзятый буржуа и съ искреннимъ ужасомъ смотрѣлъ на возрастающіе военные расходы и на опасность управленія безъ бюджета.

Одинъ моментъ, казалось, что компромиссъ удастся на почвѣ 2-хлѣтней военной службы. Прогрессистская партія поступала при этомъ съ своей точки зрѣ-

нія совершенно послѣдовательно. Всѣмъ было извѣстно, что 2-хлѣтняя военная служба совершенно достаточна для боевой годности арміи, и что она больше гармонируетъ съ реорганизаціей, чѣмъ 3-хлѣтній срокъ. Третій годъ службы имѣлъ лишь цѣлью будить „солдатскій духъ", безъ котораго войско оказывалось непригоднымъ для цѣли государственнаго переворота. Если бы корона уступила въ этомъ пунктѣ, то палата депутатовъ имѣла бы основаніе говорить о существенной побѣдѣ. А прогрессистская партія поднесла бы избирателямъ въ видѣ пріятнаго сюрприза значительное облегченіе военнаго бремени.

Но что было для нея Савойею, то король считалъ соловьемъ. И онъ заявилъ на совѣтѣ министровъ, что скорѣе откажется отъ трона, чѣмъ пожертвуетъ 3-хлѣтнимъ срокомъ военной службы. Согласно одному оффиціозному біографу короля, сопротивленіе министровъ шло еще дальше, и корона была, дѣйствительно, предложена наслѣдному принцу; послѣдній, однако, будто бы отклонилъ ее, мотивируя тѣмъ, что прусскій король, который начинаетъ съ уязвленія „солдатскаго духа", лишаетъ себя точки опоры. Если бы этотъ анекдотъ оказался даже невѣрнымъ, то, въ всякомъ случаѣ, онъ былъ хорошо придуманъ въ духѣ тогдашняго и, пожалуй, даже теперешняго положенія. Такъ или иначе, но военный министръ снова сталъ крутъ въ отношеніи палаты депутатовъ, а министръ финансовъ употребилъ, какъ послѣднее отчаянное средство, угрозу, что если палата не уступитъ, то случится нѣчто, о чемъ въ конституціи прямо не говорится. Этимъ онъ достигъ, конечно, не желаннаго, а какъ разъ обратнаго дѣйствія. Всякое дальнѣйшее уклоненіе отъ столкновенія было невозможно въ виду упорства короля. 23-го сентября 1862 года палата депутатовъ внесла расходы на военную реформу въ число экстраординарныхъ издержекъ бюджета на 1862 годъ, а затѣмъ огромнымъ большинствомъ вычеркнула

ихъ. Тогда корона отпустила министра финансовъ и призвала на постъ министра-президента въ Берлинѣ Бисмарка, прусскаго посланника въ Парижѣ.

Бисмаркъ происходилъ изъ обѣднѣвшаго юнкерскаго рода въ Альтмаркѣ, который велъ свою родословную съ 14-го вѣка отъ одного патриція богатаго тогда города Штендаля. Впослѣдствіи, для большаго почета затѣянной имъ культурной борьбы, Бисмаркъ пытался окружить этого предка ореоломъ вѣщаго генія. Онъ утверждалъ, что этотъ просвѣщенный мужъ былъ изгнанъ изъ Штендаля изъ-за споровъ съ католическимъ духовенствомъ; но если онъ въ себѣ, дѣйствительно, ощущалъ атавистическія поползновенія, то ему слѣдовало искать ихъ не въ области религіи.

Насколько дѣло, въ дѣйствительности, зависѣло отъ католическаго духовенства, блаженной памяти Николай Бисмаркъ могъ бы спокойно жить и умереть въ Штендалѣ. Что навсегда изгнало его изъ родного города,— это возмущеніе цеховъ, которое онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами своими вызвалъ жестокими притѣсненіями бѣднаго люда и корыстнымъ разграбленіемъ городской казны. Въ то же время при содѣйствіи несправедливой мамоны онъ сумѣлъ пріобрѣсти себѣ надежныхъ друзей, и тогдашній Витерльсбагскій курфюрстъ, который сильно задолжалъ ему, отдалъ ему во владѣніе замокъ и зачислилъ его въ ряды альтмарнскаго мелкаго дворянства. Въ XIV-омъ столѣтіи подобнаго рода карьеры были не совсѣмъ такъ часты, какъ въ наши дни. Нужно отдать честь предку фонъ-Бисмарку, что онъ несомнѣнно былъ очень продувнымъ лицомъ. Пріобрѣтенныя имъ имѣнія были въ XVI-мъ столѣтіи отобраны у семейства Бисмарковъ тогдашними Гогенцолернами изъ-за превосходныхъ мѣстъ для охоты, но взамѣнъ этого они получили вознагражденіе изъ ограбленныхъ церковныхъ и монастырскихъ имѣній. Вопросъ о томъ, были ли при

этомъ Бисмарки обозлены своими законными правителями, разрѣшается съ положительностью знаменитѣйшимъ отпрыскомъ этой семьи. Быть можетъ, онъ былъ правъ или же онъ это дѣлалъ изъ вполнѣ понятнаго почтенія въ своимъ предкамъ, хотя они оставили ему такой ничтожный клочекъ земли, на которомъ въ 19-мъ вѣкѣ приличный дворянинъ съ большимъ трудомъ и лишеніями могъ бы вести существованіе, достойное его. Итакъ, въ революціонные годы Бисмаркъ велъ себя, какъ самый завзятый юнкеръ, боролся со всѣмъ остроуміемъ здороваго и голоднаго желудка за феодальныя привилегіи и презиралъ нѣмецкое единство буржуазіи, видя въ немъ смертельную опасность для прусскаго юнкерства. Контръ-революція не преминула наградить лаврами столь благородную борьбу. И восторженное поклоненіе Бисмарка передъ днемъ Ольмюца невольно обратило на него взоръ романтическаго короля, который почуялъ въ немъ наиболѣе подходящаго представителя униженной Пруссіи въ возстановленномъ союзномъ сеймѣ. Въ богатомъ торговомъ рынкѣ, Франкфуртѣ, бѣдный юнкеръ познalъ, что, при всѣхъ ужасахъ, которыми поражаетъ капиталистическій міръ честное юнкерское сердце, онъ все же рисуетъ необычайно чарующія перспективы, — перспективы, на ряду съ которыми жестокіе феодальные нравы на пескахъ восточной Эльбы даютъ крайне жалкое удовлетвореніе. Бисмаркъ подружился съ домомъ Ротшильдовъ, берлинскій представитель которыхъ Блейхредеръ принялъ скудные финансы подъ свое покровительственное крылышко. Впрочемъ, онъ отъ этого не пересталъ быть юнкеромъ и въ самой сокровенной глубинѣ своей души продолжалъ ненавидѣть буржуазію за ея притязанія на политическое господство. Для него никогда не была понятна историческая необходимость либерализма, а тѣмъ болѣе соціализма. Эти понятія всю жизнь были для него китайской грамотой и, чтобы

они не всплывали на его горизонтѣ, онъ, какъ истый юнкеръ, со средневѣковою жестокостью шелъ на нихъ огнемъ и мечемъ.

Этотъ юнкеръ въ высокой степени унаслѣдовалъ качества своего класса: завидный аппетитъ, безпощадную волю и то, что тѣсно связано было съ ними— ограниченность историческаго горизонта; при всей находчивости и проницательности въ чисто дѣловыхъ вопросахъ, онъ оставался совершенно слѣпъ въ отношеніи истинныхъ движущихъ силъ народной жизни. Такъ, въ бонапартизмѣ Бисмаркъ видѣлъ не преходящій эпизодъ всемірно-исторической борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ, а только лишь классическую форму современнаго деспотизма, который развиваетъ колоссальныя продуктивныя силы буржуазіи съ тѣмъ, чтобы желѣзной рукою сдерживать ея политическія притязанія. Еще во время крымской войны Бисмаркъ ворчалъ по поводу щепетильности своего класса, который изъ феодальныхъ или легитимистскихъ соображеній отказывался устраивать гешефты съ геніальнымъ государственнымъ мужемъ на Сенѣ. Его лично не одолѣвали подобныя сомнѣнія, и чѣмъ больше прояснялось для него искусство Бонапарта въ государственномъ управленіи, тѣмъ болѣе отворачивался онъ отъ государственнаго искусства Габсбурговъ, которые не выходили изъ вѣчной финансовой нужды. Оффиціальное положеніе его въ союзномъ сеймѣ дало ему возможность ясно уразумѣть, въ какой сильной степени нѣмецкая разрозненность тормозитъ вращеніе капиталистической машины, и онъ вскорѣ сталъ проклинать весь этотъ „неисторическій, безбожный и беззаконный торгъ съ суверенитетомъ“, въ который играли нѣмецкіе государи. Эти государи своимъ правомъ Божьей милостью становились поперекъ стремленіямъ прусскаго юнкерства къ власти и нѣмецкой буржуазіи къ прибыли, хотя тѣ и другіе были совершенно же такого калибра, какъ и право Божьей милостью, на

которое въ то же время прусская корона ссылалась съ такимъ апломбомъ.

Незамѣтный юнкеръ мало-по-малу превратился въ великаго дипломата. Ловко и осторожно пробирался Бисмаркъ въ 50-хъ годахъ черезъ лабиринтъ внутреннихъ раздоровъ бюрократически-феодальной реакцiи. Онъ сумѣлъ настолько подавить врожденную ненависть юнкера къ бюрократiи, что стоялъ на такой же хорошей ногѣ съ Мантейфелемъ, какъ и съ Герлахами. Онъ былъ равно желаннымъ гостемъ и у короля, и у наслѣдника и сумѣлъ даже поладить съ новой эрой, которая ставила его на берега Невы или, какъ принято выражаться, повысила его на iерархической лѣстницѣ, давъ ему постъ посланника въ Петербургѣ, который по традицiи считается первымъ постомъ въ прусской дипломатiи. Здѣсь Бисмаркъ изучилъ безсовѣстную политику русской дипломатiи и въ эпоху либеральной интермедiи велъ политику на собственный страхъ. Въ то время онъ не зналъ еще дипломатическаго догмата, что для пословъ обязательна та же дисциплина, что и для унтеръ-офицеровъ. Новый король сохранилъ къ нему старое расположенiе. Онъ охотно прислушивался къ дерзновеннымъ планамъ Бисмарка насчетъ будущаго, хотя по своей мнительной и трусливой природѣ онъ не могъ безусловно подчиняться властной волѣ своего „бранденбургскаго вассала“. Король держалъ Бисмарка въ резервѣ на случай крайней необходимости, и послѣ крушенiя новой эры юнкеру, жаждавшему подвиговъ, пришлось еще разъ обмануться. Онъ воспользовался этой отсрочкой, чтобы получить послѣднюю шлифовку въ качествѣ посланника въ Парижѣ въ бонапартистскихъ штукахъ. И вотъ, наконецъ, пробилъ и его часъ 23 сентября 1862 года, когда рѣшенiе палаты депутатовъ показало, что критическiй моментъ наступилъ.

Вызовъ Бисмарка въ Берлинъ произвелъ ликованiе среди юнкеровъ: купеческая интермедiя окончена!

а прогрессисты кричали: „Это государственный переворотъ“. Самъ Бисмаркъ понялъ свою задачу въ „высшемъ“ стилѣ. Онъ хотѣлъ проучить буржуазію на бонапартистскій манеръ, но по возможности щадя ее. И поэтому онъ пошелъ ей навстрѣчу съ мирными предложеніями. Буржуазія говорила по поводу главнаго спора о военной реформѣ: „Да, если бы мы были увѣрены, что этимъ орудіемъ воспользуются въ цѣляхъ объединенія Германіи!“ Бисмаркъ обѣщалъ имъ, что онъ разрѣшитъ германскій вопросъ „кровью и желѣзомъ“, какъ скоро расходы на реорганизацію арміи будутъ утверждены. Прогрессистская партія отвѣтила, однако, довольно презрительно: что можешь ты сдѣлать, бѣдняга? Ее совершенно несправедливо упрекали въ томъ, что она въ то время „не распознала генія“. „Генія“ она распознала довольно хорошо, но Шульце-Деличъ тутъ же высказалъ въ палатѣ депутатовъ мнѣніе, что феодальная партія никогда не потерпитъ энергичной внѣшней политики. Спустя годъ Вирховъ въ свойственной ему широковѣщательной и самодовольной манерѣ иронизировалъ, что Бисмаркъ уже не тотъ человѣкъ, который вступилъ въ министерство съ цѣлью вести энергичную иностранную политику. На это Бисмаркъ коротко и сухо отвѣтилъ, что гдѣ-нибудь нужно же было ему остаться и, такъ какъ либеральные боги не пожелали его выслушать, то онъ записался въ консервативную преисподнюю. Слѣдовательно, для прогрессистской партіи „геній“ вполнѣ ясно обрисовался. Что оставалось въ глубокомъ туманѣ — это сила, которая стояла за спиною „генія“.

Бисмаркъ былъ призванъ стать во главѣ министерства не **ради** его германскихъ плановъ, а **вопреки** имъ. Отъ короля и юнкерства онъ получилъ полномочіе вести управленіе безъ утвержденнаго бюджета и противъ конституціи; но внѣшняя политика его была его личнымъ дѣломъ, и нельзя сказать, чтобы она была одобрена королемъ и юнкерствомъ. Прогрессисты не были

уже настолько плохими дѣльцами, чтобы отдать свои политическія притязанія въ настоящемъ за чечевичную похлебку, которая, можетъ быть, будетъ поднесена имъ въ какомъ-то туманномъ будущемъ, промѣнять сохранившія цѣнность бумаги на невѣрные векселя сомнительнаго „генія".

Послѣ того, какъ корона призывомъ Бисмарка доказала свое намѣреніе разорвать бюджетное право палаты депутатовъ, прогрессистская партія не могла уже согласиться на почетное отступленіе. Она вынуждена была принять вызовъ, и рѣчь шла лишь о томъ, насколько она могла разсчитывать на побѣду. Незаслуженно улыбнулось ей счастье: она натолкнулась на проводника, который указалъ ей единственный путь къ побѣдѣ.

2. Лассалевскій планъ кампаніи.

Лассаль переживалъ дни новой эры съ возраставшимъ нетерпѣніемъ. „Кто живетъ теперь въ Берлинѣ и не умираетъ отъ либерализма, тотъ никогда не умретъ отъ досады", писалъ онъ однажды Марксу. А въ другой разъ онъ еще въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ порицалъ либеральный „заговоръ печати", которая и рѣчами своими, и молчаніемъ прикрываетъ окончательно прогнившее правосудіе.

Это было въ то время, когда прусскіе судьи взялись защищать клеветническія нападенія „Національной Газеты", имѣвшей цѣлью очернить личный характеръ Маркса. Въ одномъ письмѣ къ Лассалю Марксъ удивляется такому грубому отказу въ правѣ, на что Лассаль отвѣчаетъ: „Ты все еще разсматриваешь прусскую юстицію въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ. Я и не то испыталъ отъ этихъ господчиковъ.... Когда я вспоминаю, какъ въ теченіе 10-ти лѣтъ ежедневно совершалось юридическое убійство, то весь дрожу отъ прилива крови и мнѣ кажется, что вотъ-вотъ приступъ ярости задушитъ меня. Ну, все

это я теперь переварилъ и пережилъ; прошло достаточно времени съ тѣхъ поръ, чтобъ можно было говорить объ этомъ хладнокровно, но никогда мнѣ не хочется улыбаться съ болѣе глубокимъ презрѣніемъ, чѣмъ когда я слышу рѣчи о судьяхъ и о правѣ у насъ. Каторжники на галерахъ кажутся мнѣ весьма почтенными людьми въ сравненіи съ нашими судьями". На замѣчаніе Маркса, что пруссаки доставили ему матеріалъ, пріятныя послѣдствія котораго имъ скоро станутъ извѣстны изъ лондонской прессы, Лассаль отвѣчалъ: „Нѣтъ, дорогой другъ, они ровно ничего не замѣтятъ. Я не сомнѣваюсь, что ты изобразишь ихъ въ лондонской прессѣ въ надлежащемъ свѣтѣ, что ты уничтожишь ихъ. Но они ничего этого не замѣтятъ, ровно ничего. Точно ты ничего не писалъ. Англійскихъ газетъ у насъ вѣдь не читаютъ, а наши нѣмецкія газеты, видишь ли, не почерпнутъ оттуда ни единой замѣтки, ни единой строчки. Онѣ побоятся! И больше всего трусятъ наши либеральныя газеты! Какъ же рѣшиться этимъ телячьимъ головамъ сказать словечко противъ священнѣйшаго ихъ палладія, противъ „прусскаго судейскаго сословія", при одномъ упоминаніи о которомъ они захлебываются отъ восторга. Они никогда не произносятъ этого слова иначе, какъ съ поклономъ до земли и гордо надувшись! О, они никогда не обмолвятся объ этомъ и спокойно замолчатъ отъ Дуная до Рейна и дальше, гдѣ только „раздается нѣмецкая рѣчь"! Что можно сдѣлать противъ такого заговора печати? О, что бы ни говорили, наша полиція все-таки несравненно либеральнѣе, чѣмъ наша пресса!" Эти фразы всей своей горечью свидѣтельствуютъ о томъ, что Лассаль лучше зналъ положеніе дѣлъ въ Пруссіи, чѣмъ Марксъ.

Лассаль носился тогда съ планомъ издавать въ Берлинѣ сообща съ Марксомъ и Энгельсомъ въ противовѣсъ подкупной либеральной прессѣ большой демократическій органъ. Еще въ январѣ 1862 года онъ

сумѣлъ заинтересовать въ пользу этого старика Брокгауза въ Лейпцигѣ. Однако, едва ли приходится сожалѣть, что этотъ планъ остался воздушнымъ замкомъ. Газета съ такими лицами во главѣ, но съ капиталистическими издателями потерпѣла бы еще болѣе горькую участь, чѣмъ „Новая Рейнская Газета" со своими акціонерами. А затѣмъ весь этотъ разсчетъ сдѣланъ былъ безъ хозяина, т. е. безъ либеральнаго министра Шверина, который толковалъ амнистію съ такой реакціонной оговоркой, что Марксъ по возвращеніи его въ Германію будетъ разсматриваться, какъ иностранецъ, — другими словами, будетъ всецѣло отданъ въ руки полицейскаго произвола.

И доколѣ продолжалось опьяненіе буржуазіи довѣріемъ—въ Германіи, вообще, ничего нельзя было подѣлать. Лѣтомъ 1861 г. Лассаль издалъ свое сочиненіе по философіи права и затѣмъ предпринялъ, чтобы освѣжиться, продолжительное путешествіе по Швейцаріи и Италіи. Въ Цюрихѣ онъ встрѣтился съ Гервегомъ и съ Вильгельмомъ Рюстовымъ извѣстнымъ военнымъ писателемъ, который, будучи прусскимъ лейтенантомъ, палъ жертвой своихъ демократическихъ убѣжденій, затѣмъ въ швейцарскомъ генеральномъ штабѣ дослужился до званія майора, а теперь только что возвратился со свѣжими лаврами изъ гарибальдійскаго похода на Неаполь. Рекомендеціи Рюстова ввели Лассаля въ круги итальянскихъ патріотовъ. Онъ посѣтилъ Гарибальди на островѣ Капрерѣ и, повидимому, живо интересовался новымъ ударомъ, который замышляла итальянская партія дѣйствія противъ Австріи. Однако, изъ отрывочныхъ заявленій Лассаля и другихъ по поводу этого эпизода не видно, какъ онъ представлялъ себѣ отраженіе этой диверсіи на развитіи Германіи. Если черпать изъ очень мутнаго источника оффиціознаго біографа Бухера, то Лассаль ожидалъ, что нападеніе Гарибальди на Далмацію повлечетъ за собою революцію въ Венгріи. Онъ будто бы

такъ и сказалъ Бухеру: „Революція въ Пештѣ — есть революція въ Вѣнѣ, а революція въ Вѣнѣ — есть революція въ Берлинѣ“. Однако, это мнимое заявленіе Лассаля стоитъ въ весьма рѣзкомъ противорѣчіи съ его очень трезвымъ сужденіемъ о революціонныхъ наклонностяхъ нѣмецкаго мѣщанства, даже въ томъ случаѣ, если мы освободимъ его отъ ребяческой формы, въ которой литературные лакеи Бисмарка представляютъ себѣ революціонную политику. Лассаль радостно привѣтствовалъ всякое революціонное дѣйствіе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ слишкомъ разсудительный и опытный политикъ, чтобы возлагать большія надежды на планъ, который совершенно висѣлъ въ воздухѣ и, какъ извѣстно, никогда не былъ выполненъ. 9-го февраля 1862 года онъ довольно холодно писалъ Рюстову, что просилъ у итальянцевъ дать ему опредѣленныя свѣдѣнія, предполагается ли что-либо предпринять этой весной; но тремя недѣлями раньше въ письмѣ къ Бухеру онъ съ совершенно инымъ жаромъ излагалъ свои планы, по сравненію съ которыми революціонное значеніе похода итальянскихъ добровольцевъ на Далмацію представлялось очень маленькимъ дѣломъ.

Въ первые январскіе дни 1862 года Лассаль возвратился въ Берлинъ, и здѣсь засталъ существенную перемѣну въ положеніи дѣлъ. За мѣсяцъ до этого прогрессистская партія одержала свою первую побѣду на выборахъ и начала свой „натискъ“. Но Лассаль пока что не ожидалъ отъ этого многаго. Онъ писалъ Рюстову: „Въ нашей палатѣ дѣла все также жалки! Ребята не знаютъ, куда имъ направить парусъ! Желаютъ управлять государственнымъ кораблемъ, а между тѣмъ не въ силахъ вести даже маленькую лодочку!“ Будь Лассаль, вообще, склоненъ къ иллюзіямъ, то эти три года новой эры окончательно исцѣлили бы его отъ нихъ. Даже личныя дружественныя отношенія, въ которыхъ онъ находился съ нѣкоторыми

вожаками прогрессистской партіи и національнаго союза ни на минуту не ослѣпляли его. Это были такія же отношенія, какія существовали столѣтіемъ раньше между Лессингомъ и берлинскими просвѣтителями. Лассаль такъ же мало, какъ Лессингъ, претендовалъ на роль мрачнаго фанатика убѣжденій за которой обыкновенно скрывается умственная ограниченность. Въ обществѣ это былъ очаровательный собесѣдникъ, всегда расположенный къ веселымъ шуткамъ и даже къ экстравагантнымъ шалостямъ; и онъ отнюдь не пытался прятать этотъ талантъ подъ спудомъ. Кругъ его знакомства былъ, правда, нѣсколько смѣшанный, но, въ концѣ-концовъ, онъ чувствовалъ себя въ этой атмосферѣ даже лучше, чѣмъ чувствовалъ бы въ томъ случаѣ, если бы онъ въ меньшей мѣрѣ обладалъ личнымъ тщеславіемъ. Тѣмъ не менѣе, вліяніе этой среды на мыслителя и борца Лассаля было еще гораздо меньше, чѣмъ вліяніе графини Гатцфельдтъ. Фактически оно сводилось къ нулю. Лассаль велъ политическіе дебаты съ главными представителями прогрессистской партіи, философствовалъ съ дряхлыми гегельянцами изъ „философскаго общества“, но ни на одну минуту не забывалъ, что отдѣляетъ его отъ этой милой посредственности.

Равнымъ себѣ Лассаль признавалъ лишь нѣкоторыхъ дѣятелей 1848 г., которые были такого же мнѣнія о прогрессистской партіи, какъ и онъ: Циглера и Бухера, къ которымъ нѣсколько позднѣе присоединился въ качествѣ третьяго Родбертусъ. Циглеру Лассаль однажды писалъ, что Норна вынула имъ при рожденіи одинаковый жребій; а въ другой разъ онъ писалъ Родбертусу, что они родились на свѣтъ, точно сіамскіе близнецы. Но ближе всего, чѣмъ эти двое, подходилъ къ нему Бухеръ: это былъ второй Лассаль, насколько можно быть Лассалемъ безъ его желѣзныхъ костей и бурной пламенной крови.

Подобно Лассалю, Бухеръ обладалъ юридическимъ

и философскимъ образованіемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—такимъ же глубокимъ реальнымъ пониманіемъ дѣйствительности. Цѣлый рядъ любимыхъ идей Лассаля зародились раньше у Бухера, — не въ такой ясной и рѣзкой формулировкѣ, какъ у Лассаля, но все же съ зачаточной отчетливостью. Такъ, уже въ прусскомъ національномъ собраніи 1848 г. онъ развивалъ теорію пріобрѣтенныхъ правъ и конституціонную теорію, согласно которой вопросы конституціи суть первоначально вопросы силы, а не права. Затѣмъ Бухеръ въ своей талантливой книжечкѣ объ англійскомъ парламентаризмѣ доказывалъ, сколь различно вліяетъ прогрессирующее раздѣленіе труда на буржуазію и на пролетаріатъ. Чѣмъ больше специализируется дѣло торговли, тѣмъ болѣе мельчаетъ человѣкъ; чѣмъ въ большей степени крупные и мелкіе торговцы стремятся монополизировать отдѣльныя отрасли, тѣмъ болѣе они тупѣютъ въ этой капиталистической спекуляціи. Наоборотъ, духовное освобожденіе рабочаго, освобожденіе всей суммы его духовныхъ силъ происходитъ въ той же мѣрѣ, въ которой совершенствованіе машинъ сводятъ работу человѣка при нихъ къ машинообразной дѣятельности. Ту же мысль развивалъ еще Марксъ въ своей полемической брошюрѣ противъ Прудона, но Бухеръ самостоятельно иллюстрировалъ ее практическими наблюденіями, которыя были сдѣланы имъ надъ англійской буржуазіей и англійскимъ пролетаріатомъ. Положеніе, высказанное Бухеромъ: „Самое правильное сужденіе можно встрѣтить на обѣихъ крайнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, среди джентльменовъ, которые живутъ исключительно духовною жизнью и среди рабочихъ, которыхъ принято считать просто руками", — это положеніе проходитъ красною нитью черезъ всю агитацію, которую велъ Лассаль въ рабочемъ классѣ.

Бухеръ уже ясно понималъ значеніе господства англійской буржуазіи въ то время, когда нѣмецкіе

либералы восторженно взирали на этотъ свѣтлый идеалъ, — и въ этомъ также была важная точка соприкосновенія его съ Лассалемъ. Если нѣмецкая буржуазія въ 50-хъ и 60-хъ годахъ такъ же восторгалась англійской буржуазіей, какъ она восторгалась въ 40-хъ годахъ французской буржуазіей, то по положенію вещей, это несомнѣнно былъ поворотъ въ сторону реакціи. Бюргерское французоѣдство было направлено далеко не въ такой мѣрѣ противъ бонапартизма, съ которымъ нѣмецкій бюргеръ вскорѣ довольно тѣсно подружился, сколько противъ „политическаго развитія" Франціи, отъ котораго онъ желалъ, по выраженію „Народной Газеты", „эмансипироваться". Подъ этимъ „политическимъ развитіемъ" подразумѣвалась классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ. Воображали, будто бы въ Англіи эта борьба окончена; въ связи съ этимъ было распространено вредное представленіе, будто бы англійская буржуазія добилась господства рѣчами въ парламентѣ, а не революціонными дѣйствіями.

Въ своихъ лондонскихъ корреспонденціяхъ въ „Національной Газетѣ" Бухеръ доказалъ на примѣрѣ англійской буржуазіи, что тамъ дипломатія и политика всецѣло поглотились политической экономіей, что божественное право, историческая традиція и теологическія фразы вынуждены со скрежетомъ зубовнымъ преклониться передъ тарифными ставками и что внѣшняя политика Англіи есть чисто торговая политика, безъ всякихъ идеальныхъ побужденій и цѣлей; но для лицемѣрныхъ лавочныхъ интересовъ нѣмецкой буржуазіи это не подходило, и она отнюдь не желала, чтобы ея излюбленная газета разрушала любимыя мечты ея; когда Бухеръ послѣ объявленія амнистіи возвратился на родину, то старые единомышленники встрѣтили его весьма нелюбезно. „Національная Газета" отказалась отъ него, а собственникъ ея, Вольфъ, вообразилъ, что оказываетъ необычайное великодушіе, когда далъ

Бухеру мизерно оплачиваемое мѣстечко въ своемъ телеграфномъ бюро для „подкрашиванія“ депешъ. Достаточно было Вольфу увѣрить, что Бухеръ — ярый еретикъ, чтобы „либеральная партія“, какъ впослѣдствіи сознался самъ Унру, сняла съ себя всякую отвѣтственность за судьбу Бухера. Нѣмецкая буржуазія всегда мелко плавала и поражала своимъ ничтожествомъ по сравненіи съ англійской и французской; но тѣмъ большую злость и жестокость проявляла она издавна въ искусствѣ морить голодомъ всякаго изъ ея собственной среды, кто дерзнулъ бы усомниться въ ея величіи. Это обстоятельство окончательно сломило Бухера, который никогда не обладалъ особенной жизненной энергіей. Когда Лассаль въ „философскомъ обществѣ“ пошелъ ему навстрѣчу съ открытымъ кошелькомъ и открытымъ сердцемъ, то Бухеръ уклонился съ робкимъ недовѣріемъ, котораго онъ никогда не могъ окончательно преодолѣть, хотя съ теченіемъ времени оно нѣсколько смягчилось.

Лассаль и Бухеръ въ продолжительныхъ бесѣдахъ обсуждали политическое положеніе, создавшееся въ началѣ 1862 года. На обѣщанные геройскіе подвиги прогрессистской партіи Лассаль не возлагалъ большихъ надеждъ; но тѣмъ съ большимъ жаромъ отдался онъ идеѣ оживить массы для революціонныхъ цѣлей. Первая встрѣча его съ Бухеромъ состоялась 21-го января. При этомъ Лассалъ высказалъ планъ опереться на ударъ, который собиралась нанести Австріи итальянская партія дѣйствія, но, по сознанію Бухера, онъ никогда болѣе къ этому не возвращался. Этотъ планъ былъ для него лишь конкретной исходной точкой для принципіальнаго обсужденія, которое сводилось къ вопросу, возможно ли въ Германіи низвергнуть или уничтожить существующій порядокъ (или безпорядокъ) вещей. Бухеръ считалъ возможнымъ низверженіе, но не уничтоженіе. На слѣдующій день Бухеръ написалъ Лассалю: „То, чѣмъ вы счи-

таете возможнымъ замѣнить буржуазный порядокъ, меня не удовлетворяетъ. Всѣ мѣропріятія, которыя вы перечисляете, все же носятъ чисто политическій, можно сказать—юридическій характеръ и построены на старомъ соціальномъ фундаментѣ; они способны лишь создать новыхъ буржуа. И эти-то новыя имущественныя отношенія, новыя по выступленію на сцену новыхъ лицъ, а не въ силу, если можно такъ выразиться, химическихъ свойствъ владѣнія, нуждаются для того, чтобы ихъ удержать—въ безпрерывной войнѣ, въ терроризмѣ ничтожнаго меньшинства. Я оцѣниваю ихъ на основаніи статистическихъ источниковъ и моего основательнаго знакомства съ сельскимъ населеніемъ въ восточныхъ провинціяхъ“. Это возможно лишь въ томъ случаѣ, если меньшинство можетъ предложить большинству какое-нибудь удовлетвореніе или, по крайней мѣрѣ, вѣру. „Итакъ, я возвращаюсь къ своимъ старымъ словамъ: popolo (народу) недостаетъ dio (бога), а намъ того, за что мы могли бы съ честью погибнуть“. Изъ этого письма Бухера вытекаетъ, что Лассаль, вѣроятно, познакомилъ его въ общихъ чертахъ со своимъ планомъ будущей агитаціи. Слова Бухера о политико-юридическихъ мѣропріятіяхъ, построенныхъ на старомъ соціальномъ фундаментѣ, содержатъ, въ сущности, все, что впослѣдствіи возражали по поводу предложенныхъ Лассалемъ производительныхъ ассоціацій при помощи государственнаго кредита.

Лассаль написалъ отвѣтъ, въ которомъ онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ недоразумѣнія, будто-бы „тѣ мелочи составляютъ сущность его соціальной программы“. Онъ набросалъ ихъ лишь мимолетно, не входя въ болѣе глубокія экономическія объясненія, и при этомъ категорически подчеркиваетъ, что съ ними можно согласиться еще съ чисто юридической точки зрѣнія, не становясь непремѣнно на соціальную почву. Удивительно прямо, какъ идеологія Лассаля тотчасъ начинаетъ улетучиваться,

какъ только онъ переходитъ къ практическимъ дѣйствіямъ. Онъ здѣсь ясно показываетъ, что соціальный вопросъ нашего времени не можетъ быть разрѣшенъ, если оставаться на юридической почвѣ, а этого онъ еще не знаетъ въ своей „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ". „Необычайно удачное выраженіе" Бухера по поводу „химическихъ свойствъ владѣнія" служитъ въ его глазахъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что они поймутъ другъ друга, и Бухеръ справедливо указываетъ на соціальную программу, какъ на коренной источникъ, говоря что всѣ политическіе вопросы суть лишь послѣдствія его. „Для соціалиста, подобнаго мнѣ, слѣдовательно, могутъ быть только симпатичными тѣ черты ваши, которыя я узналъ; это подтверждаетъ, что я на вѣрномъ пути, что всякій серьезно мыслящій неизбѣжно самъ собою приходитъ къ тому же источнику, изъ котораго и я черпаю ясность и разрѣшеніе, успокоеніе и увѣренность". Лассаль признавалъ уже Бухера, и имъ оставалось лишь обсудить нѣкоторые научно-критическіе вопросы.

Но, стряхнувъ съ себя юридическую идеологію, Лассаль все еще не можетъ раздѣлаться съ философской идеологіей. По его мнѣнію, мистическое упоминаніе Мадзини о Богѣ означаетъ лишь то, что онъ всегда считалъ необходимымъ условіемъ новаго мірового принципа, который долженъ обладать силой изъ самого себя создавать новую форму общественности, изъ которой уже вытекаетъ политическая форма и основа новой этики. Этимъ Лассаль обрисовываетъ основныя мысли своей будущей программы рабочихъ. Лишь тотъ принципъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ моральную основу, можетъ служить исходной точкой новаго мірового состоянія, сдѣлаться универсальнымъ въ дѣйствительности, какъ и въ наукѣ. „Если бы монтаньяры 1793 года встали теперь изъ гроба, то для настоящаго момента они были бы революціонерами только въ собственномъ воображеніи". Наоборотъ, гу-

манная мысль обладаетъ въ высшей степени способностью развернуться въ такую цѣлость.

Второе свиданіе, о которомъ Лассаль проситъ Бухера въ этомъ письмѣ, затѣмъ состоялось. 9-го февраля Лассаль пишетъ Рюстову, что послѣ этой второй бесѣды, которая длилась 8 часовъ и въ которой онъ вынужденъ былъ развернуть и разобрать экономическую науку во всей ея цѣлости, Бухеръ призналъ себя убѣжденнымъ и сторонникомъ Лассаля; самъ же Бухеръ послѣ смерти Лассаля утверждалъ въ отчетѣ, представленномъ Бисмарку, который сдѣлался теперь его начальникомъ, что Лассаль нисколько не убѣдилъ его въ той бесѣдѣ. Но такъ какъ въ этомъ отчетѣ Бухеръ относится съ полнымъ уваженіемъ къ Лассалю, то нельзя думать, что онъ просто лжетъ. Скорѣе оба они были правы, или, какъ выражается Бухеръ, между ними было много точекъ соприкосновенія, но существовалъ и контрастъ, который постоянно вновь давалъ себя знать. Лассаль, какъ метафизикъ и гегельянецъ, всегда исходилъ отъ общаго къ частному, отъ абстрактнаго къ конкретному; онъ же, Бухеръ, по своей реалистической натурѣ, недостаточному знакомству со школьными системами и благодаря десятилѣтнему пребыванію въ Англіи, склоненъ былъ всегда идти обратнымъ путемъ. Такъ случилось и во время упомянутой бесѣды. „Въ результатѣ была солидарность нашихъ представленій, что касается сущности общества и хода исторіи вообще; но старый конфликтъ тотчасъ обнаружился между нами, и притомъ въ такой формѣ, что онъ, исходя отъ развитія идей въ исторіи, ожидалъ реализированія ближайшей фазы немедленно и еще во время жизни его, я же, наоборотъ, основываясь на изученіи классовъ и группъ, какъ они представлялись мнѣ въ отдѣльныхъ типахъ, основываясь на естественномъ эгоизмѣ однихъ и косности другихъ, ожидалъ продолжительнаго сопротивленія, которое матерія окажетъ мысли. Я думалъ, что пройдутъ поколѣ-

нія, прежде чѣмъ новыя экономическія формы пробьютъ себѣ дорогу“. Бухеръ прибавляетъ, что Лассаль очень серьезно отнесся къ его возраженіямъ, но что особенно сильное впечатлѣніе произвели на него слова Лессинга: „во всѣ времена были люди, которые имѣли вѣрный взглядъ на будущее и только не могли дождаться этого будущаго. Имъ страстно хотѣлось, чтобы тутъ же, при жизни ихъ, въ моментъ созрѣло то, на что исторія требуетъ столѣтій“. Но затѣмъ взяло верхъ вліяніе другой страстной личности, и Лассаль предпринялъ свою агитацію въ надеждѣ, которую онъ часто высказывалъ своимъ друзьямъ, что ему придется еще дожить до радостей побѣды“.

Это изложеніе носитъ печать искренности и вполнѣ гармонируетъ съ изложеніемъ Лассаля. „Въ общемъ“ Бухеръ сочувствовалъ ему, ихъ раздѣляла не столько противоположность убѣжденій, сколько противоположность темпераментовъ. Оба они чувствовали это инстинктивно. Лассаль, возвѣщая о своей побѣдѣ Рюстову, прибавлялъ, что онъ еще посмотритъ, долго ли будетъ продолжаться обращеніе Бухера. Тогда какъ Бухеръ не могъ объяснить себѣ сопротивленія Лассаля его возраженіямъ иначе, какъ вліяніемъ другой страстной личности.

Какъ извѣстно, сомнѣнія Лассаля въ постоянствѣ Бухера, оказались слишкомъ основательными, и духовный поединокъ между ними, съ точки зрѣнія его практическихъ послѣдствій, не заслуживалъ бы особаго упоминанія въ исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи. Но онъ въ высшей степени заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться, такъ какъ даетъ возможность заглянуть въ происхожденіе лассалевской агитаціи среди рабочихъ. Онъ окончательно разсѣиваетъ ходячую легенду, будто бы Лассаль началъ эту агитацію изъ одного лишь оскорбленнаго честолюбія или другихъ низменныхъ мотивовъ. Наоборотъ, мы убѣждаемся, что она была съ самаго начала задумана въ широкомъ

стилѣ, что ея свѣтлая и тѣневая стороны нераздѣльно переплетались между собой и что она вытекала изъ глубокаго и непоколебимаго убѣжденія. Весьма вѣроятно, что возраженія Бухера сильно подѣйствовали на Лассаля. Бухеръ привязался къ Лассалю, насколько, вообще, допускала его замкнутая натура. Бухеръ самъ признавался, сколько усилій ему нужно было сдѣлать, сколько труда ему стоило судить такъ объективно, хотя онъ имѣлъ всѣ основанія ненавидѣть этотъ старый міровой порядокъ. Притомъ же его возраженія отнюдь не были взяты съ вѣтру. Бухеръ гораздо основательнѣе зналъ не только сельскій пролетаріатъ восточной Эльбы, чѣмъ Лассаль, но и развитіе крупнаго капитала и игру его непреложныхъ законовъ. Столь важное въ экономическомъ отношеніи десятилѣтіе 1850 до 1860 онъ прожилъ не въ Дюссельдорфѣ и Берлинѣ, а въ Лондонѣ и Парижѣ. Насколько мы въ состояніи провѣрить теперь возраженія Бухера, они довольно близко подходятъ къ тому, что можетъ выставить противъ Лассаля объективная историческая критика.

И все же Бухеръ страшно ошибался, воображая, что Лассаль сдѣлался глухъ къ его возраженіямъ подъ вліяніемъ графини Гацфельдтъ или, вообще, кого бы то ни было. Лассаль былъ несравненно болѣе чутокъ, чѣмъ онъ, — и только шумъ неудержимо надвигающейся грозы будущаго звучалъ для него сильнѣе и заглушалъ предостерегающій голосъ настоящаго. Ни въ чемъ такъ рѣзко не выразилась оригинальная мощь, такъ же какъ и оригинальная слабость лассалевскаго идеализма, какъ въ этомъ диспутѣ съ Бухеромъ, который затѣмъ повторился въ аналогичной формѣ съ Циглеромъ и Родбертусомъ. То, что возражали ему друзья его „съ болѣе реалистическимъ складомъ“, имѣло достаточно основанія; но Лассаль былъ болѣе проницателенъ, имѣлъ болѣе глубокій и широкій взглядъ, чѣмъ всѣ они, — и онъ думалъ, что, невзирая на все, положеніе дѣлъ достаточно созрѣло для сильнаго толчка

человѣческой руки, который привелъ бы, наконецъ, его въ движеніе. Не мечтатель былъ онъ, а геній, который вѣрнымъ взглядомъ охватилъ самую сущность вещей. Человѣкъ, взятый во всей цѣлости, все же представляетъ нѣчто другое, чѣмъ тысячи отдѣльныхъ частицъ, изъ которыхъ онъ состоитъ. И сколько бы онъ ни ошибался въ частностяхъ, онъ все же можетъ имѣть на своей сторонѣ историческое право.

3. Лассаль и прогрессистская партія.

Такимъ образомъ, Лассаль началъ свою политику настоящаго. Кампанія, которую онъ велъ съ весны 1862 до весны 1863, была изъ всѣхъ его кампаній самая значительная и плодотворная, а вмѣстѣ съ тѣмъ, если можно такъ выразиться, самая законченная въ художественномъ отношеніи и самая чистая съ человѣческой точки зрѣнія. То былъ истинный шедевръ революціонной стратегіи, который развертывался съ возрастающей силой, согласно извѣстному плану. Началось дѣло съ веселой гусарской перестрѣлки; затѣмъ — движеніе впередъ сомкнутыми рядами несокрушимой логики, съ хладнокровно обдуманной тактикой, не поступаясь, однако, принципомъ. И, въ заключеніе, желѣзный ударъ молота, разбивающій ворота, черезъ которыя пролетаріатъ, сознавши свои классовые интересы, долженъ былъ совершить свое побѣдоносное вступленіе въ нѣмецкую исторію.

Подобно Марксу и Энгельсу въ 1848, Лассаль въ 1862 году примкнулъ къ крайнему концу буржуазнаго движенія. Несмотря на весь горькій опытъ, доставленный ему либерализмомъ въ дни новой эры, Лассаль твердо придерживался воззрѣнія, которое руководило имъ въ 50-хъ годахъ: не нападать на буржуазный классъ и не ослаблять его, а поддерживать и толкать впередъ, пока была еще какая-нибудь надежда, что онъ выполнитъ историческую миссію буржуазіи и покончитъ съ самодержавно-феодальной реакціей. Благодаря тупому упорству короля, прогрессистская партія

имѣла за себя почти всю страну и уже, во всякомъ случаѣ, наиболѣе развитые въ политическомъ отношеніи элементы населенія: на ряду съ пробуждающимися слоями рабочаго класса — наиболѣе сильные и дѣятельные элементы бюргерства. Лассаль понялъ это обстоятельство, хотя не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій. Стоило труда попытаться двинуть впередъ прогрессистскую партію. И если бы даже эта попытка была совершенно безнадежна, то все-таки нужно было сдѣлать ее. Пока прогрессистская партія не доказала воочію, передъ лицомъ всего народа, что она не въ состояніи разрѣшить возложенную на нее историческую задачу, то не имѣло смысла, игнорируя ее, переходить къ очереднымъ дѣламъ.

Первой жертвой подъ лассалевскимъ мечомъ палъ Юліанъ Шмидтъ, который перекочевалъ изъ „Grenzboten" въ „Berliner Allgem. Zeitung".

Этотъ органъ государственныхъ людей новой эры возмутительно нападалъ на прогрессистскую партію. Скромное и справедливое предложеніе ея точнѣе специализировать бюджетъ онъ истолковалъ совершенно въ духѣ продажныхъ оффиціозныхъ писакъ, въ смыслѣ желанія „заподозрить" министра финансовъ фонъ-Патова, который былъ „извѣстенъ во всей странѣ, какъ мастеръ по части управленія и какъ піонеръ конституціонной свободы". Именно, къ этому относился заслуженный ударъ, который нанесъ Лассаль „грабовцу" Юліану Шмидту, а нисколько не буржуазной оппозиціи, какъ таковой, какъ ошибочно принимали. Лассаль былъ очень далекъ отъ того, чтобы нападать на оппозицію, именно, въ тотъ моментъ, когда она стала серьезно осуществлять парламентское бюджетное право. Въ лицѣ Юліана Шмидта онъ казнилъ безполезнаго забіяку, который нападалъ на прогрессистскую партію за то, что она сдѣлала рѣшительную попытку защитить народныя права.

Но это еще не значитъ, что Лассаль имѣлъ жела-

ніе сыграть роль палача въ отношеніи прогрессистской партіи. Въ своихъ „Примѣчаніяхъ наборщика", посвященныхъ бравому Юліану, онъ высказалъ лишь цѣль, которая указана въ энергично написанномъ предисловіи, онъ хотѣлъ лишь протестовать противъ умственнаго отупѣнія, противъ безсмысленнаго и бездѣятельнаго опьяненія словами, подтачивавшаго нѣмецкое бюргерство. Онъ остановился на Юліанѣ Шмидтѣ, какъ на классическомъ типѣ этой литературной и политической испорченности, нисколько не утаивая, что званый одинъ, а избранныхъ много и что доля вины падаетъ также на мирную публику. Въ этомъ смыслѣ, конечно, атака Лассаля была направлена также, и даже прежде всего, противъ прогрессистской партіи. Но это дѣлалось въ ея собственныхъ интересахъ, и во всемъ сочиненіи не найдется ни одного слова, которое затруднило бы ей борьбу съ короною. Лассаль бичевалъ литературнаго и политическаго вожака готцевъ, которые постыдно запутались въ борьбѣ съ короной, а теперь бросали камни на пути прогрессистской партіи. Уничтоженіе такого рода либерализма могло только вредить коронѣ и, наоборотъ, принести пользу буржуазной оппозиціи.

Брошюра Лассаля противъ Юліана Шмидта занимаетъ почетное мѣсто среди классическихъ полемическихъ сочиненій германской литературы, хотя именно потому, что она содержитъ на ряду со многими горькими истинами нѣкоторыя натяжки и несправедливости, какъ отмѣтилъ Альбертъ Ланге вскорѣ послѣ появленія ея. То же самое можно сказать и о брошюрахъ Лессинга противъ Клотца и клотціанцевъ, о „Ксеніяхъ" Гёте и Шиллера, а также о литературныхъ сатирахъ Платена и Гейне. Такъ какъ нельзя изгнать борьбы изъ литературы и политики — изгнаніе ея было бы равносильно умерщвленію всякой литературной и политической жизни, — то нужно примириться съ фактомъ, что на войнѣ идетъ, какъ на войнѣ. Можно

даже сказать, что чѣмъ справедливѣе такая борьба, тѣмъ болѣе она бываетъ несправедлива въ извѣстномъ смыслѣ. Правомѣрность этой борьбы растетъ по мѣрѣ того, какъ она поражаетъ лицо ради дѣла; но чѣмъ больше она видитъ въ лицѣ только дѣло, тѣмъ больше она посягаетъ на личныя права этого лица.

Можно отдавать полную справедливость критикѣ, которая заднимъ числомъ доказываетъ, что Клотцы и Шмидты вовсе не были такіе скверные люди, какими изображаютъ ихъ Лассали и Лессинги. Это будетъ лишь долгъ справедливости, противъ котораго меньше всего могли бы возразить Лессингъ и Лассаль. Но это не даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакого аргумента противъ нихъ самихъ. Они борются съ гнилью и со зломъ, потому что это была гниль и зло, и совершенно правильно игнорируютъ то обстоятельство, обнаружится ли передъ судомъ потомства тотъ или другой смягчающій фактъ. Лассаль былъ даже въ этомъ отношеніи снисходительнѣе, нежели его знаменитые предшественники. Онъ открыто высказывалъ, что публицистическая дѣятельность Юліана Шмидта была продуктомъ общаго процесса разложенія. Онъ выдавалъ бѣдному грѣшнику, привлеченному имъ къ мѣсту казни, всѣ почести, принадлежавшія королю подлой шайки. Самая форма „Примѣчанія наборщика“ уже съ самаго начала исключала мысль, что онъ требовалъ буквальнаго пониманія всѣхъ тѣхъ задорныхъ шутокъ, которыя онъ позволялъ себѣ по отношенію къ своей жертвѣ. По существу Лассаль велъ справедливую и честную борьбу, за которую всѣ истинные люди науки благодарно пожимали ему руку, за которую и теперь еще поблагодаритъ его всякій, кто заглянетъ въ „Исторію литературы“ Юліана Шмидта съ ея злобными и безсодержательными издѣвательствами надъ нѣмецкой классической литературой и философіей.

Въ этой брошюрѣ Лассалю помогалъ еще Бухеръ. Но затѣмъ Лассаль самостоятельно выступилъ съ

двумя рѣчами, въ которыхъ онъ знакомилъ буржуазный и рабочій классъ съ политическимъ положеніемъ. Его лекція „О сущности конституціи“, которую онъ прочелъ подрядъ въ четырехъ окружныхъ ферейнахъ, внесла необходимую ясность въ тогдашній избирательный пароль прогрессистской партіи, согласно которому шла рѣчь о спасеніи конституціи.

Лассаль изслѣдовалъ сущность конституціи и доказывалъ, что подобно тому, какъ каждый организмъ имѣетъ свою конституцію, такъ имѣетъ свою конституцію и каждая страна. Въ каждой странѣ должны вѣдь существовать какія-нибудь фактическія соотношенія силъ, и эти фактическія соотношенія силъ и составляютъ всегда дѣйствительную конституцію страны. Лассаль съ поразительной наглядностью развиваетъ элементы конституціи: король, которому повинуются войско и пушки; аристократія, которая имѣетъ вліяніе на дворъ и короля, крупная промышленность и крупная торговля, банкъ и биржа, въ извѣстныхъ границахъ также всеобщее сознаніе и, наконецъ, въ самыхъ крайнихъ случаяхъ народная масса. Подобныя реальныя конституціи всегда существовали и должны были всегда существовать. Что составляетъ особенность новѣйшаго времени, это—не дѣйствительныя конституціи, а писанныя конституціи, или листъ бумаги.

Откуда же является потребность въ писанныхъ конституціяхъ? Очевидно, причина кроется въ томъ, что въ странахъ, гдѣ она возникаетъ, наступила перемѣна въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ силъ. Общество, въ которомъ дѣйствительныя соотношенія силъ не измѣнились, не чувствуетъ никакой потребности въ новой конституціи. Въ новѣйшее время эта потребность родилась изъ колоссальнаго развитія бюргерства, сила котораго превзошла силу короны и дворянства,—бюргерство не желаетъ оставаться больше безвольной управляемой толпой. Оно желаетъ само

управлять и сдѣлать государя орудіемъ своей воли И въ интересахъ своего господства оно стремится собрать и закрѣпить въ одномъ документѣ всѣ учрежденія и принципы управленія страны. Но, съ другой стороны, сила его, хотя фактически большая, не организована и поэтому не можетъ состязаться съ меньшей, но организованной силой, которой располагаетъ король въ видѣ арміи и пушекъ. И только тогда, когда управленіе и руководство національными дѣлами ведется долго въ духѣ, противорѣчащемъ волѣ и интересамъ націи, послѣдняя рѣшается противопоставить организованной силѣ свою, неорганизованную, но превосходную силу. И тогда наступаетъ 18 марта 1848 г.

Въ этотъ день старая конституція страны была разрушена и требовалось создать новую конституцію. Что же нужно было дѣлать? Берлинскому Національному Собранію предстояло создать дѣйствительную конституцію, которая измѣнила бы существующія въ странѣ реальныя соотношенія силъ въ смыслѣ, благопріятномъ для гражданъ, и предоставить въ ихъ распоряженіе организованную силу войска и пушекъ. Тогда бы она могла въ три дня сдѣлать писанную конституцію. Но вмѣсто этого она тратила на пустяки драгоцѣнное время и когда, наконецъ, предложеніемъ Штейна сдѣланъ былъ первый робкій шагъ, чтобы овладѣть арміей, тогда вся буржуазія и половина страны подняли шумъ: не заниматься ненужными дѣлами, не ссориться съ министерствомъ, а во что бы то ни стало дѣлать конституцію! И, конечно, корона воспользовалась своими несломленными орудіями силы и—разогнала собраніе.

Корона, съ своей стороны, гораздо лучше уразумѣла сущность конституціи. Одержавъ побѣду, она нисколько не думала о томъ, чтобы написать реакціонную конституцію. Наоборотъ, она по собственной иниціативѣ даровала довольно либеральную писанную

конституцію. Первой же практической мѣрой ея было распущеніе гражданскаго ополченія, разоруженіе гражданъ. „Обезоружить побѣжденныхъ—въ этомъ главная задача побѣдителя, если онъ не желаетъ допустить, чтобы борьба въ каждую минуту снова возгорѣлась". Корона, одержавшая побѣду, могла охотно и спокойно даровать писанную либеральную конституцію, пока въ ея рукахъ находились фактическія соотношенія силъ. Она могла быть увѣрена, что дѣйствительная конституція будетъ шагъ за шагомъ одерживать побѣду надъ писанной конституціей съ такою же роковою необходимостью, какая заключается въ законѣ тяготѣнія. Такъ, дѣйствительно, и случилось. „Ни одно знамя, хотя бы оно побывало въ сотняхъ сраженій, не представляется такъ изодраннымъ и продырявленнымъ, какъ наша конституція". Если же мы, тѣмъ не менѣе, съ лихорадочнымъ трепетомъ группируемся вокругъ этого жалкаго обрывка знамени, то это свидѣтельствуетъ лишь о нашемъ страхѣ, о томъ, что въ писанной конституціи мы все еще признаемъ нѣчто, противорѣчащее дѣйствительному соотношенію силъ.

Тамъ, гдѣ писанная конституція соотвѣтствуетъ дѣйствительному соотношенію силъ, тамъ никогда не случается, чтобы та или другая партія поставила себѣ лозунгомъ сохраненіе конституціи. Такую конституцію никто не рѣшится атаковать. Но если фактическія соотношенія силъ противорѣчатъ писанной конституціи, то послѣдняя безповоротно погибла,—и никакой богъ, никакіе крики не спасутъ ея. Она подвергнется измѣненію либо вправо, въ смыслѣ приспособленія къ реальнымъ соотношеніямъ силъ организованной власти, либо измѣнится влѣво, при чемъ неорганизованная сила общества вновь докажетъ, что она сильнѣе организованной силы войска и пушекъ. Но во всякомъ случаѣ она измѣнится.

Лассаль такъ резюмировалъ свое воззрѣніе: „Во-

просы конституціи суть прежде всего вопросы силы, а не права. Дѣйствительная конституція страны заключается лишь въ реальныхъ фактическихъ соотношеніяхъ силъ, которыя существуютъ въ странѣ. Писанныя же конституціи тогда только имѣютъ цѣнность и прочность, когда онѣ являются точнымъ выраженіемъ дѣйствительнаго соотношенія силъ, существующаго въ обществѣ". Онъ прибавляетъ еще, что сказанное о войскѣ, какъ самомъ рѣшающемъ и важномъ орудіи организованной силы, относится, конечно, и къ организаціи служащихъ въ судебномъ вѣдомствѣ, въ администраціи и т. д. Безъ единаго намека съ его стороны слушатели сами начинаютъ ясно понимать, изъ какой потребности возникло стремленіе правительства къ реорганизаціи арміи. Онъ закончилъ такъ: „М. Г. Корона располагаетъ практическими служителями, а не краснобаями, но такихъ практическихъ слугъ можно было бы пожелать и вамъ".

Въ настоящее время почти непонятно—хотя это еще и рѣзче свидѣтельствуетъ о господствовавшемъ тогда смятеніи,—что такая рѣчь, рѣзко затронувшая больной нервъ положенія, повидимому, не произвела большого впечатлѣнія на тѣхъ, къ кому она была обращена. Въ окружныхъ ферейнахъ, гдѣ говорилъ Лассаль, разсужденія его встрѣчали обычное одобреніе, а изъ особеннаго уваженія къ оратору, по просьбѣ его, воздерживались отъ куренія табаку, пока онъ говорилъ. А въ общемъ—эти добрые люди какъ будто совсѣмъ не замѣчали того, что Лассаль поднесъ имъ совершенно иную пищу, чѣмъ ходячія фразы, къ которымъ они, вообще, привыкли. Конечно, вожаки прогрессистской партіи не могли же такъ грубо заблуждаться, вѣроятно, понимали, куда мѣтилъ Лассаль. Но имъ уже тогда было извѣстно тонкое средство по возможности замазывать неудобныя вещи, пока овечки ихъ не особенно безпокоились; зачѣмъ было имъ преждевременно связываться съ Лассалемъ!

Несравненно больше вниманія, чѣмъ со стороны краснобаевъ, оказано было рѣчи Лассаля „практическими слугами“ короны. „Крестовая Газета“ заявила, что Лассаль, въ свое время извѣстный еврей-революціонеръ, съ вѣрнымъ инстинктомъ попалъ въ самую точку и еще не все сказалъ, что онъ знаетъ и думаетъ. Это былъ языкъ юнкеровъ, которые желали, какъ можно скорѣе и какъ можно непоправимѣе, поссорить корону съ буржуазнымъ классомъ. Само правительство держалось осторожнѣе: военный министръ фонъ-Роонъ и „Sternzeitung“ обвинили Лассаля въ разрушительныхъ тенденціяхъ.

Если въ этой рѣчи Лассаль предостерегалъ буржуазный классъ: берегитесь, не повторяйте прежнихъ глупостей, благодаря которымъ вы проиграли игру въ 1848 году, то въ другой рѣчи, произнесенной имъ 12 апрѣля 1862 г. въ ремесленномъ ферейнѣ Ораньенбургскаго предмѣстья передъ машиностроительными рабочими этого квартала, онъ говоритъ: не забывайте, что въ общей гражданской оппозиціи вы являетесь представителями особыхъ интересовъ. Эту рѣчь Лассаль, впослѣдствіи, назвалъ „Программою работниковъ“. Въ ней онъ желалъ разсмотрѣть „особую связь современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія“.

Чтобы освѣтить свою тему, Лассаль заглянулъ сперва въ исторію, въ прошлое, правильное пониманіе котораго всегда открываетъ смыслъ настоящаго и намѣчаетъ впередъ контуры будущаго. Въ средніе вѣка господствующимъ принципомъ было землевладѣніе, которое коренилось въ экономически хозяйственномъ строѣ этого вѣка въ положеніи его производства. На землевладѣніи покоилась общественная власть, ленное устройство, общественное право, государственный строй. покоилось освобожденіе отъ податей крупнаго землевладѣнія и низкое соціальное положеніе всякаго другого труда помимо земледѣлія.

Далѣе, Лассаль подробно развивалъ, какъ прогрессъ промышленности буржуазнаго производства, все болѣе развивающагося раздѣленія труда и возникшее отсюда накопленіе капитала — повели къ разрушенію средневѣковой общественной организаціи. Это историческое изложеніе опирается, главнымъ образомъ, на „Коммунистическій манифестъ", хотя оно отнюдь не является плагіатомъ, но продумано совершенно самостоятельно. Тихій, незамѣтно революціонирующій, прогрессъ промышленности подорвалъ могущество землевладѣнія. Революція таилась уже въ нѣдрахъ общества задолго до того, какъ она вспыхнула во Франціи. „Это, вообще, имѣетъ мѣсто во всѣхъ революціяхъ, М. Г.! Революцію никогда нельзя сдѣлать, но мы всегда можемъ добиться послѣдовательнаго проведенія и внѣшняго правового признанія для революціи, которая уже совершилась въ фактическихъ отношеніяхъ общества. Желать сдѣлать революцію могутъ только глупые и незрѣлые люди, которые не имѣютъ представленія о законахъ исторіи. Но столь же глупо и служитъ доказательствомъ незрѣлости стремленіе двинуть обратно революцію, уже совершившуюся въ общественномъ организмѣ, противиться правовому признанію ея и упрекать общество или отдѣльныхъ лицъ, участвующихъ въ этомъ актѣ родовъ, въ томъ, что они революціонны. Разъ революція укоренилась въ обществѣ, проникла въ фактическія отношенія, то никакая сила не въ состояніи помѣшать появленію ея на свѣтъ и переходу въ собраніе законовъ". Прядильная машина, которая разбила средневѣковую цеховую организацію и подготовила свободную конкурренцію,—эта машина была уже сама по себѣ живымъ воплощеніемъ революціи.

Во время Великой французской революціи буржуазія, третье сословіе, завоевала правовое положеніе, которое соотвѣтствовало фактической силѣ ея. Въ первый моментъ она отождествляла себя съ цѣлымъ

народомъ и свое дѣло съ дѣломъ всего человѣчества Дѣйствительно ли это было такъ или же это третье сословіе—буржуазія—носило еще въ своемъ сердцѣ четвертое сословіе, отъ котораго оно, въ свою очередь, желало юридически отграничиться и подчинить его своей власти? Лассаль разъяснялъ понятіе о буржуазіи въ томъ смыслѣ, что во время французской революціи буржуазный классъ еще состоялъ, какъ и теперь, изъ 2-хъ подклассовъ: изъ лицъ, которыя всецѣло или главнымъ образомъ живутъ своимъ трудомъ и не имѣютъ поддержки въ капиталѣ. или же располагаютъ очень скромнымъ капиталомъ, и изъ лицъ, которыя обладаютъ крупнымъ бюргерскимъ имуществомъ, крупнымъ капиталомъ и производятъ уже, опираясь на этотъ большой капиталъ или же извлекаютъ изъ него ренту. Такой богатый гражданинъ самъ по себѣ еще не есть буржуа,—если онъ пользуется лишь удобствами своего положенія у себя дома, то нѣтъ ничего проще, естественнѣе и законнѣе. Но если этотъ богатый гражданинъ не удовлетворяется фактическими преимуществами крупной собственности, а желаетъ вплести этотъ фактъ въ правовое условіе политическаго господства, то онъ становится буржуа. Въ этомъ смыслѣ третье сословіе, достигшее власти, благодаря французской революціи, признавало себя буржуазіей; оно подчинило народъ своему привилегированному политическому господству. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка дворянство сдѣлало землевладѣніе господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, такъ поступила теперь буржуазія въ отношеніи капитала.

Лассаль доказывалъ это цѣлымъ рядомъ аналогичныхъ фактовъ. При помощи выборовъ, основанныхъ на цензѣ, буржуазія дѣлаетъ количество уплачиваемыхъ налоговъ и, стало быть, въ концѣ концовъ, обладаніе капиталомъ, — масштабомъ, которымъ опредѣляется право выборовъ въ палаты, или, другими

словами, участіе каждаго отдѣльнаго лица въ управленіи государствомъ. Затѣмъ, при помощи косвенныхъ налоговъ, которые буржуазія хотя и не изобрѣла, но разработала въ неслыханную систему, она освободила крупный капиталъ отъ налоговъ, т. е. добилась для него такой же льготы, какою пользовалось въ средніе вѣка крупное землевладѣніе; при этомъ Лассаль указалъ на оригинальное противорѣчіе и своеобразную справедливость такого порядка: почти совокупныя потребности государственнаго хозяйства удовлетворяются изъ косвенныхъ налоговъ, т. е. вся тяжесть ихъ взваливается на бѣдные классы народа; масштабомъ же и избирательнаго права, а слѣдовательно, и политическаго господства являются прямые налоги, которые въ общемъ бюджетѣ прусскаго государства въ 108 милліоновъ покрываютъ лишь ничтожную часть въ 12 милліоновъ. Съ какимъ соціальнымъ презрѣніемъ относятся къ тѣмъ, которые, какъ бы, и сколько бы они ни работали, не обладаютъ буржуазной собственностью, — это, къ сожалѣнію, слушателямъ его довольно часто приходилось наблюдать въ жизни гражданъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ буржуазія идетъ даже дальше феодальнаго дворянства: при помощи залоговъ и штемпельнаго сбора она превращаетъ въ привилегію капитала обученіе взрослаго населенія, которое въ средніе вѣка лежало на духовенствѣ, а въ новѣйшее время возлагается на періодическую печать.

Однако, и этотъ историческій періодъ по существу пережилъ себя, хотя съ внѣшней стороны это трудно сказать. „24 февраля 1848 г. взошла первая заря новаго историческаго періода. Въ этотъ день во Франціи, въ той странѣ, гдѣ мощная внутренняя борьба, гдѣ побѣды и пораженія свободы означаютъ побѣды и пораженія всего человѣчества, вспыхнула революція, которая призвала рабочаго въ члены временнаго правительства, которая провозгласила цѣлью

государства улучшеніе участи рабочаго класса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установила всеобщее и прямое избирательное право; согласно послѣднему, всякій гражданинъ, достигшій 21-го года, независимо отъ своего имущественнаго положенія, принимаетъ равное участіе въ управленіи государствомъ, въ опредѣленіи воли и цѣли государства". Если революція 1789 года была революціей 3-го сословія, то отнынѣ 4-ое сословіе, которое въ 1789 году таилось еще въ складкахъ 3-го сословія и какъ будто сливалось съ нимъ, провозгласило свой принципъ господствующимъ принципомъ общества и пожелало, чтобы этимъ принципомъ были также проникнуты всѣ общественныя учрежденія. Послѣ этого Лассаль доказываетъ совершенно въ духѣ „Коммунистическаго манифеста", что это послѣднее и низшее сословіе, этотъ обездоленный общественный классъ, не въ состояніи больше выставить и установить никакого исключительнаго условія ни въ правовомъ, ни въ фактическомъ отношеніи. Что это 4-е сословіе, въ сердцѣ котораго не таится ни малѣйшаго зародыша какой-либо новой привилегированности, именно, поэтому совпадаетъ со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло есть поистинѣ дѣло совокупнаго человѣчества, его свобода — свобода самого человѣчества, его господство — господство всѣхъ. Кто признаетъ идею рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества, тотъ не даетъ сигнала ко враждѣ между общественными классами, нѣтъ, — это призывъ къ примиренію, къ единенію, призывъ къ любви. Этотъ призывъ, однажды вырвавшись изъ сердца народа, навсегда останется его истиннымъ лозунгомъ и по своему внутренному содержанію будетъ лозунгомъ любви даже тогда, когда онъ грянетъ, какъ боевой кличъ народа.

Лассаль разсматривалъ принципъ рабочаго сословія, какъ господствующій принципъ общества съ народной точки зрѣнія: со стороны формальныхъ

средствъ его осуществленія, затѣмъ въ отношеніи его нравственнаго содержанія и въ отношеніи присущаго ему политическаго воззрѣнія на цѣль государства.

Формальнымъ средствомъ его осуществленія служитъ всеобщее и прямое избирательное право. Это не волшебный жезлъ, который предохраняетъ отъ мимолетныхъ ошибокъ, но это единственное средство, которое съ теченіемъ времени само исправляетъ ошибки, къ которымъ можетъ вести неправильное пользованіе имъ въ данный моментъ. Это — копье, которое само исцѣляетъ наносимыя имъ раны. Въ концѣ-концовъ, при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, избранное собраніе представителей является точнымъ и вѣрнымъ отраженіемъ избирающаго его народа.

По своему нравственному содержанію принципъ рабочаго сословія, если бы онъ получилъ господство, вызвалъ бы такой расцвѣтъ нравственности, культуры и науки, какого еще никогда не было въ исторіи. Развитіе народовъ, духъ исторіи съ отдаленныхъ временъ уже ведетъ все къ большему сокращенію привилегій, которыя обезпечивали высшимъ сословіямъ положеніе ихъ, какъ высшихъ и господствующихъ классовъ. Желаніе удержать эти привилегіи, или личный интересъ, приводитъ поэтому каждаго члена высшихъ сословій — если только онъ широтой своего взгляда не можетъ подняться выше своего личнаго бытія, — приводитъ его съ самаго начала въ принціпіально-враждебное отношеніе къ развитію народа, къ распространенію образованія и науки, къ прогрессу культуры и ко всѣмъ, вообще, проявленіямъ и побѣдамъ исторической жизни. Это противорѣчіе необходимо создаетъ глубокую безнравственность высшихъ сословій. Иное дѣло низшіе классы. Правда, къ сожалѣнію, и у нихъ имѣется еще достаточная доля эгоизма, гораздо больше, чѣмъ слѣдовало бы. Но тамъ, гдѣ этотъ эгоизмъ есть, онъ является недостат-

комъ отдѣльныхъ лицъ, но вовсе не составляетъ неотъемлемаго порока всего класса. Самый умѣренный инстинктъ подсказываетъ уже членамъ низшаго класса, что, поскольку каждый изъ нихъ думаетъ только о себѣ и имѣетъ въ виду лишь свои личные интересы, онъ не можетъ разсчитывать на существенное улучшеніе своего класса. А поскольку низшіе классы общества стремятся къ улучшенію судьбы своего класса, личный интересъ ихъ по своему направленію всецѣло совпадаетъ съ развитіемъ всего народа, съ побѣдою идеи, съ жизненнымъ принципомъ самой исторіи, которая заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ развитіи свободы. „Вы находитесь въ счастливомъ положеніи, ибо все то, что составляетъ истинный личный интересъ вашъ, совпадаетъ съ біеніемъ пульса исторіи, съ движущимъ жизненнымъ принципомъ нравственнаго развитія“. Вотъ почему рабочіе могутъ отдаться историческому развитію съ личною страстностью и могутъ быть увѣрены, что они будутъ тѣмъ нравственнѣе, чѣмъ глубже и пламенѣе будетъ эта страстность въ изложенномъ здѣсь чистомъ смыслѣ.

Наконецъ, въ тѣснѣйшей связи съ этимъ находится то, въ чемъ разница въ воззрѣніи четвертаго сословія и буржуазіи на государство. „Нравственная идея буржуазіи заключается въ томъ, что каждому слѣдуетъ обезпечить безпрепятственное пользованіе своими силами, — а больше ничего не требуется. Конечно, эта идея вполнѣ удовлетворила бы, и мы могли бы признать ее нравственною, если бы мы всѣ были одинаково сильны, одинакого умны, равно образованы и богаты. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ и не можетъ быть, то эта идея недостаточна и, будучи проведена послѣдовательно, она необходимо приводитъ къ глубокой безнравственности. Она ведетъ къ тому, что болѣе сильный, болѣе умный, болѣе богатый эксплоатируетъ и порабощаетъ слабѣйшаго. Напротивъ, нравственная идея рабочаго

сословія заключается въ томъ, что одного безпрепятственнаго и свободнаго проявленія индивидуальныхъ силъ еще недостаточно, но для нравственнаго упорядоченія условій общежитія требуются еще: солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи!" Соотвѣтственно такому различію въ воззрѣніяхъ буржуазія понимаетъ цѣль государства такимъ образомъ, что государство должно только лишь гарантировать личную свободу каждаго въ отдѣльности и защищать его имущество. Это идея ночного сторожа, — „ночного сторожа потому, что она не можетъ себѣ иначе представить государство, какъ въ образѣ ночного сторожа, функція котораго — предупредить разбой и грабежъ". Если буржуазія желаетъ логически дойти до своего послѣдняго вывода, то она должна будетъ сознаться, что признавала бы государство совершенно излишнимъ, если бы не было воровъ и разбойниковъ.

Совершенно иначе понимаетъ цѣль государства 4-ое сословіе; понимаетъ ее такъ, какъ есть на самомъ дѣлѣ. „Исторія это — борьба съ природой, съ безпомощностью, невѣжествомъ, бѣдностью, безсиліемъ и, слѣдовательно, съ неволей во всѣхъ ея видахъ, въ которой мы застаемъ человѣческій родъ на зарѣ исторіи. Постепенно достигаемая побѣда надъ этимъ безсиліемъ, — въ этомъ заключается развитіе свободы, въ этомъ состоитъ исторія. Въ такой борьбѣ мы никогда не сдѣлали бы ни одного шага впередъ и никогда ни сдѣлаемъ его, если бы дѣйствовали или пожелали дѣйствовать каждый въ одиночку, каждый только за себя. И вотъ назначеніе государства осуществить это развитіе свободы, привести человѣческій родъ къ свободѣ. Въ лицѣ государства осуществляется объединеніе индивидуумовъ въ одно нравственное цѣлое, объединеніе, въ милліонъ разъ увеличивающее силы отдѣльныхъ лицъ, включенныхъ въ этотъ союзъ. Силы, которыми располагаетъ каждая изъ этихъ еди-

ницъ, возрастаютъ, такимъ образомъ, въ милліонъ разъ". Рабочее сословіе уже въ силу безпомощнаго положенія, въ которомъ находится каждый отдѣльный членъ его, невольно проникается до глубины инстинктомъ, что назначеніе государства есть и должно быть въ томъ, чтобы, сливъ отдѣльныя единицы, дать имъ возможность достигнуть такого развитія, къ какому каждый въ отдѣльности неспособенъ. „Такимъ образомъ, государство, которое подчиняется идеѣ рабочаго сословія, вполнѣ ясно, съ полнымъ сознаніемъ поставитъ своей задачей нравственное развитіе, хотя, конечно, и до сихъ поръ всѣ государства такъ поступали по самой природѣ вещей и подъ давленіемъ обстоятельствъ; но они дѣлали это безсознательно и часто даже противъ воли. Государство осуществляло бы тогда охотно, свободно и со строжайшей послѣдовательностью то, что до сихъ поръ приходилось вырывать у него кусочками противъ воли и въ самомъ жалкомъ и изуродованномъ видѣ. Это создало бы такой подъемъ духа, такую сумму счастья, образованія, благосостоянія и свободы, какихъ не видала еще всемірная исторія и въ сравненіи съ которыми блѣднѣютъ даже самыя прославленныя эпохи прежнихъ временъ".

Эту послѣдовательную цѣпь идей Лассаль характеризуетъ, какъ идею рабочаго сословія, и изъ нея, по его мнѣнію, вытекаетъ для рабочихъ обязанность держаться совершенно иначе. „Всѣ мысли ваши должны быть поглощены высокимъ всемірно-историческимъ почетомъ, который связанъ съ такимъ назначеніемъ. Вамъ не приличествуютъ болѣе пороки порабощенныхъ и еще болѣе праздныя развлеченія тупоумныхъ и даже невинное легкомысліе ничтожныхъ. Вы — та скала, на которой долженъ быть воздвигнутъ храмъ современности". Въ чудныхъ выраженіяхъ развиваетъ Лассаль эту мысль, и онъ считалъ бы себя удовлетвореннымъ, если бы ему удалось зажечь нравствен-

ное пламя ея хотя бы въ 2-хъ, 3-хъ слушателяхъ. Онъ взываетъ къ рабочимъ не падать духомъ и не поддаваться сомнѣніямъ въ своихъ стремленіяхъ. Съ горныхъ вершинъ науки можно раньше увидѣть зарю новаго дня, чѣмъ внизу, въ водоворотѣ повседневной жизни. И то, что составляетъ часъ въ картинѣ каждаго дня природы, то являетъ намъ одно или два десятилѣтія въ несравненно болѣе величественномъ зрѣлищѣ всемірно-историческаго восхода солнца.

Вся оригинальность Лассаля сказалась также въ этой рѣчи, и притомъ даже въ большей мѣрѣ, нежели въ рѣчи „О сущности конституціи". Необычайно ясная и понятная группировка матеріала, строгость логическихъ умозаключеній, увлекательное изложеніе, глубокая симпатія къ пролетаріату, которая освѣщаетъ и согрѣваетъ рѣчь, которой одинаково чужды и холодный разсчетъ демагога и слезливый паѳосъ сантиментальной натуры, ясное пониманіе задачъ, поставленныхъ на разрѣшеніе пролетаріата въ современномъ буржуазномъ обществѣ, — все это дѣлаетъ „Программу работниковъ" такимъ же великимъ произведеніемъ, какимъ былъ въ своемъ родѣ „Коммунистическій манифестъ". Можно сказать даже, что лассалева „Программа работниковъ" есть „Коммунистическій манифестъ", отраженный въ зеркалѣ нѣмецкихъ условій.

Этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказано, что она одностороннѣе „Коммунистическаго манифеста", но въ этой односторонности кроется, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея сила. Лассаль игнорируетъ англійскую революцію XVII столѣтія, упускаетъ чартистское движеніе, которое задолго до Февральской революціи сдѣлало всеобщее избирательное право боевымъ кличомъ пролетаріата, не обращая вниманія на классическую форму буржуазіи въ Англіи. Онъ ограничивается въ своемъ изслѣдованіи развитіемъ французскихъ и нѣмецкихъ условій; и эта односторонность его отнюдь не идетъ въ разрѣзъ съ истиной. Здѣсь нѣтъ, во-первыхъ, субъективной не

правды, потому что Лассаль на самомъ дѣлѣ видѣлъ вещи такими, какими онъ ихъ изображалъ. Характеръ его образованія и ходъ развитія достаточно объясняютъ намъ, почему французское и нѣмецкое историческое развитіе были для него всегда ближе, нежели англійское. Нѣтъ здѣсь и объективной неправды, ибо насколько хватало воззрѣніе Лассаля—оно было вѣрно, а горизонтъ его былъ достаточно широкъ, чтобы объяснить нѣмецкимъ рабочимъ, что требуется для нихъ въ настоящемъ и будущемъ. При существовавшихъ условіяхъ „Коммунистическій манифестъ" былъ для массъ нѣмецкаго пролетаріата книгою, запечатанною семью печатями. При тогдашнемъ уровнѣ развитія ихъ и пониманія, онъ въ состояніи былъ освѣтить развѣ только слабымъ мерцаніемъ тотъ историческій путь, которымъ надлежало идти нѣмецкому рабочему классу. Наоборотъ, лассалева „Программа работниковъ" показала имъ, правда, лишь первые этапы этого пути, но зато съ полнѣйшей отчетливостью.

При всемъ томъ Лассаль въ „Программѣ работниковъ" развертываетъ весьма значительный и весьма важный отдѣлъ буржуазнаго историческаго періода. Собственно, онъ ошибается только по вопросу о залогахъ и штемпельныхъ сборахъ съ газетъ, которому онъ лично отводитъ болѣе чѣмъ второстепенное мѣсто. Къ тому же это были, въ общемъ, орудія самодержавнаго феодальнаго господства, а буржуазія, вообще, боролась съ ними. Главные же признаки, по которымъ Лассаль опредѣляетъ господство буржуазіи, вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Англійская буржуазія самымъ отчаяннымъ образомъ защищала цензовые выборы во время борьбы за билль о реформѣ такъ же, какъ и французская буржуазія во время революціи 1848 года. Всякое расширеніе избирательнаго права разсматривалось и будетъ разсматриваться этимъ классомъ, какъ потрясеніе его господства, и приходилось и всегда придется вырывать у него насильно.

Правда, въ Пруссіи трехклассная система выборовъ была дарована самодержавно-феодальной контръ-революціей противъ воли буржуазіи и при бумажномъ протестѣ ея. Но въ то время, когда Лассаль обнародовалъ „Программу работниковъ", буржуазный классъ давно созналъ свое минутное заблужденіе и исправилъ его еще болѣе пламенной приверженностью къ цензовымъ выборамъ. Насколько враждебно относится нѣмецкая буржуазія ко всеобщему избирательному праву тамъ, гдѣ оно существуетъ, и насколько упорно она сопротивляется введенію его тамъ, гдѣ его еще нѣтъ — это достаточно извѣстно.

Точно также обстоитъ дѣло съ косвенными налогами. Когда Лассаль говорилъ, что буржуазія, собственно, не изобрѣла этихъ налоговъ, а только лишь развила ихъ въ неслыханную доселѣ систему, то онъ собственно повторилъ только то, что сказано было уже Марксомъ въ полемической статьѣ противъ Прудона: „Налогъ на предметы потребленія достигъ своего полнаго развитія лишь съ побѣдою буржуазіи". Историческіе факты совершенно подтверждаютъ это воззрѣніе. Правда, Лассалю сдѣлано было возраженіе, что, именно, въ Пруссіи „буржуазія" не можетъ быть отвѣтственна за введеніе косвенныхъ налоговъ въ XVII столѣтіи. И это возраженіе совершенно справедливо, поскольку въ ту эпоху не существовало прусской „буржуазіи" въ современномъ смыслѣ. Фактически, однако, на бранденбургскомъ сеймѣ 1667 года, города добились противъ воли рыцарства введенія акциза, говоря, что онъ „согласуется со словомъ Божіимъ и природою вещей". Представители городовъ умоляли своего любезнѣйшаго отца страны услышать мольбу объ облегченіи многихъ тысячъ вздыхающихъ душъ въ городахъ и деревняхъ и ввести повсемѣстно въ странѣ вмѣсто тогдашняго прямого налога, т. н. контрибуціи, налогъ на потребленіе. И чѣмъ, повидимому, убѣдительнѣе говоритъ это возра-

женіе противъ Лассаля, тѣмъ больше на самомъ дѣлѣ оно говоритъ за него. Хотя зачатки современной буржуазіи въ бранденбургскихъ городахъ XVII-го столѣтія были очень жалки, но, тѣмъ болѣе, пламенная мольба ихъ объ акцизѣ доказываетъ, какъ глубоко коренятся косвенные налоги въ существѣ буржуазнаго историческаго періода.

Лассаль какъ-то выразился, однажды, что косвенные налоги представляютъ „богатую и мозаичную матерію“. Борьба изъ-за этихъ налоговъ, которые при своемъ возникновеніи имѣли также цѣлью уничтожить феодальныя податныя привилегіи дворянства, происходила не только между господствующими и подвластными классами, но и въ средѣ самихъ господствующихъ классовъ. Государямъ и юнкерамъ скоро чрезвычайно понравились косвенные налоги, тогда какъ буржуазія сильно боролась противъ нихъ, когда они ко вреду ея стали укрѣплять силу фиска и феодальной власти, повышать земельную ренту и понижать прибыль на капиталъ. Въ этой борьбѣ буржуазная политическая экономія собрала богатый арсеналъ оружія противъ косвенныхъ налоговъ, что не помѣшало, однако, буржуазной практикѣ переложить при помощи налоговъ на потребленіе государственные расходы на трудящіеся классы въ формахъ, которыя исключительно или главнымъ образомъ соотвѣтствовали ея классовымъ интересамъ. Въ великой исторической связи, въ которой разсматриваетъ эти вещи лассалева „Программа работниковъ“, косвенные налоги во время господства буржуазіи несомнѣнно развились въ неслыханную раньше систему, — и въ этомъ смыслѣ они являются однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ буржуазнаго историческаго періода.

И въ остальныхъ пунктахъ „Программа работниковъ“ имѣетъ то достоинство, что стремилась отыскать экономическую основу историческаго развитія. Ласса-

лева идеологія сохранилась здѣсь лишь въ видѣ очень тонкаго флера, сквозь который всюду видна струящаяся красная кровь жизни. Феодальный „принципъ“ выводится изъ способа производства въ средніе вѣка; „идея рабочаго движенія“ фактически разсматривается, какъ пролетарская классовая борьба, и даже разсужденія о государствѣ возбуждаютъ возраженіе со стороны содержанія. Въ своемъ письмѣ къ Бухеру Лассаль ставитъ, какъ требованіе принципа, созданіе новой общественности, но не новаго государства; а въ „Программѣ работниковъ“ онъ изучаетъ историческое движеніе на переворотахъ въ обществѣ, а не на государственныхъ переворотахъ. Въ противоположность представленію манчестерцевъ о государствѣ, какъ о ночномъ сторожѣ, преобладавшему тогда въ общественномъ мнѣніи, нужно было категорически подчеркнуть, что рабочій классъ нуждается въ государствѣ для осуществленія своей эмансипаціи. Въ этомъ Лассаль вполнѣ сходился съ „Коммунистическимъ манифестомъ“, хотя онъ забылъ прибавить, что завоеваніе рабочими классами политической власти повлечетъ за собою раствореніе государства въ соціалистическомъ обществѣ. Но это упущеніе очень просто объясняется задачей „Программы работниковъ“, которая прежде всего имѣла цѣлью будить заснувшее или, вообще, еще не проснувшееся классовое сознаніе пролетаріата. Ничто не показываетъ, что Лассаль не сочувствовалъ или умышленно замалчивалъ упомянутый конечный выводъ „Коммунистическаго манифеста“. Насколько онъ старался избѣгать всякаго сбивчиваго понятія о государствѣ, доказываетъ рѣзкое подчеркиваніе имъ того факта, что государство въ состояніи будетъ выполнить свое цивилизаторское призваніе лишь при политическомъ господствѣ пролетаріата, тогда какъ до сихъ поръ оно выполняло его лишь безсознательно подъ давленіемъ обстоятельствъ и часто противъ воли его руководителей.

Повидимому, и эта рѣчь Лассаля не произвела непосредственно большого впечатлѣнія. Избирательная борьба поглотила всѣ интересы. Участіе въ выборахъ 1862 года было такъ велико, какъ никогда до и послѣ этого при трехклассной избирательной системѣ. Машиностроительные рабочіе, къ которымъ обратился Лассаль, принадлежали къ самымъ вѣрнымъ сторонникамъ прогрессистской партіи и тѣмъ болѣе могли проглядѣть болѣе глубокій смыслъ рѣчи, что ораторъ отнюдь не имѣлъ въ виду вызвать въ избирательной борьбѣ расколъ. Требованіе всеобщаго прямого избирательнаго права, единственный практическій выводъ этой рѣчи, также не представляло для нихъ ничего поразительнаго, такъ какъ въ то время въ Берлинѣ существовалъ „Народный избирательный ферейнъ", который подъ руководствомъ писателя Адольфа Штрекфуса, одного изъ дѣятелей 1848 года, агитировалъ среди прогрессистской партіи за избраніе такихъ кандидатовъ, которые стояли бы за возстановленіе всеобщаго избирательнаго права. Это обстоятельство было, по всей вѣроятности, достаточнымъ основаніемъ для вождей прогрессистской партіи не подымать большого шума изъ-за ересей Лассаля. Они приняли твердое рѣшеніе провалить всеобщее избирательное право, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, благоразумно остерегались слишкомъ открыто афишировать это благородное намѣреніе. Вмѣсто этого они прибѣгли къ очень хитрой тактикѣ — обходить роковой вопросъ неопредѣленными фразами. Благодаря этому усыпляющему методу, агитація, руководимая Штрекфусомъ, вскорѣ, дѣйствительно, стихла.

Съ гораздо большей проницательностью, нежели буржуазія и пролетаріатъ, отнеслось къ рѣчи Лассаля правительство. Тотчасъ послѣ отпечатанія ея въ іюнѣ того же года государственный прокуроръ фонъ-Шелингъ велѣлъ конфисковать ее, и притомъ съ возможно большимъ шумомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, произве-

денъ былъ обыскъ въ квартирѣ Лассаля, столь же излишній, сколь и незаконный. И такъ какъ даже для прусскаго государственнаго прокурора было нелегко подвести академическій и строго научный трактатъ подъ одинъ изъ гибкихъ, какъ каучукъ, параграфовъ, какими кишѣло прусское уголовное уложеніе, то, пожалуй, многое говоритъ за вѣроятность предположенія, сдѣланнаго впослѣдствіи Лассалемъ, что онъ былъ лишь избранъ козломъ отпущенія, за счетъ котораго правительство желало сговориться съ буржуазіей. Въ глазахъ тогдашняго министра-президента ф. д. Гейдта лассалева „Программа работниковъ“ должна была представляться чѣмъ-то ужаснымъ и, по всей вѣроятности, судебнымъ преслѣдованіемъ Лассаля онъ хотѣлъ дать буржуазіи залогъ того, что правительство будетъ держать ея рабочихъ въ уздѣ, если она въ свою очередь одобритъ правительственную военную реформу. Что при конфискаціи рѣчи имѣлось въ виду дипломатическое спасеніе государства, говоритъ еще то обстоятельсто, что Лассалю не было предъявлено тотчасъ же обвиненіе, — весьма рѣдкое событіе въ прусской юстиціи, которая, вообще, въ политическихъ процессахъ старается обыкновенно уравновѣсить быстротою то, чего ей не хватаетъ въ основательности.

Тѣмъ временемъ прогрессистская партія одержала свою великую побѣду на выборахъ, и Лассалю приходилось выжидать, — выжидать дальнѣйшаго хода событій, выжидать, окажется ли буржуазная оппозиція способною выполнить свою задачу. Въ эти дни онъ обдумывалъ возможность того, что ему снова придется вернуться къ теоріи. Онъ задумалъ написать сочиненіе подъ названіемъ: „Основы научной политической экономіи“. Передъ большой публикой онъ снова выступилъ 17-го мая ораторомъ отъ „философскаго общества“ на празднованіи столѣтней годовщины Фихте. Въ этомъ обществѣ было много представителей, принадлежавшихъ къ патентованнымъ ученымъ;

въ то время оно было сильно возмущено недостойными выборными махинаціями министра народнаго просвѣщенія фонъ-Мюлера и, повидимому, назначая Лассаля своимъ ораторомъ, оно имѣло въ виду произвести демонстрацію. Во всякомъ случаѣ, этотъ выборъ доказывалъ, что въ то время буржуазныя сферы не видѣли еще ничего серьезнаго въ агитаціи Лассаля Рѣчь о Фихте и незадолго передъ тѣмъ статья о Лессингѣ, помѣщенная въ „Demokratische Studien" Валесроде, показываютъ крайніе предѣлы, до которыхъ дошелъ съ идеалистической точки зрѣнія Лассаль, какъ популярный ораторъ и писатель. Но между обѣими работами существуетъ то различіе, что рѣчь о Фихте, сообразно своей задачѣ, должна была держаться на почвѣ философскаго идеализма и что юбилейный ораторъ желаетъ выступить въ облаченіи Фихте и носить его цвѣта, тогда какъ статья о Лессингѣ съ большой натяжкой мирится съ идеалистическими конструкціями, скроенными къ тому же по очень доморощенному реалистическому образцу. Статья о Лессингѣ — единственная изъ лассалевыхъ работъ, въ которой онъ нѣсколько страдаетъ непріятными особенностями прусской демократіи. Наоборотъ, въ рѣчи о Фихте онъ, дѣйствительно, является намъ на высотѣ классической философіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она была его произвольнымъ привѣтомъ этой философіи.

Въ іюлѣ 1862 года Лассаль побывалъ въ Лондонѣ и пытался склонить Маркса на сторону своихъ плановъ. Но они не могли сговориться, и послѣ этого переписка ихъ прекратилась, хотя настоящаго разрыва не произошло. Свои возраженія Лассалю Марксъ резюмировалъ позднѣе такимъ образомъ: Лассаль слишкомъ поддается вліянію даннаго момента. Онъ избираетъ узкій исходный пунктъ, дѣлая центральнымъ пунктомъ своей агитаціи помощь государства въ противовѣсъ самопомощи, проповѣдывае-

мой карликомъ вродѣ Шульце-Делича. Этимъ онъ возвращается къ паролю, который былъ нѣкогда выставленъ Бюшезомъ, главою католическаго соціализма во Франціи, въ противовѣсъ дѣйствительному рабочему движенію. Съ требованіемъ государственной помощи для ассоціацій Лассаль соединяетъ чартистскій лозунгъ всеобщаго избирательнаго права. Онъ не замѣчаетъ при этомъ, что условія въ Германіи и Англіи различны и забываетъ также уроки, данные бонапартизмомъ относительно всеобщаго избирательнаго права. Онъ игнорируетъ естественную связь съ прежнимъ рабочимъ движеніемъ и впадаетъ въ ошибку Прудона, — искать реальную основу для своей агитаціи не въ дѣйствительномъ классовомъ движеніи. Онъ предписываетъ этому движенію опредѣленный ходъ по доктринерскому рецепту и этимъ придаетъ своей агитаціи сектантскій характеръ.

Едва ли Лассаль не понималъ всей тяжести этихъ возраженій. И если они все же не убѣдили его, то, безъ сомнѣнія, потому, что онъ слишкомъ сильно поддался вліянію „непосредственныхъ условій момента“ Затѣмъ оставался еще открытымъ вопросъ, кто правильнѣе оцѣнивалъ эти условія по отношенію Германіи: Марксъ или Лассаль, какъ это уже было во время кризиса 1859 года? А этотъ вопросъ сводился къ другому: какъ поведетъ прусская буржуазія свою борьбу съ королемъ и юнкерствомъ?

4. Политическое банкротство буржуазіи.

Когда Лассаль осенью 1862 года возвратился въ Берлинъ, прусская конституціонная борьба достигла своего апогея. 13-го октября правительство закрыло сессію ландтага. Передъ этимъ палата депутатовъ, ссылаясь на статью 99 конституціи, объявила несогласнымъ съ конституціей всякій расходъ правительства, категорически и окончательно отклоненный рѣшеніемъ палаты депутатовъ. Палата господъ отклонила бюд-

жетъ, принятый палатою депутатовъ, на что она имѣла право, и приняла бюджетъ, предложенный правительствомъ, что являлось открытымъ нарушеніемъ конституціи. Наконецъ, правительство заявило, что выводъ, сдѣланный палатою депутатовъ изъ статьи 99 конституціи, не состоятеленъ; что ревизіонныя палаты рѣшительно отказались толковать эту статью въ томъ смыслѣ, въ какомъ теперь истолковала ее палата депутатовъ. По мнѣнію правительства, при составленіи конституціи былъ оставленъ открытымъ вопросъ, какъ поступить въ томъ случаѣ, если всѣ три законодательныхъ фактора не могутъ столковаться относительно того или другого законопроекта. И такъ какъ такой случай наступилъ теперь на практикѣ, то правительство вынуждено во что бы то ни стало сохранить существующія государственныя учрежденія,— другими словами, производить расходы на фактически проведенную военную реформу, хотя они и вычеркнуты палатой.

При этомъ Бисмаркъ нисколько не скрывалъ, что весь этотъ конфликтъ нисколько не доставляетъ ему удовольствія. Какъ практически дѣловой человѣкъ, онъ прекрасно понималъ, что ключъ отъ денежнаго мѣшка находится въ рукахъ буржуазіи. Онъ имѣлъ противъ себя всю страну, а въ вопросахъ, о которыхъ собственно шла рѣчь, не могъ даже опереться на короля и юнкерство. Какъ истый юнкеръ, онъ шелъ напроломъ, насколько это было въ его власти. Тогда, какъ и впослѣдствіи онъ плохо сознавалъ, что подобными вызовами онъ не ослаблялъ, а только лишь усиливалъ сопротивленіе, которое желалъ сломить. Въ то же время онъ пустилъ въ ходъ свои бонапартистскіе пріемы и въ одно и то же время показывалъ буржуазіи сладкую и кислую физіономію. И вотъ, наконецъ, теперь противъ лассалевой „Программы работниковъ“ было поднято безсмысленное обвиненіе, будто бы она возбуждаетъ въ неимущихъ классахъ откры-

тую ненависть и презрѣніе къ имущимъ классамъ. Въ то же время среди пролетаріата появились темныя личности, которыя сумѣли распространять волшебныя сказки о благоволеніи королевско-прусскаго правительства къ рабочему классу. При всемъ томъ Бисмаркъ не скрывалъ, что желалъ бы лучше помириться съ буржуазіей сегодня, чѣмъ завтра. „Онъ жаловался“ на то, что ему приходится „вести государственное хозяйство безъ поддержки, предусмотрѣнной конституціей“. Онъ неутомимо предлагалъ прогрессистской партіи компромиссы, которые, по его увѣренію, составляютъ сущность всякаго конституціонализма. По его мнѣнію, конституція не разграничиваетъ правъ 3-хъ законодательныхъ факторовъ при установленіи бюджета, и имъ поневолѣ приходится идти на взаимныя уступки. И если одной части угодно въ силу своего „доктринерскаго абсолютизма“ отвергать всякіе компромиссы, то другая часть, имѣющая въ своихъ рукахъ власть, вынуждена поступать по своему, такъ какъ жизнь государства не можетъ вѣдь остановиться ни на одну минуту.

Что бы ни возражали противъ точки зрѣнія Бисмарка, она имѣла одно несомнѣнное достоинство: онъ понималъ спорный вопросъ такъ, какимъ онъ въ дѣйствительности былъ, какъ реальный вопросъ силы. И что бы ни говорили въ пользу буржуазной оппозиціи, она страдала однимъ недостаткомъ: принимала спорный вопросъ за то, чѣмъ онъ не былъ: за формальный вопросъ права. Прогрессистская партія попрежнему продолжала кричать о конституціи, какъ о святынѣ, которой грозитъ опасность, на которую дѣлается неслыханное покушеніе. Она выставляла прусскую конституцію цѣломудренной дѣвой, надъ которой еще ни одинъ бюрократъ, ни одинъ юнкеръ не дѣлалъ насилія. Это, конечно, фикція, которая требовала еще болѣе твердой вѣры, чѣмъ догматъ о непорочномъ зачатіи Маріи. Рядомъ съ этимъ среди

строптивой буржуазіи замѣчалось теченіе, для котораго бисмарковa теорія компромисса звучала не такъ уже непріятно. Это теченіе господствовало не столько въ парламентскомъ авангардѣ буржуазіи, сколько въ политико-экономическихъ очагахъ ея, въ Національномъ Союзѣ и Конгрессѣ Экономистовъ. Правда, было ясно, что коль скоро рѣшеніе спора зависѣло отъ силы, то при помощи компромисса нельзя было отвоевать ни малѣйшаго клочка политической власти. Но въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ буржуазіи Бисмаркъ готовъ былъ идти на широкія уступки, а это что-нибудь значило, при извѣстныхъ условіяхъ многое, а для значительной части буржуазіи—даже все.

Лассаль своей второю рѣчью о сущности конституціи внесъ свѣтъ въ эту путаницу. Онъ произнесъ ее впервые въ ноябрѣ 1862 года и затѣмъ въ послѣдующіе мѣсяцы въ цѣломъ рядѣ берлинскихъ окружныхъ ферейновъ подъ заглавіемъ: „Что же теперь?“ Онъ могъ сослаться на то, что событія вполнѣ подтвердили теорію его первой рѣчи о конституціи, что конституціонный конфликтъ, въ дѣйствительности, оказался вопросомъ фактической силы. Но если теорія вѣрна, то изъ нея должно вытекать и вѣрное средство, которое обезпечиваетъ народу побѣду. Такъ оно, дѣйствительно, и есть.

Прежде всего необходимо правильно поставить вопросъ. Его ставятъ неправильно, если спрашиваютъ, какъ сохранить данную прусскую конституцію. На этотъ вопросъ такъ же нельзя отвѣтить, какъ и на вопросъ, можетъ ли гальванизація вновь оживить трупъ. Къ тому же народъ нисколько не заинтересованъ въ сохраненіи прусской конституціи съ ея безчисленными задними выходами. Правильный вопросъ, который выдвигается конституціоннымъ конфликтомъ, гласитъ такъ: какимъ способомъ можно осуществить абсолютное право народа — право утвержденія бюджета, которое признано даже въ этой конституціи и

должно быть принято на всѣ времена во всѣ будущія конституціи?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Лассаль прежде всего показываетъ, къ какимъ средствамъ не слѣдуетъ прибѣгать, какъ бы подходящими они ни казались на первый взглядъ. Такъ, иному покажется цѣлесообразнымъ отказъ отъ платежа налоговъ. Но это средство, превосходное для народа, который уже обладаетъ реальною властью, который уже занялъ крѣпость, какъ англійскій народъ, совершенно не дѣйствительно по отношенію къ народу, у котораго имѣется лишь писанная конституція и который только собирается занять крѣпость, завоевать реальныя средства власти. Въ 1848 году теоретическое непониманіе этого вопроса погубило берлинское національное собраніе. Для народа, который лишь собирается завоевать реальныя средства власти, отказъ отъ уплаты податей имѣетъ смыслъ только тогда, если цѣль его— раздуть всеобщее возстаніе; но при данныхъ условіяхъ эта цѣль сама собою падаетъ. Правда, въ 1848 году возможно было побѣдоносное возмущеніе и въ то время отказъ въ податяхъ былъ бы понятенъ, если бы берлинское національное собраніе послѣдовательно шло дальше и декретировало бы національное возстаніе; но, какъ извѣстно, этому помѣшало придуманное Унру печальней памяти пассивное сопротивленіе.

Но если это средство неподходящее, то, во всякомъ случаѣ, палата обладаетъ неотразимымъ средствомъ для побѣды. Она должна лишь высказать то, что фактически существуетъ, другими словами—разрушить мнимый конституціонализмъ, безъ котораго абсолютизмъ не въ состояніи долго держаться. Абсолютизмъ хорошо знаетъ, что общественная сила буржуазіи гораздо больше его силы; онъ хорошо знаетъ, что онъ не можетъ сидѣть на штыкахъ. И какъ бы онъ вызывающе ни держался, но особеннаго удовольствія онъ не можетъ ощущать среди этого шаткаго существованія и

въ рѣзкой и открытой враждѣ съ соотношеніемъ общественныхъ силъ. И для того, чтобы возможно дольше продержаться, ему необходимъ этотъ мнимый конституціонализмъ.

Сущность мнимаго конституціонализма Лассаль объяснилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Абсолютизмъ провозглашаетъ конституцію, въ которой онъ сводитъ право народа и его представителей къ ничтожному минимуму, не обезпеченному никакой реальной гарантіей, и благодаря которой онъ заранѣе отнимаетъ у представителей народа отчасти охоту, отчасти возможность занять самостоятельное положеніе по отношенію къ нему. Каждую попытку депутатовъ провести волю народа противъ правительства, онъ клеймитъ названіемъ „парламентскаго режима",—какъ будто на самомъ дѣлѣ не въ „парламентскомъ режимѣ" и только въ немъ одномъ заключается сущность всякаго истинно-конституціоннаго правительства. Наконецъ, про себя онъ рѣшаетъ, что если народное представительство всетаки сдѣлаетъ независимое постановленіе, несогласное съ волею правительства, то считать его какъ будто несостоявшимся, хотя и съ соблюденіемъ внѣшняго показного блеска конституціонныхъ формъ". Очевидно, что Лассаль срисовалъ эту вѣрную картину мнимаго конституціонализма съ прусскихъ порядковъ.

Такимъ образомъ, мнимый конституціонализмъ не составляетъ пріобрѣтеніе для народа; наоборотъ, это пріобрѣтеніе абсолютизма и самое главное средство для продленія его существованія. Въ своей старой незамаскированной формѣ абсолютизмъ не въ силахъ долго выдерживать напряженія, вытекающаго изъ рѣзкаго и открытаго противорѣчія его со всѣмъ общественнымъ строемъ. И вотъ онъ прикрываетъ это противорѣчіе пустымъ призракомъ конституціонныхъ формъ, убаюкиваетъ, успокаиваетъ и парализуетъ его. Абсолютное и вѣрное средство противъ этой лжи и ея силы заключается въ разоблаченіи ея. Нужно заста-

вить правительство сбросить эту маску и формально передъ всѣмъ міромъ показать себя тѣмъ, что оно есть: абсолютнымъ правительствомъ. Поэтому палата, какъ только она соберется, должна согласиться на то, что правительство, несмотря на отказъ палаты въ утвержденіи расходовъ на военную реформу, продолжаетъ все-таки эти расходы, и съ своей стороны постановить отстрочить свои засѣданія на неопредѣленное время, именно, до тѣхъ поръ, пока правительство не представитъ доказательства, что оно не производитъ больше расходовъ, неутвержденныхъ палатою.

Этимъ правительство будетъ побѣждено. Если оно распуститъ палату, то новые депутаты будутъ выбраны съ тѣмъ же паролемъ, и новая палата въ самомъ же началѣ подтвердитъ резолюцію старой. На вѣчныя времена правительство не можетъ управлять безъ палаты; при взглядѣ на Европу, мы видимъ повсюду государства съ конституціонными формами за исключеніемъ одной Россіи, гдѣ существуютъ также совершенно иныя общественныя отношенія. Даже бонапартистскій и габсбургскій деспотизмъ не могъ обойтись безъ мнимаго конституціонализма. Такъ неужели же, именно, Пруссія съ ея славнымъ бюргерскимъ сословіемъ можетъ просуществовать безъ конституціонныхъ формъ? Это совершенно немыслимо. Въ такой открытой и постоянной борьбѣ съ собственнымъ народомъ правительство не въ состояніи будетъ вести никакой внѣшней политики, не подвергая себя при каждомъ осложненіи самымъ невыносимымъ и грубымъ толчкамъ со стороны другихъ правительствъ. Лассаль протестуетъ при этомъ противъ возможнаго обвиненія его въ томъ, что его разсужденія не патріотичны. Подобно естествоиспытателю, политикъ долженъ разсматривать все, что есть и, слѣдовательно, взвѣшивать всѣ дѣйствующія силы. Трудно даже сказать, на какой ступени варварства стоялъ бы до сихъ поръ міръ, если бы зависть и борьба правительствъ между собой не являлись бы

дѣйствительнымъ средствомъ, вынуждающимъ ихъ къ внутреннему прогрессу. Къ тому же существованіе нѣмцевъ не такъ уже непрочно, чтобы пораженіе ихъ правительствъ заключало въ себѣ дѣйствительную опасность для существованія націи. Въ крупной внѣшней войнѣ могли бы, конечно, погибнуть отдѣльныя правительства саксонское, баварское, прусское, но изъ пепла ихъ возродился бы, какъ фениксъ—нѣмецкій народъ.

Точно также парализуется правительство и внутри разрушеніемъ мнимаго конституціонализма. Лассаль бросилъ взглядъ на быстрый ростъ податного бремени и заключилъ отсюда, что правительство, которое вынуждено выдерживать подобный бюджетъ и невольно запускать руку въ карманъ каждаго, должно, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что оно имѣетъ на это согласіе каждаго. Разоблаченіе того, что есть, онъ считалъ самымъ могущественнымъ политическимъ средствомъ, которому, какъ показалъ уже Фихте, старый Наполеонъ обязанъ былъ своими великими успѣхами. Всякій великій политическій актъ состоитъ въ произнесеніи того, что есть—и съ этого начинается. Наоборотъ, всякое политическое ничтожество, малодушіе заключается въ замалчиваніи и маскированіи того, что есть. Съ этой точки зрѣнія Лассаль подвергалъ жестокой критикѣ довѣрчивость въ дни новой эры, когда „вожаки народной партіи“ старались лицемѣрно убѣдить правительство въ его конституціонализмѣ, но этимъ только обманули народъ и проложили мнимому конституціонализму путь, по которому онъ и дошелъ до требованій военной реорганизаціи.

„Но,—заканчиваетъ Лассаль, это отступленіе,—миръ прошлому! Но тѣмъ ревностнѣе, тѣмъ безпощаднѣе нужно слѣдить въ настоящей тяжелой борьбѣ, чтобы народъ снова не лишенъ былъ своихъ правъ, благодаря политикѣ лживаго прикрыванія. Избиратели путемъ непрерывной агитаціи должны принуждать депу-

татовъ держаться этой тактики, которая одна обезпечиваетъ побѣду. Отсрочкой палата не подчинитъ себѣ правительство. Если первый безспорно конституціонный отказъ палаты будетъ растоптанъ ногами, то невозможно, чтобы второй или третій или четвертый отказъ постигла бы лучшая судьба. Это поведетъ лишь къ тому, что какъ правительство, такъ и народъ привыкнутъ считать недѣйствительными неудобныя рѣшенія палаты. Еще хуже—если это только возможно—былъ бы компромиссъ. По тому обороту, который приняло дѣло, на первомъ планѣ стоитъ основной конституціонный вопросъ: должно ли правительство прекратить расходы, отвергнутые палатою? При такомъ положеніи дѣла компромиссъ былъ бы не соглашеніемъ, а полнымъ отреченіемъ общества отъ своего права".

Въ заключеніе Лассаль доказывалъ, что предлагаемое имъ средство, во всякомъ случаѣ, безвредно. Если оно не подѣйствуетъ, то еще меньше подѣйствуетъ уступчивое продолженіе засѣданій палаты. Оно дастъ лишь правительству возможность продолжать комедію мнимаго конституціонализма, смущать народное сознаніе и, какъ всякая правительственная система, основанная на лжи, развращать нравственность народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это средство безопасно. Для примѣненія его требуется лишь пониманіе и энергія, но особеннаго мужества ненужно. Противъ бастующихъ депутатовъ ничего не подѣлаютъ ни прокуроры, ни суды. Въ худшемъ случаѣ имъ придется отказаться на нѣкоторое время отъ важности оффиціальнаго положенія. Возможно, что правительство будетъ нѣкоторое время упорствовать, но это принесетъ лишь пользу народу. И если оно впослѣдствіи уступитъ, то тѣмъ сильнѣе будетъ униженіе его передъ народомъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ оно должно будетъ признать превосходство надъ собою общественной силы бюргерства. „Но тогда, господа, никакихъ примирительныхъ комедій! Вы собрали теперь достаточный опытъ, чтобы видѣть, что

такое старый абсолютизмъ. Никакихъ, слѣдовательно, новыхъ компромиссовъ: рукою за горло и колѣномъ въ грудь!“

Какъ извѣстно, предложенная Лассалемъ тактика не была испробована на практикѣ, и поэтому относительно ея много спорили. Но изъ возраженій, которыя она вызвала, около девяти десятыхъ разбиваются тѣмъ, что критики не дали себѣ труда правильно вникнуть въ мысли Лассаля. Особенно остроумно одно возраженіе, которое чаще всего встрѣчается, что конституціонный конфликтъ не помѣшалъ Бисмарку вести побѣдоносныя войны съ Даніей и Австріей. Конечно, Лассаль блестяще опровергнутъ, если тактика, совершенно противоположная его предложенію, относительно которой онъ заранѣе доказывалъ, что она отнюдь не парализуетъ правительство, дѣйствительно не парализовала его. Этимъ критикамъ не мѣшало бы немного подумать о томъ, почему Бисмаркъ, послѣ того какъ 3-го іюня 1866 года реорганизованная армія разбила австрійско-саксонскую военную силу, а прусскіе избиратели разгромили парламентскую оппозицію, несмотря па сильнѣйшее сопротивленіе юнкеровъ, все-таки просилъ парламентъ объ индемнитетѣ за управленіе безъ бюджета и свое желаніе обосновалъ, главнымъ образомъ, соображеніями внѣшней политики. Почти столь же остроумно другое соображеніе: если бы даже палата депутатовъ поступила въ смыслѣ Лассаля, то у правительства оставался еще въ распоряженіи весьма хорошо обставленный аппаратъ, чтобы при помощи распущеній, избирательныхъ маневровъ, административныхъ давленій всякаго рода усмирить, въ концѣ-концовъ, оппозицію, не переставая соблюдать мнимо-конституціонную форму. Что такими мѣрами правительство въ состояніи еще на нѣкоторое время оттянуть свою капитуляцію, на это указывалъ самъ Лассаль въ различныхъ мѣстахъ своей лекціи и справедливо видѣлъ въ этомъ еще одинъ лишній шансъ. Онъ

утверждалъ только, что оппозиція, которая говорила такъ много громкихъ словъ, какъ тогдашняя прогрессистская партія, и которая, дѣйствительно, имѣла за себя всю страну, не должна позволить такъ обращаться съ собой. Тѣмъ хуже для прогрессистовъ, если они оказались не такими серьезными людьми, за какихъ принималъ ихъ Лассаль! Тѣмъ болѣе настоятельна была необходимость основанія рабочей партіи, которая за 40 лѣтъ доказала, что серьезная оппозиціонная партія выноситъ, не поддаваясь, и не такія вещи, какъ крайне мелочныя, въ концѣ-концовъ, притѣсненія, которыми допекалъ въ то время Бисмаркъ прогрессистскую партію.

Если оставить въ сторонѣ подобныя близорукія возраженія, то намъ остается еще взвѣсить одно мнѣніе о тогдашней тактикѣ Лассаля, и отъ того, будетъ ли это мнѣніе правильно или нѣтъ, отношеніе между Лассалемъ и прогрессистской партіей представятся въ совершенно иномъ свѣтѣ. Изъ лагеря соціалистовъ шло мнѣніе, что Лассаль поступалъ правильно, если имѣлось въ виду вызвать революцію, на что у Лассаля, какъ у революціонера, имѣлось достаточно рѣшимости. Но нельзя также обвинять прогрессистскую партію, если она отклонила предложеніе Лассаля, съ своей точки зрѣнія считая революцію преждевременною или, вообще, не желая ея. Безъ революціи въ непосредственномъ резервѣ добровольный отказъ отъ парламентской трибуны имѣетъ не больше значенія, чѣмъ пресловутое пассивное сопротивленіе. Но такъ какъ Лассаль, слѣдуя той же аргументаціи, отвергалъ планъ отказа отъ уплаты податей, то нельзя допустить, чтобы онъ въ своемъ собственномъ предложеніи имѣлъ подобную заднюю мысль. Онъ утверждалъ совершенно серьезно, что при тогдашнихъ условіяхъ революція была совершенно немыслима. Въ этомъ пунктѣ не было рѣшительно никакого различія во мнѣніяхъ между нимъ и прогрессистской партіей, такъ же какъ и

въ вопросѣ объ отказѣ отъ платежа налоговъ. Когда нѣсколько позднѣе ту же мысль затронулъ Іоганнъ Якоби, то Вальдекъ, самый видный вождь прогрессистской партіи, объяснилъ совершенно въ смыслѣ Лассаля: для того, чтобы съ успѣхомъ провести отказъ отъ податей, нужно обладать учрежденіями, какими въ свое время располагалъ Джонъ Гэмпденъ, т. е. возможностью протестовать передъ судомъ противъ насильственнаго взиманія налоговъ.

То, что предлагалъ Лассаль, оставалось совершенно на почвѣ возможнаго для бюргеровъ и даже вполнѣ согласовалось съ самою сущностью буржуазіи. Лассаль принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, которые умѣютъ читать исторію, и онъ требовалъ не болѣе того, что прусская буржуазія 40-хъ годовъ могла провести со сноснымъ успѣхомъ и сносной выдержкой. Не было ничего особеннаго въ томъ требованіи, чтобы Твестены и Вальдеки провели въ 60-хъ годахъ при несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ то, что сдѣлали Кампгаузены и Ганземаны въ 40-хъ годахъ. Тактика Лассаля можетъ быть резюмирована въ слѣдующемъ выразительно-популярномъ положеніи: онъ требовалъ лишь, чтобы буржуазія обезоружила абсолютизмъ, лишивъ его доходовъ. Прусскій абсолютизмъ въ своей незамаскированной формѣ искони пользовался на европейскомъ денежномъ рынкѣ до огорченія ничтожнымъ кредитомъ. „Эти господа, т. е. европейскіе финансовые короли,—писалъ нѣсколько лѣтъ спустя Энгельсъ,—учитываютъ только векселя съ 3-мя подписями, и если рядомъ съ правительствомъ подписывается только палата господъ, безъ палаты депутатовъ, или палата депутатовъ, состоящая изъ маріонетокъ,—то они не признаютъ такого векселя и отказываются отъ сдѣлки“. Въ этомъ-то и заключалась сущность лассалева предложенія, и, слѣдуя пути, намѣченному Лассалемъ, буржуазія могла, такъ сказать, съ математическою точностью заставить абсолютизмъ капитулировать.

Но если бы даже не было такой увѣренности, то Лассаль имѣлъ право сказать, что и тогда планъ его все-таки болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ бюргерской оппозиціи, нежели противоположная тактика. Самое убѣдительное доказательство этого можно представить, исходя отъ противнаго. Печальныя послѣдствія, которыя предсказывалъ Лассаль отъ продолженія засѣданій палаты, дословно подтвердились. Парламентское бюджетное право сдѣлалось совершенно иллюзорнымъ въ силу того, что палата депутатовъ вообразила, что вторымъ, третьимъ, и четвертымъ отклоненіемъ она можетъ сломить сопротивленіе правительства первому отклоненію. Какъ пророчилъ Лассаль, это повело лишь къ тому, что пріучило смотрѣть на неудобныя рѣшенія палаты, какъ на не существующія. Г. Б. Опенгеймъ, неизмѣнный спутникъ Руге съ 1848 года, а во время конституціоннаго конфликта издатель „Deutsche Jahrbücher“, который прогрессистская партія признавала своимъ, такъ сказать, „научнымъ“ органомъ, пишетъ по этому поводу: „Вскорѣ обсужденіе бюджета превратилось въ пустую и почти смѣшную работу, такъ какъ въ другихъ областяхъ, не считая уже военнаго бюджета, правительство перестало обращать вниманія на вычеркиваніе второй палаты (напр., по поводу секретныхъ фондовъ), а палата господъ и безъ того отвергала исправленный бюджетъ и возстановляла правительственный проектъ, завѣдомо нарушая этимъ конституцію. Подобное отношеніе должно было вредно отразиться, подрывая серьезность самыхъ дебатовъ. Самая реальная функція государственной жизни была низведена на степень пустой демонстраціи. Въ этой фикціи мнимаго выполненія парламентарныхъ функцій заходили все дальше и дальше и нисколько не стѣснялись высказывать министерской скамьѣ, которая относилась съ такимъ грубымъ призрѣніемъ къ палатѣ и съ которою находились въ открытой враждѣ,— свои желанія и надежды, безпрерывно подавать ей

петиціи для свѣдѣнія и соображенія и даже рекомендовать мѣры къ устраненію золъ".

Думали, что палата можетъ въ этомъ положеніи оградить себя отъ „униженія и осмѣянія", прибѣгнувъ къ „наивному формализму", къ юридической фикціи, состоящей въ настойчивомъ предложеніи правильной парламентской дѣятельности; они думали, что этимъ она можетъ выпутаться изъ внутреннихъ противорѣчій существованія, правовыя основы котораго безпрерывно подвергались насильственному нарушенію.

Не прошло и года, какъ болѣе серьезныя и глубокія натуры въ рядахъ буржуазной оппозиціи возмутились поведеніемъ прогрессистской партіи, которая мнила себя въ зеркалѣ своихъ безсильныхъ протестовъ и резолюцій гигантомъ, кулакъ котораго ломаетъ прусскіе штыки, какъ соломинки. Политикою прогрессистовъ, болѣе или менѣе сильно, возмущались не только тѣ, которые сознательно пережили 1848 годъ, какъ Бухеръ, Якоби, Родбертусъ, Циглеръ, но также болѣе молодыя силы. Такъ Альбертъ Ланге очень скоро пришелъ къ убѣжденію, что прогрессистская партія отступаетъ передъ тѣмъ, что собственно составляетъ самую суть конфликта,—передъ борьбой съ короною. Генрихъ фонъ-Трейчке подъ львиными шкурами прогрессистскихъ народныхъ трибуновъ открылъ самыхъ мирныхъ обывателей, которые завтра постановятъ учрежденіе комитета общественнаго спасенія, а послѣзавтра будутъ съ спокойствіемъ мудрецовъ сажать свою капусту, платить налоги и снимать шляпу передъ фельдъегеремъ. Не прошло еще и 2-хъ лѣтъ, какъ болѣе радикальные органы прогрессистской паріи, „Рейнская Газета" и „Берлинская Реформа", сухо заявили: „Намъ надоѣли торжественные протесты. Болтовня и безконечныя резолюціи не приведутъ въ движеніе во всей Германіи ни одного сухого листика". Даже органы ходячаго либерализма, какъ „Элберфельдская Газета" и „Бреславская Газета", посмѣивались

надъ „фразерами, которые обыкновенно не знаютъ даже, что скажутъ въ тотъ моментъ, когда они съ трескомъ всходятъ на излюбленную ораторскую трибуну“. Лассаль далеко не былъ одинокъ въ своей критикѣ прогрессистской партіи. Онъ лишь лучше другихъ видѣлъ обманъ и дѣлалъ лишь то, что при подобныхъ обстоятельствахъ диктовала необходимость историческаго прогресса: онъ старался освободить рабочій классъ отъ слѣдованія за этой веселой буржуазной партіей. Другіе критики дѣлали необходимое поздно и съ колебаніями, какъ, напр., Якоби и Ланге, или же, въ концѣ-концовъ, застряли въ прогрессистскомъ болотѣ, какъ Циглеръ, или, наконецъ, переходили, какъ Бухеръ, Родбертусъ и Трейчке, на сторону Бисмарка, который, по крайней мѣрѣ, готовъ былъ дать имъ объединеніе, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ.

Предложеніе Лассаля было довольно ясно, чтобы, по крайней мѣрѣ, смутить берлинскихъ избирателей и даже парламентскую фракцію прогрессистской партіи; на этотъ разъ нельзя было ограничиться замалчиваніемъ. 10-го января „Народная Газета“ открыла пушечную пальбу противъ Лассаля. Хотя имя его прямо не называлось, но зато она была тѣмъ болѣе злобна въ своихъ безсодержательныхъ по существу нападеніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не скрывала тревоги, что Лассаль будетъ на этотъ разъ охотно услышанъ. И дѣйствительно, когда 13 января 1863 года собрался ландтагъ, то восточно-прусскій депутатъ Мартини внесъ предложеніе Лассаля на обсужденіе фракціи прогрессистской партіи и, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени мнѣнія колебались. Въ пользу этого ясно говоритъ то обстоятельство, что „Реформа“ и „Фоссова Газета“ помѣстили у себя 13-го и 15-го января рѣзкія возраженія Лассаля на нападки „Народной Газеты“ и точно также напечатали въ очень благопріятномъ для Лассаля духѣ отчетъ о бурномъ судебномъ засѣданіи, въ которомъ разбирался 16-го января

процессъ противъ него по поводу „Программы работниковъ“. Тѣмъ не менѣе фракція, все же, въ концѣ-концовъ, отвергла предложеніе Мартини всѣми голосами противъ одного голоса докладчика, который послѣ этого сложилъ съ себя депутатскія полномочія, представивъ соотвѣтственную мотивировку. Когда 27-го января графъ Шверинъ, извративъ явно смыслъ заявленія, сдѣланнаго Бисмаркомъ въ палатѣ депутатовъ, выразился, что въ Пруссіи право всегда идетъ впереди силы, а не сила впереди права, то прогрессистская партія привѣтствовала эту тираду, трижды безсмысленную въ устахъ графа Шверина, безкорыстнымъ ликованіемъ. Этимъ она показала, что готова, закусивъ удила, летѣть галопомъ навстрѣчу своей гибели.

Причины, побуждавшія прогрессистскую партію отклонить предложеніе Лассаля, были разнообразнаго характера, но, въ общемъ, могутъ быть сведены въ три группы. Во-первыхъ, противъ него возсталъ руками и ногами парламентскій кретинизмъ. Лассаль хорошо зналъ папенгеймцевъ, когда въ своей рѣчи говорилъ прогрессистскимъ депутатамъ, что его тактика не представляетъ никакой опасности для жизни и что единственная жертва, которой онъ отъ нихъ требуетъ—временный отказъ отъ оффиціальнаго положенія—не такъ уже тяжела. Но для честныхъ посредственностей, которыми кишѣла прогрессистская партія, именно, это оффиціальное положеніе составляло все, и они никакъ не могли согласиться, чтобы „господинъ Лассаль“ посягнулъ на это сокровище. Къ сожалѣнію, они нашли сильную поддержку въ Вальдекѣ, завитой хохолъ котораго прогрессистская пресса называла „султаномъ на шлемѣ демократіи“. Со времени своего процесса 1849 года по обвиненію въ государственной измѣнѣ, Вальдекъ былъ самый популярный человѣкъ, именно, въ болѣе радикальныхъ кругахъ мелкой буржуазіи, отъ которой скорѣе всего можно было ожидать сочувствія предложенію Лассаля. Но, съ другой стороны,

именно, этотъ процессъ нанесъ королевско-прусскому демократу Вальдеку рану, которая никогда не могла вполнѣ зажить. И острая боль, причиняемая ею, вскорѣ заглушила первоначальныя сомнѣнія въ правильности прогрессистской политики. Если Вальдекъ въ 1848 г. превратилъ парламентское полномочіе въ какое-то первосвященство, то теперь онъ предостерегалъ фракцію съ ревностнымъ недовѣріемъ отъ всякаго вліянія извнѣ и требовалъ, наоборотъ, чтобы депутатъ внѣ палаты не развивалъ никакой открытой политической дѣятельности. Вальдекъ рѣшительнѣе, чѣмъ кто-либо, объявилъ: мы будемъ продолжать наши засѣданія, не заботясь о послѣдствіяхъ; предоставимъ это Богу и народу. Конечно, это было верхомъ парламентскаго кретинизма: сперва герметически замкнуться отъ народа, а затѣмъ объявить народъ высшей инстанціей, которая должна отвѣчать за всѣ глупости своихъ представителей. Но Вальдекъ былъ все же въ своемъ родѣ честнымъ человѣкомъ, и впослѣдствіи, невзирая на свою олимпійскую самоувѣренность, онъ съ горечью признавался, что прогрессистская партія сдѣлала тяжелую ошибку, принявъ „господина Лассаля“ за глупаго малаго.

Вторая, глубже коренящаяся причина, дѣлавшая прогрессистскую партію глухою къ предложенію Лассаля, была самая натура этой партіи, склонная къ компромиссамъ. Она гордилась, именно, тѣмъ, что соединяетъ въ одну „сомкнутую фалангу“ всѣ элементы оппозиціи „отъ Беккера до Шверина“. Жаль лишь, что дорога, по которой могли бы идти бокъ-о-бокъ, бывшій коммунистъ Беккеръ и настоящій монархистъ Шверинъ, лежала въ несуществующемъ царствѣ. Лассаль справедливо сказалъ, что его тактика требуетъ—если не особенной храбрости, то, во всякомъ случаѣ, энергіи и яснаго пониманія, т. е. качествъ, которыми не могла похвалиться прогрессистская партія. По мѣткому выраженію Альберта Ланге, пресловутая

„сомкнутость“ этой партіи заключалась въ томъ, что лучшіе элементы ея взаимно нейтрализовались. Прогрессистская партія хитро утверждала, что Лассаль проповѣдуетъ ничегонедѣланіе въ то время, какъ великіе представители ея желаютъ практически дѣйствовать. Но отъ этого нисколько не измѣняется тотъ фактъ, что прогрессистская помѣсь не могла возвыситься до настоящаго дѣла, котораго требовалъ отъ нея Лассаль, и что безконечная болтовня ея сводилась къ пустому ничего недѣланію. Для того, чтобы собрать вокругъ одного знамени всю эту разношерстную толпу прогрессистская партія въ рѣшительныя минуты свертывала это знамя и благодаря такой „неуклонности“ все больше уклонялась отъ прямого пути и все глубже погружалась въ трясину. При видѣ такого постояннаго отступленія вдвойнѣ комично звучало увѣреніе вожаковъ, что они способны на самые смѣлые, геройскіе подвиги, но что народъ еще недостаточно „созрѣлъ“ для правильной оцѣнки подобныхъ подвиговъ.

Но третій и самый сильный аргументъ, который могла выставить противъ Лассаля прогрессистская партія, хотя по понятной причинѣ она не особенно объ этомъ распространялась, былъ—классовая противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ. Между буржуазіей 40-хъ годовъ и буржуазіей 60-хъ годовъ лежали революціонные зачатки пролетаріата. Хотя предложеніе Лассаля было неуязвимо, именно, съ буржуазной точки зрѣнія, но все же оно раскрывало вопросъ о прусской конституціи во всей ея совокупности и требовало возстановленія правъ, отнятыхъ не только у буржуазіи, но также и у пролетаріата. Однако, прогрессисты даже во снѣ не помышляли возвратить рабочимъ права, которыя обманнымъ образомъ отняла у нихъ самодержавно-феодальная контръ-революція. Прусская конституція была мила ихъ сердцу, именно, благодаря отнятію этихъ правъ, и презрительный тонъ, съ которымъ говорилъ Лассаль объ этомъ

„обрывкѣ знамени“, его открытое заявленіе, что танецъ съ абсолютизмомъ долженъ быть повторенъ съ самаго начала, вселяли непреодолимый ужасъ во всѣ буржуазныя сердца.

Настоящую контръ-строфу въ отвѣтъ на лассалеву строфу пропѣлъ Унру. Въ то самое время, когда Лассаль произнесъ свою рѣчь 22 декабря 1862 года, онъ во главѣ депутаціи поднесъ прогрессистскимъ депутатамъ Берлина благодарственный адресъ, покрытый 40 тысячами подписей. При этомъ Унру сказалъ: „Если бы наши противники не пожелали забыть или замолчать, что нашъ теперешній избирательный законъ ведетъ свое начало отъ мая 1849 года, т. е. отъ того времени когда Національное Собраніе 1848 года было разогнано и вторая палата, избранная на основаніи всеобщаго избирательнаго права въ январѣ 1849 года была распущена въ апрѣлѣ того же года. Въ то время реакція побѣдила на всѣхъ пунктахъ. Избирательный законъ не былъ плодомъ постановленій палаты, но былъ изданъ по королевскому указу при министерствѣ Мантейфеля, которымъ и были устранены оба названныхъ народныхъ представительства. Двѣ трети выборщиковъ избираются первымъ и вторымъ классами гражданъ, платящими наибольшіе прямые налоги и составляющими вмѣстѣ едва десятую часть всѣхъ избирателей. И въ рукахъ этого меньшинства, исходящаго отъ богатыхъ и зажиточныхъ гражданъ, исходъ выборовъ. И если палата депутатовъ, созданная подобными выборами, все же имѣла за себя не только имущіе классы, но и менѣе достаточные и даже ту часть населенія, которая живетъ отъ трудовъ рукъ своихъ, то это воочію доказываетъ рѣдкое единодушіе, объединяющее все населеніе“. Пока Унру разсуждаетъ хорошо. И можно было бы ожидать, что дальше онъ скажетъ: „Если пролетаріатъ такъ храбро заступается за нарушенное бюджетное право буржуазіи, то и буржуазія въ свою очередь должна столь же

храбро вступиться за попранное избирательное право пролетаріата". Но ничуть не бывало! Такъ какъ Вагенеръ и другіе реакціонеры продолжали тогда заигрывать съ идеей всеобщаго избирательнаго права для того, чтобы запугать буржуазію, то Унру продолжалъ: „Согласно ясному смыслу статьи 115 конституціи, подтвержденной присягою, избирательный законъ отъ 30 мая 1849 года — указъ, который октроировалъ трехклассную систему выборовъ и который самъ Унру призналъ незаконнымъ — сталъ нераздѣльною частью конституціи. Слѣдовательно, всякое измѣненіе закона о выборахъ путемъ указовъ несомнѣнно составляетъ нарушеніе конституціи. Мы не можемъ допустить, чтобы правительство одобрило шагъ, столь тяжелый для правосознанія и могущества Пруссіи въ отношеніи совершенно спокойнаго народа, твердо придерживающагося законовъ. И мы твердо убѣждены, что его величество не послѣдовалъ бы такому совѣту". Тертый дѣлецъ и твердый руководитель оппозиціи, какимъ былъ Унру, становится здѣсь мистикомъ, передъ восторженными видѣніями котораго блѣднѣетъ вся реакціонная романтика. Присяга, которую даетъ „королевское величество", превращаетъ право въ неправду такъ же, какъ и неправду въ право. Всеобщее избирательное право существовало по праву, но было несправедливо устранено трехклассной системой выборовъ. Но такъ какъ „его королевское величество" своей присягой превратилъ неправду трехклассной системы выборовъ въ право, то всеобщее избирательное право, существующее по праву, должно примириться съ ролью неправды. Если бы рѣчь Унру не лежала передъ нами дословно въ тогдашнихъ прогрессивныхъ газетахъ, и если бы черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ онѣ не сохранили влагу отъ слезъ умиленія, пролитыхъ надъ нею народными представителями, къ которымъ она была обращена,—то можно было бы принять ее за сатиру, сочиненную необычайно злостнымъ сатирикомъ

на тогдашнюю политику прогрессистской партіи. Но въ дѣйствительности то была не сатира, а скорѣе вопль, вырвавшійся изъ глубины души буржуазіи.

Въ то же время она показала, что предложеніе Лассаля не могло бы быть принято и въ томъ случаѣ, если бы прогрессистская партія была проникнута ясными принципами и не заражена парламентскимъ кретинизмомъ. Буржуазія желала вести конституціонный конфликтъ съ помощью пролетаріата настолько лишь, насколько это соотвѣтствовало ея одностороннимъ классовымъ интересамъ и ни на волосъ дальше. Она скорѣе была готова на соглашеніе съ „его королевскимъ величествомъ“, нежели предоставить рабочимъ долю въ ожидаемой отъ побѣды добычѣ. Классъ, „живущій отъ трудовъ рукъ своихъ“, долженъ былъ тащить каштаны изъ огня для имущаго класса, а затѣмъ убраться, какъ это подобало „мавру, исполнившему свой долгъ“.

Лассаль до послѣдняго момента оставлялъ дверь открытою для буржуазіи. Еще въ своей судебной рѣчи, произнесенной 16-го января, онъ объяснялъ: „Буржуазія и рабочіе—всѣ мы члены одного народа и вполнѣ единодушны противъ нашихъ общихъ угнетателей“. Не такъ поступила прогрессистская партія. Постановивъ свое рѣшеніе, она старалась дискредитировать передъ избирателями предложеніе Лассаля наполовину злобными, наполовину ребяческими выдумками, что Лассаль будто бы дѣйствуетъ заодно съ Висмаркомъ и требуетъ, чтобы сила шла впереди права. Лассаль пытался защитить себя отъ такого недостойнаго подозрѣнія, но теперь даже „Берлинская Реформа“ и „Фоссова Газета“ закрыли передъ нимъ свои столбцы. „Зажать ротъ, замалчивать, подавлять все, что не подходитъ къ жалкимъ идеямъ прогрессистской партіи“ — такова стала отнынѣ по горькому и справедливому замѣчанію Лассаля тактика буржуазіи и ея органовъ. Онъ старался помочь себѣ тѣмъ, что напечаталъ про-

тестъ, въ помѣщеніи котораго отказали ему названныя газеты, въ видѣ самостоятельнаго летучаго листка, подъ названіемъ: „Сила и право". Ему было, конечно, легко доказать, что историческое изслѣдованіе не то же самое, что трактатъ о нравственности. Онъ доказывалъ лишь, что и почему сила предшествуетъ праву, что такъ оно есть; но онъ ни однимъ словомъ не касался при этомъ совершенно другого вопроса, что должно быть по его субъективному сознанію. Онъ всецѣло соглашается съ графомъ Шверинымъ и „Народной Газетой", что право должно бы предшествовать силѣ, но говорить о правѣ имѣетъ право только старая демократія, которая никогда не вступала въ компромиссы съ силою. За графомъ Шверинымъ, господиномъ фонъ-Унру и „Народной Газетой" онъ не признаетъ такого права, потому что они участвовали сами въ цѣломъ рядѣ правонарушеній, прикрашивали ихъ или заднимъ числомъ одобряли. Принося въ жертву право, они надѣялись добыть въ этой сдѣлкѣ частицы силы, но, какъ и слѣдуетъ, не получили отъ силы ничего, кромѣ пинковъ.

Такова уже судьба всякой измѣннической политики, что сильнѣе всего страдаютъ отъ нея ея же главные виновники. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Коль скоро прогрессистская партія желала смотрѣть на конституціонный конфликтъ не какъ на историческій вопросъ силы, а какъ на формальный вопросъ права, то она должна была вернуться къ апрѣльскимъ законамъ 1848 года; правда, эти законы представляли лишь буржуазное право, наскоро сотканное для того, чтобы вырвать у пролетаріата плоды мартовской революціи. Марксъ отвергъ ихъ еще въ 1849 году съ своей революціонной точки зрѣнія, а Лассаль ссылался на нихъ впослѣдствіи для того только, чтобы иллюстрировать непослѣдовательность прогрессистской партіи. Но съ точки зрѣнія прогрессистской партіи эти законы, и только они одни, олицетворяли формальное право. То

что послѣдовало за ними, распущеніе національнаго собранія, октроированіе конституціи и трехклассной системы выборовъ, представляло лишь рядъ противозаконныхъ государственныхъ переворотовъ, которые не могли стать формальнымъ правомъ и послѣ одобренія со стороны палаты, избранной на основаніи не согласной съ правомъ, трехклассной системы выборовъ. Съ формальной правовой точки зрѣнія, прусская конституція, какъ впослѣдствіи неоднократно доказывалъ Лассаль, не просуществовала ни одного дня на основанія права.

Но прогрессистская партія не желала возвратиться къ законамъ 6 и 8 апрѣля, хотя бы эти законы самымъ несомнѣннымъ образомъ закрѣпляли бюджетное право народнаго представительства. Она не желала этого потому, что тѣ же законы, вмѣстѣ съ тѣмъ, закрѣпляли также всеобщее, хотя и не прямое, избирательное право; они закрѣпляли также неограниченную свободу печати и собраній; прогрессистская же партія разъ навсегда не желала касаться грубаго насилія, совершеннаго контръ-революціей въ отношеніи рабочаго класса. Ея несчастье состояло въ томъ, что она сама отрѣзала подъ собою излюбленную правовую почву, судорожно цѣпляясь за нее, чтобы обмануть пролетаріатъ. Въ прусской конституціи въ ея настоящемъ видѣ, какъ она была принята ревизіонными палатами и подтверждена присягою короля, дѣйствительно, существовалъ тотъ „пробѣлъ", которымъ Бисмаркъ уплатилъ теоретическіе расходы по конституціонному конфликту. Если руководиться смысломъ и буквой прусской конституціи, то бюджетное право палаты депутатовъ было столь же сомнительно, насколько оно представлялось неприкосновеннымъ по закону 6 апрѣля 1848 года. Ревизіонныя палаты категорически отвергли толкованіе статьи 99 конституціи въ смыслѣ этого закона. Онѣ умышленно оставили открытымъ вопросъ, какъ поступить въ томъ случаѣ, если

3 законодательныхъ фактора не смогутъ придти къ соглашенію относительно бюджетнаго закона. Опираясь на прусскую конституцію, Бисмаркъ въ правѣ былъ сказать, что его управленіе безъ бюджета хотя и не согласно съ конституціей, но и не противорѣчитъ конституціи. „Право“, которымъ буржуазія намѣревалась провести пролетаріатъ, было чистой прибылью для абсолютизма.

Такъ прусская и, что исторически одно и то же, нѣмецкая буржуазія во второй и послѣдній разъ доказала свое политическое банкротство. Изъ страха передъ пролетаріатомъ она снова уклонилась отъ рѣшительной борьбы съ короною и юнкерствомъ. И какими бы громкими фразами она ни пыталась обмануть себя насчетъ послѣдствій своей политики, но эти послѣдствія не преминули съ точностью наступить. Прошло 40 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкая буржуазія отказалась отъ борьбы за политическое господство. Она удовлетворилась тѣмъ, что съ безстыднымъ эгоизмомъ отстаивала лишь матеріальные интересы своего класса и развѣ еще хитростью или лестью пыталась отвоевать у короны и юнкерства скромную частичку политической власти. И если кому-либо изъ ея среды удавалось пробраться въ министерство, то онъ считалъ своей высшей задачей быть вѣрноподданнѣйшимъ слугою короля, а въ случаѣ надобности даже юнкерства. Блестящій примѣръ этого рода представляетъ Микель, который несомнѣнно принадлежитъ въ политическомъ отношеніи къ наиболѣе выдающимся представителямъ нѣмецкой буржуазіи.

Такой ходъ событій не былъ для Лассаля неожиданностью. Но это нисколько не умаляетъ политики, которой онъ послѣдовательно и твердо держался до тѣхъ поръ — идти, пока возможно, рука объ руку съ буржуазіей. Самостоятельная политика рабочаго класса имѣла оправданіе лишь съ того момента, какъ буржуазія доказала свою неспособность покончить съ

абсолютизмомъ и феодализмомъ; когда она прямо высказала нежеланіе выполнить свою историческую задачу и пожелала рука объ руку съ абсолютизмомъ и феодализмомъ угнетать рабочій классъ. Сами факты наложили печать на политику Лассаля: въ тотъ моментъ, когда буржуазія сорвала послѣднее покрывало съ своего внутренняго существа, раздались первые голоса изъ среды рабочаго класса, которые объявили себя готовыми и способными сдѣлать то, что стало отнынѣ историческимъ правомъ и историческимъ долгомъ этого класса.

Когда нѣмецкая буржуазія оказалась политически несостоятельной и отвергла права народа, нѣмецкій пролетаріатъ вступился за эти права и заявилъ свои притязанія на политическое господство.

№ 11.

Гражданское право и неимущіе классы населенія.

Сочиненіе **А. Менгера.**

Переводъ съ 2-го исправл. и дополн. нѣмецкаго изданія д-ра **Я. А. Лурье.**

Хотя въ основу настоящаго труда положена критика Гражданскаго Уложенія Германіи, но она имѣетъ такое же значеніе и для другихъ странъ, такъ какъ германское Уложеніе здѣсь служитъ только образцомъ. Разбирая главу за главой, параграфъ за параграфомъ, авторъ показываетъ, насколько существующее гражданское право не соотвѣтствуетъ интересамъ неимущихъ классовъ и какъ мало принимаются во вниманіе эти интересы законодателемъ. Строгая научность юридическаго разбора выгодно сочетается здѣсь съ живымъ популярнымъ изложеніемъ, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что эта книга переведена почти на всѣ европейскіе языки.

Цѣна 45 коп., въ изящномъ переплетѣ 57 коп.

№ 12.

Шарль Фурье.

Его жизнь и ученіе.

Сочиненіе **Авг. Бебеля.**

Переводъ съ нѣмецкаго **В. Лаврова.**

Фурье — одинъ изъ главныхъ представителей утопическаго соціализма, предшествовавшаго современному научному соціализму. Ученіе Фурье представляетъ собой законченную систему соціалистическаго устройства общества. Сильная его сторона — критика существующаго порядка. Въ этой книгѣ знаменитый вождь германской соціалъ-демократіи даетъ блестящую характеристику этого замѣчательнаго человѣка и излагаетъ его ученіе въ связи съ экономическими и политическими условіями его времени.

Цѣна 42 коп., въ изящномъ переплетѣ 54 коп.

Типографія Т-ва „Просвѣщеніе". С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20